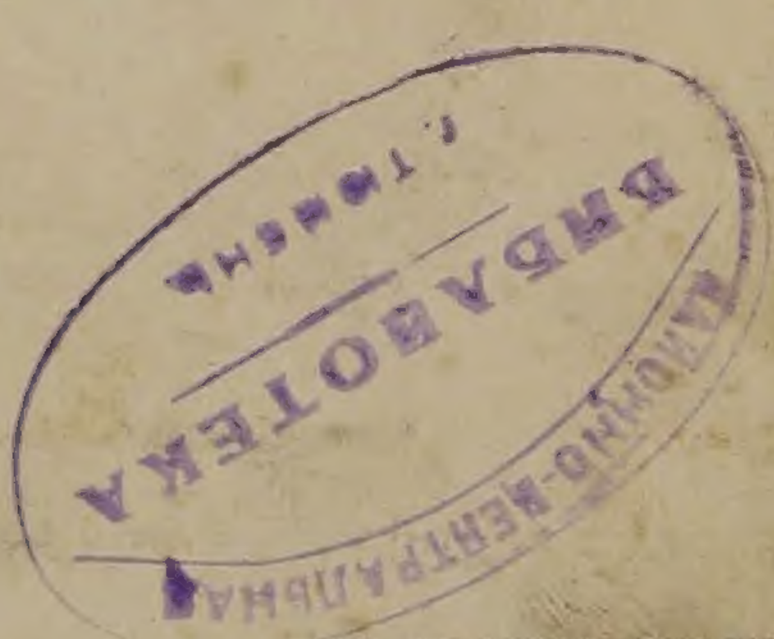

НАЦИОНАЛ
4690
ем движении Англии будет
самым кардинальным, по
ожидать упорнейшей борь-
ся лицом к лицу два лагеря:
ожди, большие и малень-
т присутствовать на
officio или в качестве де-
легаты от масс.
держивать и бороться
зм, старый хаос, хотя
е названия для ста-
ние же будут бо-
ый централизм *по*
ый штаб.
которая бу-
фсоюзов,
ться

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 9 ФЕВРАЛЯ 1894 Г. ТИП. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ 8.

Вѣстн. Ужъ я думала, что сегодня и до тебя не доѣду...

(Актъ I, явл. VII).

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XVII-й.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Начальное ученіе. — Пословицы. — Сказки. — Были и небылицы. — О время! ком — Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1894.

QUAERENDO

Предисловіе.

Сочиненія Императрицы Екатерины II, подобно произведеніямъ бóльшей части писателей XVIII-го столѣтія, не смотря на громадное историческое и историко-литературное ихъ значеніе, до сихъ поръ не имѣютъ достойнаго изданія. Многія изъ нихъ совсѣмъ еще неизвѣстны въ печати, иныя воспроизведены въ искаженномъ видѣ, подлинность другихъ представляется дѣломъ спорнымъ, значительная часть разсѣяна по различнымъ историческимъ сборникамъ и періодическимъ изданіямъ. Первое по времени такъ называемое полное собраніе сочиненій Императрицы Екатерины II—Смирдина, въ 3-хъ том., относится къ 1849—50 гг. и отличается всѣми недостатками, свойственными вообще его предпріятію. Затѣмъ, въ 1890 г., въ серіи „Дешевой Библіотеки“ А. С. Суворина, вышли, въ 3-хъ томахъ, „Избранныя сочиненія“ Императрицы. Текстъ здѣсь свѣренъ если не съ рукописями автора, то по крайней мѣрѣ съ болѣе исправными первоизданіями, и вообще это несравненно болѣе удачное изданіе; но расчитанное на „большую публику“, оно заключаетъ въ себѣ лишь незначительную часть написаннаго Императрицей Екатериной II. Такой-же характеръ носятъ и вышедшія въ 1893 г. исключительно литературныя произведенія того-же автора, изданныя, въ одномъ томѣ, подъ редакціей А. Н. Введенскаго.

Такимъ образомъ, при выборѣ произведеній для настоящаго изданія, мы могли располагать лишь относительно исправнымъ текстомъ, и притомъ далеко не всего, написаннаго Императрицей. По принятому правилу, въ составъ настоящей кн. „Русской Классной Библіотеки“ вошли немногія изъ чисто-литературныхъ произведеній автора, достаточныя для того, чтобы учащійся могъ составить себѣ отчетливое понятіе о писателѣ. Многія поэтому весьма важныя сочиненія, какъ напр. обширная переписка, весьма цѣнная въ историческомъ отношеніи, Наказъ, составляющій крупный юридическій памятникъ, Инструкція, журнальныя и полемическія статьи не нашли здѣсь мѣста. Содержаніе помѣщеннаго въ этомъ вып. распадается на два отдѣла: 1) Статьи этическаго характера вообще и педагогическія въ частности, и 2) статьи сатирическія. Взаимно дополняя и разъясняя другъ друга, статьи обоихъ отдѣловъ представляютъ тѣсную, неразрывную между собою связь. „Гражданское начальное ученіе“—своего рода „домострой“ того времени,—пословицы и аллегорическія сказки составляютъ, въ общей совокупности, изображеніе нравственнаго и воспитательнаго идеала, построеннаго на основаніи просвѣтительныхъ идей нѣкоторыхъ западно-европейскихъ мыслителей, которымъ сочувствовала Императрица. „Были и небылицы“, а также лучшая изъ комедій „О время!“ служатъ яркими образцами сатиры, при содѣйствіи которой Императрица надѣялась расчистить и подготовить почву для проведенія въ общество своихъ завѣтныхъ идеаловъ,—сатиры, самое направленіе и содержаніе которой является непосредственнымъ продолженіемъ предшествовавшихъ сатирическихъ писателей. Произведенія этихъ двухъ отдѣловъ, повторяемъ, совершенно достаточны для полной

характеристики писателя. При печатанiи „Былей и Небылицъ“, произведенiя случайнаго, навѣяннаго стихомъ Державинской „Фелицы“: „И быль, и небыль говоритъ“, и состоящаго изъ безсвязныхъ, но остроумныхъ бѣглыхъ замѣтокъ о всякой всячинѣ,—мы принуждены были выпустить нѣкоторыя мелочи, имѣвшiя личный характеръ и мало понятныя безъ обстоятельныхъ разъясненiй, а также полемическiя статьи, нападки на масоновъ и т. п.: выпущеннаго, впрочемъ, немного, а главное оно не существенно.

Къ книгѣ прилагаются четыре объяснительныя статьи: Н. А. Лавровскаго, А. Д. Галахова, П. К. Щебальскаго и Я. К. Грота, разсматривающiя педагогическiя сочиненiя, „Были и Небылицы“ и комедiю „О время“, а также дающiя общую характеристику автора.

Портретъ императрицы Екатерины II и рисунокъ, изображающiй сцену изъ комедiи „О время!“, дополняютъ содержанiе настоящаго выпуска.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ГРАЖДАНСКОЕ НАЧАЛЬНОЕ УЧЕНІЕ [1].

1783.

1) Всякое дитя родится неученымъ.

2) Долгъ родителей есть дать дѣтямъ ученіе.

3) Человѣкъ имѣетъ природу, одарованную благомъ.

4) Сдѣлавъ ближнему пользу, самъ себѣ сдѣлаешь пользу.

5) *Вопросъ:* кто есть ближній? *Отвѣтъ:* Всякій человѣкъ.

6) Сдѣлай добро, дабы дѣлать добро, а не ради того, чтобъ пріобрѣсть похвалу или благодарность.

7) Добрыя дѣла сами собою воздаянія приносятъ.

8) Буде увидишь неблагодарнаго, то знай, что онъ дѣлаетъ худо; но для того не переставай дѣлать добро.

9) Дѣлай добро и не перенимай худого, пусть у тебя перенимаютъ доброе.

10) Дитя родителямъ оказываетъ благодарность покорностію и почтеніемъ.

---

[1]) Гражд. начальное ученіе—одно изъ педагогическихъ сочиненій Императрицы Екатерины II, предназначенныхъ для чтенія ея внуковъ, великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Это собраніе краткихъ изреченій, выражающихъ нравственныя правила, вопросовъ и отвѣтовъ, приводимыхъ для того, чтобы дать понятіе о нѣкоторыхъ предметахъ, важныхъ въ жизни. Цѣль книги опредѣляется ея заглавіемъ — объяснить понятія, нужныя гражданину, и его обязанности. Нѣкоторыя изреченія взяты прямо изъ „Наказа"; другія представляютъ какъ-бы примѣры и подтвержденія положеній „Инструкціи Н. И. Салтыкову", при назначеніи его воспитателемъ великихъ князей. Охватывая различныя стороны гражданской и семейной жизни того времени, „Гражданское начальное ученіе" можетъ быть, по справедливости, названо своего рода Домостроемъ того времени.

11) Дитя до семи лѣтъ есть младенецъ; послѣ семи лѣтъ отрокъ; а послѣ пятнадцати лѣтъ юноша.

12) Во всякомъ возрастѣ почитай родителей.

13) Отъ родителей человѣкъ получаетъ и принимаетъ благодѣяніе.

Отъ мужа жена, а отъ жены мужъ—склонность.

Отъ брата—горячность.

Отъ друга или пріятеля—пріязнь.

Отъ Государя—милость.

Отъ служителя—вѣрность и услуженіе.

14) Всякому младенцу предлежатъ два великіе пути: первый—справедливости, второй—любви къ ближнему.

15) Законъ предписываетъ человѣку любить ближняго, какъ самого себя.

16) Не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было.

17) Кто состояніемъ своимъ доволенъ, тому жить весело.

18) Кто имѣетъ веселье и веселиться не можетъ, тотъ боленъ, или отдается мыслямъ своимъ во угнетеніе.

19) Кто завистливъ, или желаетъ того и сего, тому не дождаться веселья.

20) Кто не обучился въ юности, того старость бываетъ скучна.

21) Лѣность есть дурной учитель.

22) Праздность есть мать скуки и многихъ пороковъ.

23) Разумный человѣкъ всегда можетъ найти упражненія.

24) *Вопросъ:* многоли дней въ недѣлѣ? *Отвѣтъ*: Семь: воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ, середа, четвертокъ, пятница, суббота.

25) *Вопросъ:* Много ли мѣсяцевъ въ году? *Отвѣтъ:* Двѣнадцать: Генварь, Февраль, Мартъ, Апрѣль, Май, Іюнь, Іюль, Августъ, Септябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь.

26) *Вопросъ:* Много ли дней въ году? *Отвѣтъ:* Триста шестьдесятъ пять дней въ простомъ году; въ четвертомъ же

годѣ, который называется высокосный годъ, одинъ день прибавляется.

27) Пословица говоритъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись.

28) *Вопросъ:* Много ли временъ въ году? *Отвѣтъ:* четыре: весна, лѣто, осень, зима.

29) *Вопросъ:* Много ли стихій? *Отвѣтъ:* четыре: вода, огонь, воздухъ, земля.

30) *Вопросъ:* Много ли странъ свѣта? *Отвѣтъ:* четыре: востокъ, югъ, сѣверъ, западъ.

31) *Вопросъ:* На сколько частей раздѣляется извѣстная часть земного шара? *Отвѣтъ:* На четыре: Европа, Азія, Африка, Америка.

32) *Вопросъ:* Много ли чувствъ у человѣка? *Отвѣтъ:* пять: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе.

33) Буде увидишь пороки ближняго, не оказывай ему свои осужденіемъ.

34) Бранныя слова оскорбляютъ уста, изъ которыхъ исходятъ, столько же, сколько и уши, въ которыя входятъ.

35) Единъ Богъ совершенъ.

36) Въ свѣтѣ ничего совершеннаго нѣтъ.

37) Человѣкъ съ добрымъ сердцемъ старается обращать всякую вещь и дѣло въ добро; человѣкъ съ дурнымъ сердцемъ старается въ добрѣ найти злое.

38) Мало на то надобно смысла, чтобъ что опорочить.

39) Полезно здравію кушать и пить умѣренно и нимало не сердиться, когда кушаешь.

40) Пословица говоритъ: ртомъ болѣзнь входитъ, а бѣда выходитъ.

41) Грубость портитъ, мѣшаетъ и умаляетъ веселіе.

42) Легкомысленъ тотъ, кто говоритъ безъ уступки.

43) Упорный встрѣчаетъ соперниковъ.

44) Соперникъ лжи есть истина.

45) Кто не лжетъ, того всякой рѣчи люди вѣрятъ.

46) Преодолѣвши какой ни на есть трудъ, человѣкъ чувствуетъ удовольствіе.

47) Снести то на сердцѣ, чего другой снести не могъ, есть опытъ твердой души; но учинить то добро, чего другой учинить не могъ, есть похвальное дѣло.

48) Трудъ преодолѣвается трудомъ.

49) Кто привыкъ къ трудамъ, тому трудъ облегченъ.

50) Люди часто сами бываютъ причиною своего счастія и несчастія.

51) Пословица говоритъ: на Бога надѣйся, но самъ не оплошай.

52) Человѣкъ и съ посредственнымъ умомъ, буде трудъ приложитъ, искусенъ быть можетъ.

53) Здравой разсудокъ и добрая воля много добрыхъ дѣлъ произведетъ.

54) Поступками буде превосходить кого, то добродѣтельными.

55) Честность есть неоцѣненное сокровище.

56) Невыполненіе обѣщанія не есть искусство.

Обманъ не есть остроуміе.

Хитрость не есть разумъ.

Тонкость не есть чистосердіе.

57) Стыдно человѣку обличать другого своею виною.

58) Когда самую истину показывать надлежитъ, на то излишнихъ словъ не надобно.

59) Кто мало разсуждаетъ о томъ, что дѣлаетъ или говоритъ, тотъ вѣтренъ.

60) Въ спорѣ на что сердиться? всякъ человѣкъ рожденъ съ своимъ смысломъ и понятіемъ, такъ какъ и съ своимъ лицемъ.

61) Кто не сердясь выслушиваетъ того, кто съ нимъ споритъ, тотъ авось либо услышитъ ему или ближнему полезное.

62) Лакедемоняне отъ младенчества поваживали дѣтей говорить слогомъ краткимъ и яснымъ правду.

63) Кто не можетъ разсудить, что полезно, или честно, или добро, или худо, тотъ еще немного ума имѣетъ.

64) Кто берется за дѣло, что исправить не можетъ, тотъ показываетъ свою слабость.

65) Всякъ въ обществѣ живущій подверженъ общественнымъ законамъ.

66) Добрые законы направляютъ дѣйствія гражданъ къ добру.

67) Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

68) Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ.

69) Все, что въ законѣ называется наказаніе, дѣйствительно не что иное есть, какъ трудъ и болѣзнь.

70) Власть судейская состоитъ въ одномъ исполненіи законовъ.

71) Множество злоупотребленій вкрадываются по малу во все то, что идетъ чрезъ руки человѣческія.

72) Гдѣ есть раздѣленіе между особами, тамо есть также и преимущества особамъ законами утвержденныя.

73) Гдѣ умѣренность наблюдается, тутъ и самаго меньшаго гражданина жизнь, имѣніе и честь во уваженіе принимаются.

74) Во всякомъ дѣлѣ должно выслушать обѣ стороны; пусть защищаетъ всякій свою правду.

75) Законы можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ, и безъ которыхъ бы общество разрушилось.

76) Съ начала свѣта не случалось еще ни одному человѣку во всѣхъ случаяхъ быть совершенно благополучну.

77) За счастливаго почитается тотъ, которому мало зла приключается.

78) Въ житіи человѣческомъ благополучіе не бываетъ безъ бѣдствія, и бѣдствіе безъ добра; и для того въ печали, какъ въ радости, разсудительному человѣку благопристойно сохранить умѣренность.

79) Сердиться не должно на того, кто тебя выше или ниже; а то во гнѣвѣ не будетъ равенства.

80) Кто въ сердцѣ предпріиметъ подвигъ, тотъ равенъ тому, который садится на корабль во время бури.

81) Въ свѣтѣ ссоры иногда бываютъ отъ бездѣлицы.

82) Миръ производитъ доброе согласіе, доброе же согласіе множество пользъ и пріязни; ссоры же и несогласіе умаляютъ и удручаютъ всякое добро.

83) Подозрѣніе безъ причины можетъ огорчить лучшаго пріятеля.

84) Кто не только старается то, что предпріиметъ, дѣлать хорошо, но еще какъ возможно лучше, тотъ весьма близокъ къ успѣху.

85) По заслугамъ воздаяніе.

86) Жалокъ тотъ, который, услыша правду, досадуетъ.

87) Трудно кого исправить, буде самъ труда не приложитъ.

88) *Вопросъ:* Что есть добрый гражданинъ? *Отвѣтъ:* добрый гражданинъ есть тотъ, который выполняетъ съ точностію всѣ гражданскія обязательства, домашнія: яко сынъ, яко братъ, яко мужъ, яко отецъ, яко получающій услуги, или яко отправляющій служеніе по состоянію, въ которомъ находится; общественныя: яко въ обществѣ живущій; и дружескія: яко другъ и яко добрый сосѣдъ.

89. КИТАЙСКІЯ МЫСЛИ О СОВѢСТИ.

Описаніе совѣсти.

Совѣсть есть свѣтило внутреннее, закрытое, которое освѣщаетъ единственно самого человѣка, и речетъ ему гласомъ тихимъ безъ звука; трогая нѣжно душу, приводитъ ее въ чувство, и слѣдуя за человѣкомъ вездѣ, не даетъ ему пощады ни въ какомъ случаѣ.

Именованія совѣсти.

Помѣщикъ сердца, совѣтникъ разсудка, руководитель души, повѣренный добродѣтели, стряпчій должности, защит-

никъ слабаго, зерцало невинности, узда страстей, пугалище пороковъ.

Пять временъ совѣсти:

Время, когда совѣсть наставляетъ.

Время, когда совѣсть побуждаетъ.

Время, когда совѣсть оправдаетъ, или обвиняетъ.

Время, когда совѣсть, оскорбляетъ, или утѣшаетъ.

Время, когда совѣсть прячется или заснетъ.

90) Искусный стрѣлокъ, не попадая въ цѣль, вину не кладетъ на лукъ, или стрѣлы, но у самого себя въ проронкѣ требуетъ отчета: однако для того бодрости духа и охоты не теряетъ.

91) Въ своихъ трудахъ и страданіи прилично человѣку имѣть терпѣніе, къ людскимъ же винамъ и погрѣшностямъ великодушіе.

92) Ошибки суть свойственны человѣчеству.

93) Нѣтъ стыда признаться человѣку въ своей ошибкѣ.

94) Невѣжество, находя въ своемъ смыслѣ простые каменья, принимаетъ ихъ за лучшіе алмазы, и за такіе выдаетъ ихъ другимъ.

95) Даже до тѣлъ небесныхъ, и тѣ порядку повинуются.

96) Къ управленію дома служатъ радѣніе и умѣренность.

Къ соблюденію рода—хорошее дѣтямъ воспитаніе.

Къ житію въ домѣ—миръ и согласіе.

Къ возвышенію рода—житіе добродѣтельное.

97) На часъ увѣщевать человѣка языкомъ, а на вѣкъ книгою.

98) Доброй хозяйки должность есть: быть тихой, скромной, постоянной, осторожной; къ Богу усердной, къ свекру и свекрови почтительной; съ мужемъ обходиться любовно и благочинно, малыхъ дѣтей пріучать къ справедливости и любви къ ближнему; слугъ и служанокъ содержать милостиво; предъ родственниками и свойственниками быть учтивой, добрыя рѣчи слушать охотно, лжи и лукавства гнушаться; не

быть праздной, по радѣтельной на всякое издѣліе и бережливой въ расходахъ. Развратъ дому есть: буде хозяйка любитъ слушать отъ слугъ и служанокъ разныя враки, а выслушавъ, съ прибавленіемъ сказываетъ оныя мужу, и мужъ тому вѣритъ.

99) Искусенъ человѣкъ тотъ, у котораго въ домѣ всѣ живутъ хорошо и спокойно, безъ ябедъ и наговоровъ, но въ приличномъ надзираніи.

100) Кто малыя вещи ставитъ за великія, тотъ размѣру вещей не знаетъ.

101) Платонъ Аѳинейскій совѣтовалъ разсерженному человѣку смотрѣться въ зеркало. Въ сердцѣ человѣкъ безобразенъ: иной краснѣетъ, иной блѣднѣетъ, уста чернѣютъ, у иныхъ глаза наливаются кровію, или жилы напрягаются и синѣютъ.

102) Конецъ гнѣва есть начало раскаянія; грозить же кому есть дѣло слабаго духа.

103) Прощеніе гораздо лучше мщенія. Прощеніе есть свойство кроткаго нрава; мщеніе есть начало свирѣпства.

104) Кто хощетъ быть страшенъ, тотъ имѣетъ бояться многаго.

105) Сократъ говаривалъ, что тутъ хорошаго нѣтъ, гдѣ не есть доброе.

106) Кто превосходитъ мѣру, тотъ вещь самую лучшую или пріятную учинитъ развратною.

107) У Аристотеля спросили: какъ надлежитъ быть съ друзьями? Отвѣтъ его былъ: каковыми хочешь имѣти ихъ къ себѣ.

108) У Діогена нѣкто спросилъ: какъ отмстить тому, кто его злословилъ! Діогенъ въ отвѣтъ сказалъ: не твори худо; злословника лжецомъ сотворишь.

109) Непріятели разумному человѣку служатъ; онъ, услыша отъ нихъ свои пороки, оные исправитъ.

110) Буде хочешь быть благъ, отрини отъ себя то, что въ иномъ найдешь осудительнаго.

111) Ученіе Ксенократа [1]) содержало слѣдующее:

Въ началѣ чти Бога, потомъ родителей. Твори правду; аще злѣ судиши, Богъ осудитъ. Нищету не презирай, чистоту соблюди.

112) Наставленія Віаса [2]) были: старыхъ и честныхъ людей почитай; дерзости, обиды и досады никому не причиняй. Безумная есть вещь невозможнаго хотѣть. Мудрость есть лучшая вещь. Двѣ вещи размышленію суть препоною: скорость и гнѣвъ.

113) Анаксагоръ [3]) приказывалъ: за правду не гнѣваться, по законамъ и уставамъ поступать, дружбу сохранять, добро творить, чужую тайну не объявлять.

114) Хрисиппа [4]) училъ: друга сохрани, недруга же тщись сотворити себѣ другомъ; въ счастіи не спесився, не возносися, въ несчастіи не скорби, не отчаявайся.

115) Не уповай на удачу, не отчаявайся въ неудачѣ: и то, и другое обманчиво; ибо человѣкъ подверженъ несчастію и бѣдамъ.

116) Кто говоритъ, что хочетъ, тотъ услышитъ, чего не хочетъ.

117) Кто не умѣетъ молчати, тотъ не умѣетъ слушати.

118) Предъ Богомъ всѣ люди равны.

119) Естественно человѣкъ съ человѣкомъ разнится мало, по ученію человѣкъ съ человѣкомъ разнится много.

120) Во младости Киръ, сынъ Камбиза, Персидскаго владѣтеля, прогуливаясь съ своимъ учителемъ, увидѣлъ двухъ

---

[1]) Ксенократъ (406—314 до Р. Х.) — греческій философъ, прославившійся добродѣтельной жизнью. Сочиненія его къ намъ не дошли.

[2]) Біасъ—одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ (VII в. до Р. Х.), изреченія, сентенціи и афоризмы котораго собраны и изданы Орелли въ 1819. Ему, между прочимъ, приписываютъ извѣстное изреченіе: „все мое несу съ собою“ (omnia mea mecum porto), ставшее въ лат. переводѣ пословицей.

[3]) Анаксагоръ (500 до Р. Х.) — греческій философъ іонійской школы, въ числѣ учениковъ котораго были Периклъ и Еврипидъ.

[4]) Хризипъ (280—208 до Р. Х.) — греческій философъ-стоикъ, ученіе котораго о морали передано намъ Цицерономъ.

мальчиковъ: одному было примѣрно десять лѣтъ, другому шесть, старшій былъ выше, младшій былъ ниже, на обоихъ кафтаны были сшиты не по росту, на высокомъ кафтанъ былъ короткій, на маломъ кафтанъ былъ длинный. Киръ, увидя ихъ въ такомъ нарядѣ, сказалъ: лучше бы отдать длинный кафтанъ высокому мальчику, а короткій кафтанъ меньшему ростомъ, на что учитель Киру говорилъ слѣдующее: то дѣло портнаго, кому какой кафтанъ въ пору, а твое дѣло есть разсудить справедливо; не должно отнять ни у одного ему принадлежащее, останься всякій мальчикъ съ своимъ кафтаномъ.

121) Древность представляла справедливость съ завязанными глазами и съ вѣсами.

122) Доброхотство къ людямъ есть свойство великихъ сердецъ; оно веселитъ того, кто его оказываетъ, и того, кто его увидитъ, или услышитъ; самая неблагодарность обращается доброхотству въ поощреніе.

123) Въ великихъ сердцахъ мщеніе не болѣе держится, какъ вода на покатой горѣ.

124) Завистливость есть страсть подлыхъ сердецъ.

125) Древность зависть представляла въ гнусномъ и страшномъ видѣ.

126) Мудрый человѣкъ изъ двухъ предлежащихъ упражненій избираетъ, отъ котораго или уму прибудетъ просвѣщеніе, или ближнему польза, или здравію приращеніе.

127) *Вопросъ:* Много ли часовъ въ суткахъ? *Отвѣтъ:* Двадцать четыре.

128) *Вопросъ:* Какъ день раздѣлить можно съ пользою? *Отвѣтъ:* На три части: одна для сна, другая къ подкрѣпленію ума и тѣла, третья къ отправленію предлежащаго.

129) Римскій Императоръ Титъ плакалъ, въ который день не учинилъ какого ни на есть добра.

130) Терпи непріятнаго человѣка предъ глазами и не гляди на него косо; маломудръ тотъ, который обходиться можетъ съ одними ему пріятными людьми, а съ непріятными не можетъ.

131) Мудрый всѣхъ людей вмѣщаетъ въ своемъ сердцѣ; безумный выгоняетъ изъ памяти и достопамятныхъ.

132) Доброе сердце наклонно къ милосердію и снисхожденію; тѣсное сердце не превосходитъ терпѣніе и умѣренность.

133) Не занимается добромъ тотъ, кто имѣвъ предъ глазами корзину добра, упражняется изысканіемъ въ ней пылинки худа.

134) Въ обхожденіи доброхотство, снисхожденіе и учтивость умножаютъ и оживляютъ удовольствіе.

135) Благоразуменъ тотъ, кто обращается безъ гордости.

136) Льстеца легко узнать можно: онъ хвалитъ чрезмѣрно похвальное и непохвальное.

137) Къ хвалѣ единое удостоеніе—похвальныя дѣла.

138) Труденъ путь къ славѣ.

139) Истинную славу уподобить можно своду: виденъ сводъ отъ столбовъ различныхъ качествъ; столбы утверждены на природныхъ и пріобрѣтенныхъ свойствахъ сердца и ума.

140) Дѣла въ свѣтѣ дѣлаются не вовсе случаемъ.

141) Хвала идетъ по слѣдамъ хорошихъ дѣлъ; такъ какъ хула идетъ по пятамъ дурныхъ дѣлъ.

142) Александръ, сынъ Филиппа, царя Македонскаго, былъ статенъ и плотенъ, средняго роста, силенъ, тѣломъ бѣлъ, на щекахъ пріятный румянецъ, волосомъ желтоватъ и нѣсколько курчавъ, носъ имѣлъ орлиный, глаза разные, лѣвый былъ сѣръ, правый черный; труды онъ сносилъ съ великимъ терпѣніемъ; праздность, роскошь и лишнія украшенія онъ презиралъ. Семи лѣтъ уже онъ велъ съ Персскими послами рѣчи не дѣтскія; спросилъ у нихъ: въ чемъ больше состоитъ Персская сила? Какъ Персы въ военныхъ дѣлахъ поступаютъ и какъ они храбры? Сколь рѣзвы ихъ кони? Во сколько дней изъ Македоніи до Сузіи перейти можно? Какіе Персскій Царь имѣетъ обычаи? Въ чемъ упражняется?

Александръ съ природы былъ уменъ, воспитаніе его сходствовало природнымъ его дарованіямъ; онъ основательно обу-

чался разнымъ наукамъ. Учитель его былъ Аристотель философъ. Отъ различныхъ упражненій Александръ пріобыкъ къ трудолюбію. Самыя его игры и забавы не иныя были какъ тѣ, кои придаютъ тѣлу силу, проворство и здравіе, прочія забавы мало уважалъ. Началъ было учиться музыкѣ съ успѣхомъ, но когда отецъ его спросилъ: не стыдно ли ему столь искусно играть? уменьшилъ охоту въ такой наукѣ, на которую много времени для полученія искусства теряется безъ пользы иной, окромѣ забавы. Александръ, любя науки и научась отъ младости, а наипаче какъ владѣть самимъ собою, по мнѣнію многихъ, трудолюбіемъ, краснорѣчіемъ, великодушіемъ, воздержаніемъ, остроуміемъ, бодростію духа и неустрашимостію пріобрѣлъ не менѣе успѣха, нежели силою и орудіемъ однѣми ожидать можно было. Науки и художества, коимъ самъ не обученъ былъ, содержалъ въ чести; чего ради почти отовсюду безпрестанно приходили къ нему знатнѣйшіе ученые и художники изъ отдаленныхъ мѣстъ и странъ, и тѣ, кои знатны были какою наукою, искусствомъ или добродѣтелью: къ инымъ изъ таковыхъ онъ самъ посылалъ дары безъ ихъ требованій, и того ради въ его время столько было ученыхъ, художниковъ и искусныхъ людей, какъ ни въ одно время; ибо люди обыкновенно упражняются въ томъ, къ чему Цари склонности имѣютъ: и для того перемѣна временъ въ порокъ, или въ славу имъ же, Царямъ, вмѣняется.

143) Преемники Александра всѣ его привычки и тѣлодвиженія перенимали, но не переняли ни его качествъ, ни его свойствъ, и ничего почти не учинили, что бы съ дѣтскими дѣлами Александра сравнить достойно было.

144) Не всякому Богъ даетъ великодушіе и крѣпость.

145) Знанія къ мудрости столь же нужны, какъ зрѣніе здравію. О коль много кривыхъ и слѣпыхъ, кои въ добромъ здоровьѣ!

146) Коротокъ вѣкъ человѣческій.

147) Много пустоты въ глубочайшихъ изысканіяхъ и въ

блистающихъ дѣлахъ, кои величавостію приготовляются потомству къ прославленію.

148) Сократъ, котораго Греція называла мудрѣйшимъ изъ Грековъ тогдашняго вѣка, и то зналъ, что можно знать гораздо болѣе, нежели онъ зналъ.

149) Человѣкъ! спознай человѣка въ человѣцѣ.

150) Кто читать умѣетъ въ своемъ сердцѣ, тотъ найдетъ въ немъ сокровенность другихъ.

151) Кто исправляетъ свои пороки, тотъ засыпаетъ пропасть; кто упражняется въ умноженіи своихъ добродѣтелей, тотъ насыпаетъ гору; но для того и другого корзина земли много ли значитъ?

152) Съ дѣтскими поступками и рѣчами никого ни удивить, ни устращать не можно.

153) Не велика та сила, которая состоитъ въ одномъ велерѣчіи.

154) Въ свѣтѣ двухъ вещей совершенно сходныхъ нѣтъ.

155) *Вопросъ:* Что есть краснорѣчіе? *Отвѣтъ:* Краснорѣчіе есть искуство то, что говорить должно, такъ сказать, чтобъ лучше того не токмо сказать не можно было, но чтобъ оно произвело въ слушателѣ тотъ успѣхъ, который желалъ произвести тотъ, кто на то краснорѣчіе употребилъ.

156) Демосѳенъ въ Аѳинахъ о Филиппѣ, отцѣ Александра Македонскаго, говорилъ: развѣ въ немъ ничего иного достохвальнаго нѣтъ, что ему хвалою ставятъ то, что онъ пригожъ, краснорѣчивъ и на пирахъ веселъ?

157) Красота тѣлесная есть мимоходящая гостья, красота душевная есть неразлучная дружина.

158) Природной красотѣ мало нужно украшеніе.

159) Украшенія приличны женскому полу, мужескаго пола украшенія суть добродѣтели.

160) Не бысть въ свѣтѣ добрый начальникъ, который во свое время повиноваться не пріобыкъ.

161) Власть поручена единому ради чиненія пользы множеству.

162) Вещи между добрыми и злыми средніе по своему естеству не подлежатъ законамъ.

163) Умѣренность управляетъ людьми, а не выступленіе изъ мѣры.

164) Юлій Кесарь столь трудолюбивъ былъ, что не отставалъ отъ предпринятаго дѣла, пока что нибудь еще оставалось дѣлать.

165) Древность почитала за рѣдкость, кто въ большомъ благополучіи поступалъ безъ гордости и своевольства.

166) Александръ Македонскій желалъ имѣть себѣ Героевъ способниками, онъ чувствовалъ, коль тѣмъ вящше его слава увеличится; въ благородной его душѣ зависть мѣста не имѣла.

167) *Вопросъ:* Что есть Герой? *Отвѣтъ:* Герой есть тотъ, котораго многочисленныя дарованія естественныя суть совершеннѣе обыкновенныхъ людей, и который изъ всѣхъ оныхъ дарованій учинитъ употребленія столь же добрыя и полезныя, сколь дарованія его отличны суть. Таковые люди суть рѣдки, лучшій же изъ нихъ тотъ есть, котораго добродѣяніе числомъ превосходятъ другихъ.

168) Въ древность Греки славными дѣлами своихъ предковъ и попеченіемъ о сохраненіи и защищеніи своихъ законовъ побуждаемы были ко многимъ достохвальнымъ и великимъ дѣяніямъ.

169) Нигдѣ не умѣстна трусость и робость.

170) Можно быть веселу, привѣтливу и учтиву безъ подлости и трусости.

171) Велерѣчіе излишно тутъ, гдѣ проворство и храбрость дѣйствовать должны.

172) *Вопросъ:* Что есть остроуміе? — *Отвѣтъ:* Кажется, остроуміе составлено изъ чистаго понятія настоящаго положенія вещи: изъ проницательнаго обнятія какъ начала, такъ и слѣдствій оной, и потомъ изъ точнаго, краткаго и сильнаго изъясненія отъ того происходящихъ справедливыхъ мыслей, разсужденій или заключеній.

173) Мало вѣдаетъ тотъ, который подобенъ улиткѣ, на

свѣтѣ не видитъ кромѣ себя и круга, который около него. О коль много есть, было и будетъ на свѣтѣ, кромѣ него и его круга!

174) Вопросъ: Что есть великодушіе?—Отвѣтъ: Великодушіе означается дѣяніями при всякомъ маломъ или великомъ случаѣ; но таковыя дѣянія происходятъ отъ разныхъ качествъ, кои всѣ составляютъ великодушіе, какъ-то: истинная храбрость не бываетъ безъ щедрости; неустрашимость не есть мнительна, но уничтожаетъ и презираетъ подозрѣнія, пересказы, лжи, клеветы, сплетни и плевелы; справедливость заставляетъ судить по единымъ дѣламъ о людяхъ, не по пересказамъ, не по словамъ страстныхъ людей. Доброе сердце находитъ удовольствіе въ помилованіи и прощеніи, наказуетъ же не инако, какъ тутъ, гдѣ правосудіе необходимо требуетъ. Милосердіе печется и милуетъ не токмо человѣка, но и всякую тварь, дабы безъ крайней нужды вредъ, трудъ и надсада не учинились жизни имѣющему. Человѣка милующій чувствуетъ утѣшеніе въ прощеніи собственной обиды, учинивъ тѣмъ даръ человѣчеству. Правду любящій не отвращаетъ друзей говорить правду, слушаетъ и терпитъ и непріятныя рѣчи и про самого себя; любя правду, благодарность заставляетъ вѣчно помнить временную услугу. Щедрость не считаетъ, но награждаетъ одною рукою безъ вѣдома другой; дать она вездѣ находитъ случай, отнимать и брать на умъ ей не приходитъ. Благородная откровенность и чистосердечіе, спутницы истины, дщери мудрости, кои во всякое время бытіе имѣютъ тутъ, гдѣ имъ находиться прилично, нигдѣ же не отлучны бываютъ, развѣ когда пресѣкаютъ путь вертопрашеству, болтливости и инымъ подобнымъ порокамъ. Доброхотство неутомленно ища случай вездѣ вмѣстить добро и пользу, и ежечасно, хотя само себя не жалѣетъ ради того, но другихъ оберегаетъ и предохраняетъ отъ вреда, гдѣ къ тому способъ найдетъ. Усердіе къ добру, которое во всѣхъ случаяхъ указываетъ лучшій путь. Врожденный и пріобыкшій разсудокъ избираетъ какъ между

добра лучшее, такъ и между пользъ пространнѣйшую. Твердость въ предпріятіи, которая одна преодолѣваетъ препятствія. Рвеніе чувствъ и наклонность ко всему тому, что носитъ на себѣ красивый образъ добродѣтели или величественный видъ совершенства. Свободность духа, истекающая отъ внутренняго душевнаго удовольствія о подобныхъ дѣлахъ, влекущихъ за собою аки награду успѣховъ тому. Бодрость духа и терпѣніе въ печали, болѣзни и несчастіи. Равнодушіе, тихость, скромность, умѣренность въ счастіи и благополучіи. Великодушіе само по себѣ исключаетъ малодушіе, но, касаясь до малостей, и имъ сообщаетъ лучъ величія.

175) Греческій писатель Плутархъ говоритъ, что при народныхъ забавахъ Лакедемонскіе граждане раздѣлялись на три хора и пѣвали:

Хоръ стариковъ.

Наша жизнь полна отрады;
О любезны наши чады!
Подражайте намъ и вы,
Будьте въ славѣ таковы.

Хоръ молодыхъ.

Каковы бывали вы,
Мы на дѣлѣ таковы.

Хоръ дѣтей.

Будетъ время ради васъ,
Будемъ мы и лучше васъ.

176) Когда Педаритъ, достойный мужъ между Спартянами, не былъ избранъ въ трехсотное число членовъ Спартанскаго совѣта, тогда онъ непритворно радовался тому, что въ Спартанскомъ обществѣ нашлось триста человѣкъ граждан достойнѣе его.

177) *Вопросъ:* Какъ кому узнать о себѣ, имѣетъ ли онъ то или другое качество? *Отвѣтъ:* Совѣстнымъ испытаніемъ самого себя.

178) *Вопросъ:* Что есть бодрость духа? *Отвѣтъ:* Бодрость духа имѣетъ тотъ человѣкъ, котораго никакое дѣло тревожить не можетъ.

179) Котораго духа никакое дѣло тревожить не можетъ, тотъ много трудныхъ дѣлъ снести въ состояніи.

180) Гордость, величавость и надменность суть дѣти невѣжества.

181) Разсудка правая рука есть разборчивость.

182) И въ томъ искуство есть—не примѣчать того, что недостойно примѣчанія.

183) Много въ свѣтѣ перебывало басенъ.

184) Города, кои храбростію множества гражданъ отъ разоренія не были спасены, иногда мудрость единаго гражданина возстановила.

185) Когда граждане другъ предъ другомъ показываютъ ревность, какъ бы къ пользѣ отечества лучшій совѣтъ дать или данный исполнить, тогда никто собственную пользу не предпочитаетъ общей пользѣ.

186) Въ свѣтѣ вездѣ порядокъ беретъ верхъ надъ непорядкомъ.

187) Служители заняты дѣломъ, и служатъ и тогда, когда и заочно бываютъ; они не ѣли, хозяинъ кушалъ, они жаждутъ, хозяинъ пилъ; онъ разговариваетъ, они молчатъ; онъ веселится, они суетятся; онъ сидитъ, они стоятъ; онъ въ тепломъ или прохладномъ или сухомъ мѣстѣ, они на стужѣ, или на солнечномъ зноѣ, или въ мокротѣ; онъ отдыхаетъ, они заботятся, чистятъ, убираютъ или приготовляютъ. Пословица говоритъ: кузнечики крикливы, а улитки безгласны. Когда хозяинъ осердится, да вспомнитъ ихъ заслуги, не досадитъ самъ себѣ, не обидитъ ихъ.

188) Добромъ скорѣе дѣло сдѣлаешь, нежели гнѣвомъ.

189) Платонъ, осердясь на слугу, сказалъ ему: если бы я не осердился, то наказалъ бы тебя.

190) Ничего нѣтъ благороднѣе великодушія, кротости и человѣколюбія.

191) Александръ спросилъ Діогена, боится ли онъ его? Діогенъ отвѣчалъ вопросомъ: благъ ли ты, Александръ, или золъ? Александръ сказалъ: благъ есмь. На что Діогенъ, возвыся голосъ, рекъ тако: кто когда видалъ бояться благаго?

192) Люди рѣдко любятъ того, кого боятся.

193) Кто людей достойныхъ отъ себя отдаляетъ, тотъ самъ себѣ худо творитъ; они останутся съ природными качествами, но онъ останется безъ достойныхъ людей.

194) Когда кому добро творишь, самъ о томъ не говори и ему не напоминай, а то добро оборотится чванствомъ или пѣнью.

195) Аристотель, давъ милостыню злому человѣку, сказалъ: не ему даю, но человѣчеству.

196) Солнце, когда вдругъ просіяетъ, ото всѣхъ радостно пріемлется; тако и человѣкъ, который добровольно творитъ благо.

197) Мудрость есть сокровище неотъемлемое.

198) Природный разумъ есть собственность человѣка; буде кто попечителенъ, тотъ кормитъ свой умъ прилежно лучшимъ ученіемъ, да утвердится и подкрѣпится разумъ его.

199) Ученіе въ счастіи человѣка украшаетъ, въ несчастіи же служитъ прибѣжищемъ.

200) Книги суть зерцало: хотя и не говорятъ, всякому вину и порокъ объявляютъ.

201) Аристотель говаривалъ: какъ взоръ пріемлетъ свѣтъ, тако человѣкъ отъ ученія.

202) Спросили у Платона: что разницы между ученымъ и неученымъ? Та же, отвѣтствовалъ Платонъ, какова между лѣкаремъ и больнымъ. Тотъ же вопросъ учиненъ былъ Аристиппу Киринейскому; отвѣтъ его былъ: пустите ученаго и не ученаго въ незнаемые люди, и тогда сами разсудите.

203) *Вопросъ:* Долго ли учиться? *Отвѣтъ:* Доидеже не будетъ жаль быть лучше или знающѣе.

204) Разумный человѣкъ въ стыдъ не вмѣняетъ учиться и въ совершенныхъ лѣтахъ, чему не доучился во младости.

205) Лучше весь вѣкъ учиться, нежели пребыть незнающимъ.

206) *Вопросъ:* Что есть въ свѣтѣ новое? *Отвѣтъ:* Ничто.

207) Спросили у Солона: какъ Аѳины могутъ добро управляемы быти? Солонъ отвѣтствовалъ: не иначе, какъ тогда, когда начальствующіе законы исполнятъ.

208) Агезилай, Царь Лакедемонскій, вопрошенъ былъ, какъ управляетъ людьми? Отвѣчалъ: какъ отецъ дѣтьми. Еще вопрошаемъ былъ: чего ради Лакедемонъ паче иныхъ городовъ цвѣтетъ? Отвѣща: понеже Лакедемоняне обучаются, паче иныхъ наукъ, умѣти послушными быти. Онъ же вопрошенъ: какъ бы человѣкъ могъ имѣти добрую славу? Отвѣчалъ: аще бесѣдовать станетъ о добрыхъ дѣлахъ, а дѣлать будетъ, что лучшее. Еще говаривалъ: „противу упорныхъ упорство, противу покорливыхъ милость“.—Бывъ при смерти, Агезилай запретилъ по смерти его ему въ память статуи ставить, говоря: буде что доброе сотворилъ, будутъ памятовать; аще же ничего, то хотя бы премного наставили изображеній, не учинятъ память мою славну.

209) Александръ Македонскій говаривалъ: то дѣло Царское—добро творить и злорѣчіе терпѣть.

II. ВЫБОРНЫЯ РОССІЙСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ[1].

1782.

1) Аще царство раздѣлится, вскорѣ разорится.

2) Бѣглому одна дорога, а погонщику сто.

3) Бѣда глупости сосѣдъ.

4) Внятно разсудить, скоро начать, прилежно производить.

5) Всегда новизна, да рѣдко правизна.

6) Всуе законы писать, когда ихъ не исполнять.

7) Всѣ говорятъ, что по суду одинъ будетъ виноватъ.

8) Въ мысляхъ неправыхъ не жди совѣтовъ здравыхъ.

9) Въ немъ же призванъ, въ немъ и пребывай.

10) Гдѣ добрые судьи поведутся, тамъ и ябедники переведутся.

11) Гдѣ любовь нелицемѣрная, тутъ надежда вѣрная.

12) Глупъ совсѣмъ, кто не знается ни съ кѣмъ.

13) Гнѣваться безъ вины не учися и гнушаться бѣднымъ стыдися.

14) Горду быть—глупымъ слыть.

15) Деньги много могутъ, а правда царствуетъ.

16) Добрый добру научаетъ.

17) Добрый дядька придаетъ ума дитяткѣ.

18) Добрый привѣтъ и кошкѣ пріятенъ.

---

[1]) „Выборныя Россійскія пословицы" — рядъ нравственныхъ изреченій и правилъ, выборъ которыхъ сдѣланъ съ цѣлью представить такія изреченія, которыя прямо соотвѣтствуютъ условіямъ и требованіямъ воспитанія. Многія изъ приводимыхъ пословицъ служатъ подтвержденіемъ и объясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ „Гражданскаго и. Ученія", Наказа и Инструкціи.

19) Довольна Астрахань осетрами, а Сибирь соболями.

20) Догадка лучше разума.

21) Друга въ вѣрности безъ бѣды не узнаешь.

22) Друга прилежно ищи, а нашедъ береги.

23) Дурно въ очи хвалить, а за очи хулить.

24) Дѣло право, только разсматривай прямо.

25) Зеленъ виноградъ не сладокъ, а младъ человѣкъ не крѣпокъ.

26) Который воинъ не труситъ, тотъ скоро и побѣдитъ.

27) Красна пава перьемъ, а человѣкъ ученьемъ.

28) Кто безчинно поступаетъ, тотъ многимъ досаждаетъ.

29) Кто вчерась солгалъ, тому и завтра не повѣрятъ.

30) Кто гнѣвъ свой одолѣваетъ, тотъ крѣпокъ бываетъ.

31) Кто говоритъ, что хочетъ, услышитъ, чего и не хочетъ.

32) Кто добро творитъ, тому Богъ отплатитъ.

33) Кто дѣла не знаетъ, напрасно о немъ и разсуждаетъ.

34) Кто завидливъ, тотъ и обидливъ.

35) Кто истинную объявитъ, того никто не обвинитъ.

36) Кто ласково принимаетъ, того любви всякій желаетъ.

37) Кто любитъ о добрѣ трудиться, тому есть чѣмъ хвалиться.

38) Кто наживетъ добрую славу, тотъ и по себѣ ее оставитъ.

39) Кто открываетъ тайну, тотъ нарушаетъ вѣрность.

40) Кто охочь лгать, того нельзя за друга принять.

41) Кто переноситъ вѣсти, тому не много чести.

42) Кто правду хранитъ, того Богъ наградитъ.

43) Кто правды желаетъ, тому Богъ помогаетъ.

44) Кто праваго винитъ, тотъ самъ себя язвитъ.

45) Кто смиреніемъ себя украшаетъ, тотъ честностію укрѣпляетъ.

46) Кто собою не управитъ, тотъ и другого на разумъ не наставитъ.

47) Любовь братская лучше каменныхъ стѣнъ.

48) Маремьяна старица за весь міръ печальница.

49) Милость—хранитель государства.

50) Мірская шея толста.

51) Молоденькій умокъ, что вешній ледокъ.

52) На бездѣлицу толпами бѣгутъ, а добраго и слышать не хотятъ.

53) На зачинающаго Богъ.

54) Намъ добро и никому зло—то законное житье.

55) Напала на кошку спѣсь, не хочетъ и съ печи слѣзть.

56) На правду словъ немного.

57) Напрасно о томъ разсуждаютъ, чего сами не знаютъ.

58) На совѣтъ чужой не ходи, пока позовутъ, пожди.

59) Наушника никто не почтитъ, а лукаваго всякій бранитъ.

60) Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника.

61) Не все то перенять, что по рѣкѣ плыветъ; не все то переслушать, что люди говорятъ.

62) Невѣжа и Бога прогнѣвляетъ.

63) Не люби друга потаковщика, люби встрѣтника.

64) Не надобенъ и кладъ, когда у мужа съ женою ладъ.

65) Не смѣйся надъ старымъ, самъ будешь старъ.

66) Не смѣйся слѣпому и хромому, чтобъ самому не быть такому.

67) Не спрашивай стараго, спрашивай бывалаго.

68) Не стыдись говорить, когда правду хочешь объявить.

69) Не такъ живи, какъ хочется, а такъ живи, какъ Богъ велитъ.

70) Не то худо, что худымъ кажется; то худо, что точно худо.

71) Не хвали въ очи и не брани за глаза.

72) Не хвали самъ себя, есть много умнѣе тебя.

73) Нечего тому страшиться, кто ничего не боится.

74) Отъ пожара, отъ потопа и отъ лихой жены сохрани насъ Господи.

75) Перестань о томъ тужить, чему нельзя пособить.

76) Песъ косматъ, ему жъ тепло; а мужикъ богатъ, ему жъ добро.

77) Посѣянное взойдетъ.

78) Правдивая рука всегда правдою живетъ.

79) Праздность и старыхъ повреждаетъ, а молодымъ немалый вредъ бываетъ.

80) Прибыль съ убылью на одномъ живутъ дворѣ.

81) Разумный видитъ, что зачѣмъ идетъ.

82) Самолюбъ всякому не любъ.

83) Сколько есть въ свѣтѣ человѣческихъ головъ, столько и разномысленныхъ умовъ.

84) Спаси Богъ того, кто поитъ да кормитъ, а вдвое, кто хлѣбъ да соль помнитъ.

85) Старость приходитъ не съ радостію, со слабостію.

86) Старые пророки померли, а новые правды не сказываютъ.

87) Стояніемъ города не возьмешь.

88) Стоячему съ сидячимъ трудно говорить.

89) Стрѣлялъ въ журавля, а попалъ въ воробья.

90) Стыдливый покраснѣетъ, а безстыдный поблѣднѣетъ.

91) Судъ прямой кривого дѣла не исправитъ.

92) Съ людьми браниться, никуда не годится.

93) Съ людьми мирись, а съ грѣхами бранись.

94) Сыну послушливу родительскій приказъ не тягостенъ.

95) Твердо крѣпку братъ.

96) То мудрено, что на льду сварено.

97) То не складно, что сшито не ладно.

98) Тому будетъ всегда счастливо, кто пашетъ не лѣниво.

99) Тому великій стыдъ, кто языкомъ льститъ.

100) Тотъ не унываетъ, кто на Бога уповаетъ.

101) Труды человѣка кормятъ, а лѣнь портитъ.

102) Трусость истинная глупость.

103) Тѣмъ не играютъ, отъ чего умираютъ.

104) Тѣмъ не шути, въ чемъ нѣтъ пути.

105) Умный слова боится, а глупый и побой не страшится.

106) Умѣлъ дитя родить, умѣй и научить.

107) Упрямство есть порокъ слабаго ума.

108) Утро вечера мудренѣе.

109) Ученье въ счастьѣ красота, а въ несчастьѣ прибѣжище.

110) Ученье красота, а неученье сухота.

111) Ученіе свѣтъ, а неученье тьма.

112) Хлѣбъ, соль кушай, а добрыхъ людей слушай.

113) Хотя шуба овечья, да душа человѣчья.

114) Чего не поищешь, того вѣрно не сыщешь.

115) Чего нѣтъ, того и не спрашивай.

116) Чинъ чина почитаетъ.

117) Что не складно, то и не ладно.

118) Чудеса въ рѣшетѣ: дыръ много, а вылѣзть некуда.

119) Чужой дуракъ смѣхъ, а свой стыдъ.

120) Чужой ротъ не хлѣвъ, не затворишь.

121) Чѣмъ кого взыщешь, впредь и себѣ тоже сыщешь.

122) Чѣмъ не велитъ Богъ владѣть, тѣмъ не можешь овладѣть.

123) Чѣмъ поиграешь, тѣмъ и зашибешься.

124) Шути до тѣхъ поръ, пока краска въ лицо не войдетъ.

125) Шутку шути, а людьми не мути.

126) Ѣшь не кроши, а больше не проси.

- - -

III. СКАЗКА О ЦАРЕВИЧѢ ХЛОРѢ[1].

1782.

До временъ Кія, Князя Кіевскаго, жилъ да былъ въ Россіи Царь добрый человѣкъ, который любилъ правду и желалъ всѣмъ людямъ добра: онъ часто объѣзжалъ свои области, чтобъ видѣть, каково жить людямъ, и вездѣ навѣдывался, дѣлаютъ ли правду.

У Царя была Царица. Царь и Царица жили согласно, Царица ѣзжала съ Царемъ и не любила быть съ нимъ въ разлукѣ.

Пріѣхалъ Царь съ Царицею въ одинъ городъ, построенный на высокой горѣ, посреди лѣса; тутъ родился Царю сынъ дивныя красоты, ему дали имя Хлоръ; но посреди сей радости и тридневнаго празднества Царь получилъ непріятное извѣстіе, что сосѣди его неспокойно живутъ, въѣзжаютъ въ его землю и разныя обиды творятъ пограничнымъ жителямъ. Царь взялъ войска, кои въ близости въ лагерѣ стояли и пошелъ съ полками для защиты границы. Царица поѣхала съ Царемъ. Царевичъ остался въ томъ городѣ и домѣ, гдѣ родился. Царь приставилъ къ нему семерыхъ нянь разумныхъ и въ дѣтскомъ воспитаніи искусныхъ. Городъ же Царь ве-

---

[1]) Сказка о царевичѣ Хлорѣ, сынѣ русскаго царя, жившаго еще до временъ Кіевскаго князя Кія—аллегорическое сказаніе, заключающее въ себѣ слѣд. нравоучительную мысль: Истинное счастіе пріобрѣтается человѣкомъ, который, руководимый разумомъ, идетъ прямой, хотя и трудной дорогой къ добродѣтели. Фелица—счастіе, юный сынъ ея—разумъ, старикъ и старуха—честность и правда, а роза безъ шиповъ—добродѣтель.

лѣлъ укрѣпить стѣною изъ дикаго камня, по угламъ съ башнями, по старинному обычаю, на башняхъ пушекъ не поставили, тогда еще нигдѣ не имѣли пушекъ; домъ, въ которомъ жить остался Царевичъ Хлоръ, хотя и не построенъ былъ изъ Сибирскаго мрамора и порфира, но весьма хорошъ и покойно расположенъ былъ; позади палатъ насажены были сады съ плодовитыми деревьями, возлѣ которыхъ выкопаны пруды съ рыбами украшали мѣстоположеніе, бесѣдки же разныхъ народовъ вкуса, откуда видъ далеко простирался въ округъ лежащихъ поляхъ и долинахъ, придавали пріятство тому обитанію.

Какъ Царевичъ сталъ выростать, кормилица и няни начали примѣчать, что сколь былъ красивъ, столь же былъ уменъ и живъ, и повсюду слухъ носился о красотѣ, умѣ и хорошихъ дарованіяхъ Царевича. Услышалъ о томъ какой-то Ханъ Киргизской, на дикой степи кочующій съ кибитками, полюбопытствовалъ видѣть толь дивное дитя, и увидѣвъ, пожелалъ дитя увезти съ собою въ степь, зачалъ просить нянь, чтобъ поѣхали съ Царевичемъ къ нему въ степь; няни сказали со всякою учтивостію, что имъ того безъ дозволенія Царя дѣлать нельзя, что онѣ не имѣютъ чести знать господина Хана, и съ Царевичемъ не ѣздятъ къ незнакомымъ людямъ въ гости. Ханъ не былъ доволенъ тѣмъ учтивымъ отвѣтомъ, присталъ пуще прежняго, подобно какъ не ѣвшій къ тѣсту, одно просилъ, чтобъ няни поѣхали къ нему съ дитятею въ степь, но получивъ твердый отказъ, наконецъ понялъ, что просьбами не успѣетъ въ своемъ намѣреніи, прислалъ къ нимъ подарокъ, онѣ поблагодаря отослали дары обратно и велѣли сказать, что онѣ ни въ чемъ нужды не имѣютъ. Ханъ упрямъ былъ, пребывая въ своемъ намѣреніи, думалъ, какъ быть? Пришло ему на умъ, нарядился въ изодранную одежду и сѣлъ у воротъ сада, будто человѣкъ старый и больной, просилъ милостыни у мимоходящихъ. Царевичъ прогуливался въ тотъ день по саду, увидѣлъ, что у воротъ сидитъ какой-то старикъ, послалъ спросить, что за

старикъ. Побѣжали, спросили, что за человѣкъ? Возвратились съ отвѣтомъ, что больной нищій. Хлоръ, какъ любопытное дитя, просился посмотрѣть больного нищаго; няни унимали Хлора, сказали, что смотрѣть нечего, и чтобъ послалъ къ нему милостыню. Хлоръ захотѣлъ самъ отдать деньги, побѣжалъ впередъ, няни побѣжали за нимъ, но чѣмъ няни скорѣе побѣжали, то младенецъ шибче пустился бѣжать; побѣжавъ за ворота и подбѣжавъ къ мнимому нищему, зацѣпился ножкою за камышекъ и упалъ на личико; нищій вскочилъ, поднялъ дитя подъ руки и спустился съ нимъ подъ гору. Тутъ стояли вызолоченные роспуски, бархатомъ обитые, сѣлъ на роспуски и ускакалъ съ Царевичемъ въ степь; няни, какъ добѣжали до воротъ, не нашли уже ни нищаго, ни дитяти, ни слѣда ихъ не видали и дороги тутъ не было, гдѣ Ханъ съ горы спустился, сидя держалъ Царевича передъ собою одною рукою, какъ будто курочку за крылышко, другою же рукою махнулъ шапкою чрезъ голову, и кричалъ три раза ура. На сей голосъ няни прибѣжали къ косогору, но поздно, догнать не могли. Ханъ благополучно Хлора довезъ до своего кочевья и вошелъ съ нимъ въ кибитку, гдѣ встрѣтили Хана его вельможи. Ханъ приставилъ къ Царевичу старшину лучшаго; сей взялъ Хлора на руки и отнесъ его въ богато украшенную кибитку, устланную Китайскою красною камкою и Персидскими коврами, дитя же посадилъ на парчевую подушку и началъ тѣшить его; но Хлоръ очень плакалъ и жалѣлъ, что отъ нянь шибко побѣжалъ впередъ, и непрестанно спрашивалъ, куда его везутъ? за чѣмъ? на что? гдѣ онъ? Старшина и съ нимъ находящіеся Киргизцы насказали ему много басней, иной говорилъ, будто по теченію звѣздъ такъ опредѣлено, иной сказывалъ, будто тутъ лучше жить, нежели дома, всего насказали, окромѣ правды, но увидя, что ничто не унимало слезъ Хлора, вздумали его стращать небывальщиною, сказали: перестань плакать, или оборотимъ тебя летучею мышью или коршуномъ, а тамъ волкъ, или лягушка тебя съѣстъ. Ца-

ревичъ небоязливъ былъ, посреди слезъ расхохотался такой нелѣпости. Старшина, увидя, что дитя пересталъ плакать, приказалъ накрыть столъ; накрыли и кушанье принесли, Царевичъ покушалъ, потомъ подали варенья въ сахарѣ и разные плоды, какіе имѣли, послѣ ужина раздѣли его и положили спать.

На другой день, рано, до свѣта, Ханъ собралъ своихъ вельможъ и сказалъ имъ слѣдующее: извѣстно вамъ да будетъ, что я вчерашній день привезъ съ собою Царевича Хлора, дитя рѣдкой красоты и ума. Хотѣлось мнѣ заподлинно узнать: правда ли слышанное объ немъ; для узнанія же его дарованій употребить я намѣренъ разные способы.

Вельможи, услыша слова Ханскія, поклонились въ поясъ; изъ нихъ ласкатели похвалили Ханскій поступокъ, что чужое и то еще сосѣдняго Царя дитя увезъ, трусы потакали, говоря: такъ, надежда Государь Ханъ, какъ инако быть, какъ тебѣ на сердце пріидетъ? Нѣсколько изъ нихъ, кои прямо любили Хана, тѣ кивали головою, и когда Ханъ у нихъ спрашивалъ, для чего не говорятъ, сказали чистосердечно: дурно ты сотворилъ, что у сосѣдняго Царя увезъ сына, и бѣды намъ не миновать, буде не поправить своего поступка. Ханъ же сказалъ: вотъ такъ, всегда вы ропщете противу меня, и пошелъ мимо нихъ, и какъ Царевичъ проснулся, приказалъ принести его къ себѣ; дитя, увидя, что нести его хотятъ, сказалъ: не трудитесь, я ходить умѣю, я самъ пойду, и вошедъ въ Ханскую кибитку, всѣмъ поклонился, во первыхъ Хану, потомъ около стоящимъ на право и на лѣво, послѣ чего сталъ предъ Ханомъ съ почтительнымъ, учтивымъ и благопристойнымъ такимъ видомъ, что всѣхъ Киргизцовъ и самого Хана въ удивленіе привелъ; Ханъ, однако, опомнясь, рекъ тако: Царевичъ Хлоръ, про тебя сказываютъ, что ты дитя разумное, сыщи мнѣ пожалуй цвѣтокъ розу безъ шиповъ, что не колется, дядька тебѣ покажетъ обширное поле, сроку же даю тебѣ трои сутки. Дитя

паки поклонился Хану, сказалъ: слышу, и вышелъ изъ кибитки, пошелъ къ себѣ.

Дорогою попалась ему на встрѣчу дочь Ханская, которая была за мужемъ за Брюзгою Султаномъ; сей никогда не смѣялся и серживался на другихъ за улыбку. Ханша же была нрава веселаго и весьма любезна: увидя Хлора, сказала: здравствуй, Царевичъ, здорово ли живешь? куда изволишь идти? Царевичъ сказалъ, что по приказанію Хана, батюшки ея, идетъ искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Ханша Фелица, такъ ее звали, дивилась, что дитя посылаютъ искать таковой трудной вещи, и возлюбя младенца въ сердцѣ своемъ, сказала: Царевичъ, подожди маленько, я съ тобою пойду искать розу безъ шиповъ, которая не колется, буде батюшка Ханъ позволитъ. Хлоръ пошелъ въ свою кибитку обѣдать, ибо часъ былъ обѣда, Ханша къ Хану, просить позволенія итти съ Царевичемъ искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Ханъ не токмо не позволилъ, но и запретилъ ей накрѣпко, чтобъ не шла съ дитятею искать розу безъ шиповъ, которая не колется.

Фелица, вышедши отъ Хана, мужа своего Брюзгу Султана уговорила остаться при отцѣ ея Ханѣ, сама же пошла къ Царевичу; онъ обрадовался, какъ увидѣлъ ее, просилъ, чтобъ сѣла возлѣ него, на что она согласилась и сказала ему: Ханъ мнѣ не велитъ итти съ тобою, Царевичъ, искать розу безъ шиповъ, которая не колется, но я тебѣ дамъ совѣтъ добрый, пожалуй не забудь, слышишь ли, дитя, не забудь, что тебѣ скажу. Царевичъ обѣщалъ вспомнить: отселѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи, продолжала она, какъ пойдешь искать розу безъ шиповъ, которая не колется, встрѣтишься съ людьми весьма пріятнаго обхожденія, кои стараться будутъ тебя уговорить итти съ ними, наскажутъ тебѣ веселій множество и что они то провождаютъ время въ безсчетныхъ забавахъ, не вѣрь имъ, лгутъ, веселія ихъ мнимыя и сопряжены со множествомъ скукъ. За симъ прідутъ другіе, кои о томъ же еще сильнѣе тебя просить будутъ, откажи имъ

съ твердостію, отстанутъ; потомъ пойдешь въ лѣсъ, тутъ найдешь льстивыхъ людей, кои всячески стараться будутъ пріятными разговорами отвести тебя отъ истиннаго пути, но ты не забудь, что тебѣ единый цвѣтокъ, розу безъ шиповъ и которая не колется, искать надлежитъ. Я тебя люблю и для того я къ тебѣ вышлю на встрѣчу сына моего, и онъ поможетъ тебѣ найти розу безъ шиповъ, что не колется. Хлоръ, выслушавъ рѣчь Фелицы, сказалъ: развѣ такъ трудно сыскать розу безъ шиповъ, что не колется? Нѣтъ, отвѣтствовала Ханша: не такъ чрезвычайно трудно, буде кто прямодушенъ и твердо пребываетъ въ добромъ намѣреніи. Хлоръ спросилъ, нашелъ ли уже кто тотъ цвѣтокъ? — Я видѣла, сказала Фелица, мѣщанъ и крестьянъ, кои въ томъ успѣвали не хуже вельможъ и Царей и Царицъ. Сказавъ сіе, Ханша простилась съ Царевичемъ, старшина же дядька отвелъ дитя искать розу безъ шиповъ, которая не колется, и для того пустилъ его сквозь калитку въ превеликій звѣринецъ. Тутъ увидѣлъ Хлоръ передъ собою множество дорогъ: иныя прямо лежащія, иныя съ кривизнами, иныя перепутанныя; дитя не зналъ сначала, по которой итти: но, увидя юношу, идущаго ему на встрѣчу, поспѣшилъ къ нему спросить, кто онъ таковъ? Юноша отвѣтствовалъ: я Разсудокъ, сынъ Фелицынъ, меня мать моя прислала итти съ тобою искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Царевичъ, благодаря Фелицѣ сердцемъ и устами, взявъ его за руку, навѣдывался, по которой дорогѣ итти. Разсудокъ съ веселымъ и добрымъ видомъ сказалъ ему: не бойся, Царевичъ, пойдемъ по прямой дорогѣ, по которой не всѣ ходятъ, хотя она пригожѣе другихъ. Для чего же по ней не ходятъ? спросилъ Царевичъ. Для того, сказалъ юноша, что на другихъ дорогахъ останавливаются или сбиваются. Идучи, юноша показалъ Хлору прекрасную дорожку, говоря: посмотри, Царевичъ, дорога сія называется благорасположенныхъ душъ младенчества, она хороша да кратка.

Пошли сквозь лѣсъ къ пріятной долинѣ, въ которой увидѣли рѣчку прозрачной воды, подлѣ которой нашли нѣсколько молодыхъ людей: иные изъ нихъ сидѣли, иные лежали по травѣ и подъ деревьями. Какъ увидѣли Царевича, встали и подошли къ нему; одинъ изъ нихъ со всякою учтивостію и привѣтливостію сказалъ: „позвольте, сударь, спросить, куда вы идете? нечаянно ли вы сюда зашли? и не можемъ ли мы имѣть удовольствіе чѣмъ нибудь вамъ услужить? Взглядъ вашъ наполняетъ насъ уже почтеніемъ и дружбою къ вамъ и мы внѣ себя отъ радости видѣть толь многія блистающія ваши качества". Царевичъ, вспомня слова Фелицы, улыбнулся и сказалъ: „я не имѣю чести васъ знать, ни вы меня не знаете, и такъ ваши слова приписываю единой обыкновенной свѣтской учтивости, а не моимъ достоинствамъ; иду же я искать розу безъ шиповъ, которая не колется". Другой изъ тамо находящихся вступилъ въ рѣчь и сказалъ: „намѣреніе ваше показываетъ великія ваши дарованія, но сдѣлайте милость, одолжите насъ, останьтеся съ нами хотя нѣсколько дней и берите участіе въ нашемъ безподобномъ веселіи". Хлоръ сказалъ, что ему срокъ поставленъ и остановиться недосугъ; опасается Ханскаго гнѣва. Они же старались его увѣрить, что ему отдохновеніе нужно для здоровья и что лучше и способнѣе мѣста не найдетъ, ни людей усерднѣе ихъ, и нивѣсть какъ просили и уговаривали остаться съ ними. Наконецъ мужчины и женщины, взявъ другъ друга за руки, сдѣлали около Хлора и его проводника кругъ, начали плясать и скакать, и не пускать ихъ далѣе; но пока вкругъ вертѣлись, Хлора подъ руку ухватилъ Разсудокъ и выбѣжали изъ круга такъ скоро, что въ кругу вертѣвшіеся не могли ихъ удержать.

Отошедъ подалѣе, нашли Лѣньтягъ-Мурзу, главнаго надзирателя того мѣста, который прогуливался съ своими домашними. Увидя Хлора съ провожатымъ, принялъ ихъ съ ласкою и просилъ зайти въ его избу; они, уставъ маленько, пошли къ нему. Вошедъ въ его горницу, онъ посадилъ ихъ

на диванъ, самъ же легъ возлѣ нихъ посреди пуховыхъ подушекъ, покрытыхъ старинною парчею; его же домашніе сѣли около стѣны; потомъ Лѣнтягъ-Мурза приказалъ принести трубки курительныя и кофе. Услыша же отъ нихъ, что табаку не курятъ, кофе не пьютъ, благовонными духами опрыскивать ковры велѣлъ, послѣ чего спросилъ Хлора о причинѣ его прихода въ звѣринецъ. Царевичъ отвѣтствовалъ, что по приказанію Хана онъ ищетъ розу безъ шиповъ, которая не колется. Лѣнтягъ-Мурза дивился, что въ такихъ молодыхъ лѣтахъ предпріялъ таковой трудъ, говоря, что: „И старѣе тебя едва ли станетъ; отдохните, не ходите далѣе, у меня здѣсь есть люди, кои находить старались, но, уставъ, покинули“. Одинъ изъ тутъ сидящихъ всталъ съ мѣста и сказалъ: „Я самъ неоднократно хотѣлъ дойти, но скучилъ, а вмѣсто того остался жить у моего благодѣтеля Лѣнтягъ Мурзы, который меня и кормитъ“. Между сихъ разговоровъ Лѣнтягъ-Мурза уткнулъ голову въ подушку и заснулъ. Какъ около стѣны сидящіе услышали, что Лѣнтягъ-Мурза хранитъ, то они полегоньку встали, иные пошли убираться и украшаться, иные легли спать, иные начали всякія праздно-словія говорить, иные ухватились за карты и кости, и при всѣхъ сихъ упражненіяхъ иные сердились, иные радовались, и на лицахъ всѣхъ разныя ихъ внутреннія движенія оказывались. Какъ Лѣнтягъ-Мурза проснулся, всѣ паки собрались около него и внесли въ горницу столъ съ фруктами. Лѣнтягъ-Мурза остался посреди пуховыхъ подушекъ и оттудова подчивалъ Царевича, который весьма прилежно примѣчалъ все, что тамо ни дѣлалось. Хлоръ лишь принялся было отвѣдать предлагаемое имъ отъ Лѣнтягъ-Мурзы, какъ его проводникъ Разсудокъ его за рукавъ дернулъ полегоньку; кисть прекраснаго винограда, которую Царевичъ въ рукахъ держалъ, по полу разсыпалась, онъ же, опомнясь, тотчасъ всталъ, и оба вышли изъ хоромъ Лѣнтягъ-Мурзы.

СЕЛЬНОЕ СЧАСТІЕ.

Въ недальнемъ разстояніи, увидѣли домъ крестьянскій и нѣсколько десятинъ весьма удобренной земли, на которой всякій хлѣбъ, какъ то: рожь, овесъ, ячмень, гречиха и проч., засѣянъ былъ; иной поспѣвалъ, иной лишь вышелъ изъ земли. Подалѣе увидѣли луга, на которыхъ паслися овцы, коровы и лошади. Хозяина они нашли съ лейкою въ рукахъ; обливаетъ разсаженные женою его огурцы и капусту, дѣти же упражнены были въ другомъ мѣстѣ, щипали траву негодную изъ овощей. Разсудокъ сказалъ: Богъ помочь, добрые люди. Они отвѣтствовали: спасибо, баричи; кланялись же Царевичу незнакомо, но Разсудокъ пріязненно просили, говоря: „Посѣти, пожалуй, наше жилище, и матушка твоя Ханша насъ жалуетъ, посѣщаетъ и не оставляетъ“. Разсудокъ согласился къ нимъ войти; пошли съ Хлоромъ на дворъ, посреди двора стоялъ ветхій и высокій дубъ, а подъ нимъ широкая, чисто выскобленная лавка, а передъ лавкою столъ; гости сѣли на лавку, хозяйка съ невѣсткою разостлали по столу скатерть и поставили на столѣ чашу съ простоквашею, другую съ яичницею, блюдо блиновъ горячихъ и яицъ въ смятку, а по срединѣ ветчину добрую, положили на столѣ ситный хлѣбъ, да поставили возлѣ каждаго крынку молока, а послѣ вмѣсто закусокъ принесли соты и огурцы свѣжіе, да клюкву съ медомъ. Хозяинъ просилъ: покушайте, пожалуй. Путешественники, которые проголодались, ничѣмъ не гнушались и межъ тѣмъ разговаривали съ хозяиномъ и хозяйкою, кои имъ разсказывали, какъ они живутъ здорово, весело и спокойно и во всякомъ удовольствіи, по ихъ состоянію, провождая вѣкъ въ крестьянской работѣ и преодолѣвая трудолюбіемъ всякую нужду и недостатокъ. Послѣ ужина на той же лавкѣ разостлали войлочки; Хлоръ и Разсудокъ на нихъ положили свои епанчи, хозяйка каждому принесла подушку съ бѣлою наволочкою, легли спать и заснули крѣпко для того, что устали.

Поутру встали на разсвѣтѣ, поблагодарили хозяина, который за ночлегъ ничего съ нихъ взять не захотѣлъ, и пошли въ путь. Отшедъ съ полверсты, услышали издали, что играютъ на волынкѣ. Хлоръ вздумалъ подойти поближе, но Разсудокъ молвилъ, что волынкою отведутъ ихъ отъ пути: любопытство Хлора принудило его; подошедъ къ волынкѣ, но, увидя шалости пьяношатающихся въ безобразіи около волынщика, испугался и кинулся Разсудку на руки; сей его отнесъ паки на прямую дорогу, гдѣ вскорѣ, прошедъ рощу, увидѣли возвышеніе крутое. Разсудокъ сказалъ Царевичу, что тутъ растетъ роза безъ шиповъ, которая не колется. Здѣсь Хлоръ почувствовалъ зной солнечный и усталъ: началъ скучать, говорилъ, что конца нѣтъ той дорогѣ, долго ли это будетъ, нельзя ли итти по иной дорогѣ? Разсудокъ отвѣчалъ, что онъ ведетъ его ближнимъ путемъ и что терпѣніемъ однимъ преодолѣвается трудъ. Царевичъ съ неудовольствіемъ сказалъ: „Авось либо самъ сыщу дорогу“, и, махнувъ рукою, удвоилъ шагъ, удалился отъ провожатаго.

Разсудокъ остался позади и пошелъ за нимъ молча тихимъ шагомъ. Дитя забрело въ мѣстечко, гдѣ мало кто-бы на него поглядѣлъ, ибо торговый день былъ и всѣ люди заняты были торгомъ и мѣною на рынкѣ. Царевичъ, ходя между телѣгами и посреди торговаго шума, заплакалъ; одинъ человѣкъ, который его не зналъ, пошелъ мимо его и, увидя, что дитя плачетъ, сказалъ ему: „Перестань, щенокъ, кричать, и безъ тебя здѣсь шума довольно“. Разсудокъ дошелъ до него въ самое то время; Царевичъ жаловался на того человѣка, что щенкомъ его назвалъ. Разсудокъ, ни слова не говоря, вывелъ его оттуда; когда же Хлоръ спросилъ, для чего онъ не говоритъ по прежнему съ нимъ, Разсудокъ на то сказалъ: „Ты моихъ совѣтовъ не спрашиваешь, самъ же забрелъ въ непристойное мѣсто, такъ не прогнѣвайся, буде нашелъ людей или рѣчи не по твоимъ мыслямъ“. Разсудокъ продолжать хотѣлъ рѣчь, но встрѣтили они человѣка немолодого, но пріятнаго вида, который окруженъ былъ множе-

ствомъ юношъ. Хлоръ, всегда любопытствуя о всемъ, отозвалъ одного изъ нихъ, спросилъ, кто таковъ? Юноша сказалъ, что „Сей человѣкъ есть учитель нашъ; мы отучились, идемъ гулять; а вы куда идете?“ На что Царевичъ отвѣтствовалъ: мы ищемъ розу безъ шиповъ, которая не колется. Слыхалъ я, сказалъ юноша, толкованіе розы безъ шиповъ, которая не колется, отъ нашего учителя; сей цвѣтокъ не что иное значитъ, какъ добродѣтель; иные думаютъ достигнуть косыми дорогами, но никто не достигнетъ, кромѣ прямою дорогою; счастливъ же тотъ, который чистосердечно твердостію преодолѣваетъ всѣ трудности того пути. Вотъ гора у васъ въ виду, на которой растетъ роза безъ шиповъ, которая не колется, но дорога крута и камениста. Сказавъ это, простился съ ними, пошелъ за своимъ учителемъ.

Хлоръ съ провожатымъ пошли прямо къ горѣ и нашли узкую и каменистую тропинку, по которой шли съ трудомъ. Тутъ попался имъ на встрѣчу старикъ и старуха въ бѣломъ платьѣ, равно почтеннаго вида; они имъ протянули посохи свои, сказали: упирайтеся на нихъ, не спотыкнетеся. Здѣсь находящіеся сказывали, что имя перваго Честность, а другой Правда.

Дошедъ, упираючись на тѣхъ посохахъ, до подошвы горы, принуждены нашлись взлѣсть съ тропинки на вѣтвь, да съ вѣтви на вѣтвь, добрались до вершины горы, гдѣ нашли розу безъ шиповъ, которая не колется. Лишь успѣли снять ее съ куста, какъ въ тамо находящемся храмѣ заиграли на трубахъ и на литаврахъ и разнесся повсюду слухъ, что Царевичъ Хлоръ сыскалъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ розу безъ шиповъ, которая не колется. Онъ поспѣшилъ къ Хану съ цвѣткомъ, Ханъ же Хлора и со цвѣткомъ отослалъ къ Царю. Сей обрадовался столько пріѣзду Царевича и его успѣхамъ, что позабылъ всю тоску и печаль. Царевича Царь и Царица и всѣ люди любили часъ отъ часу болѣе для того, что часъ отъ часу укрѣплялся въ добродѣтели. Здѣсь сказка кончится, а кто больше знаетъ, тотъ другую скажетъ.

IV. СКАЗКА О ЦАРЕВИЧѢ ФЕВЕѢ [1]).

1782.

Сказываютъ, будто въ Сибири пребываніе имѣлъ народъ многочисленный, промышленный и богатый. У сего народа жилъ и былъ рода Китайскихъ Уановъ именемъ Тао-ау, царь умный и добродѣтельный человѣкъ, который подданныхъ своихъ любилъ, какъ отецъ дѣтей любитъ: онъ излишними податьми не отягощалъ никого, и при всякомъ случаѣ людей сберегалъ, колико могъ. Онъ великолѣпіе, пышность и роскошь весьма презиралъ; однако же при дворѣ его все было прилично его сану, чистенько. У Царя была Царица столь красиваго вида, колико отличны были качества сердца ея и ума. Она старалась угодить своему мужу и ему подражать при всякомъ случаѣ. Жили они въ любви и согласіи съ удовольствіемъ многіе годы, но не имѣли дѣтей. Приписывали сіе тому, что въ свѣтѣ нѣтъ совершеннаго счастія. Царица часто недомогала разными припадками, что видя Царь съ прискорбіемъ, призывалъ врачей ближнихъ и дальнихъ, своихъ и чужихъ, которые разсуждали о болѣзни много и долго, и часто не бывъ согласны между собою, предписывали однакоже ей лѣ-

---

[1]) Сказка эта представляетъ какъ-бы иллюстрацію къ педагогическимъ взглядамъ Екатерины II, высказаннымъ въ „Инструкціи“ и „Гражданскомъ ученіи“. И физическое, и нравственное воспитаніе Февея во всемъ соотвѣтствуетъ заключающимся въ нихъ правиламъ. Рѣшемыслъ — умный совѣтникъ благоразумныхъ родителей, не только не отклоняющій ихъ отъ благого пути, но всячески облегчающій и помогающій имъ въ трудномъ дѣлѣ воспитанія.

карства, составленныя изъ такого множества травъ и иныхъ произращеній и составовъ, что одно именованіе и количество тѣхъ вещей занимало длинные столбцы тогдашняго обычая бумаги. Царица и окружающія ее барыни и барышни съ отвращеніемъ и ужасомъ смотрѣли на великіе кувшины лѣкарствъ, кои къ ней приносили для принятія. Царица говорила, что лѣкарство вкуса противнаго, а барыни и барышни, что оно цвѣта нехорошаго; Царь же сумнѣвался о полезномъ дѣйствіи толь различнаго свойства травъ и составовъ смѣси; бывъ въ безпокойствіи, открылъ свои мысли своимъ приближеннымъ. Сказываютъ, будто у умныхъ Царей не бываетъ безъ разумныхъ совѣтодателей; такъ то случилось знатно и тутъ. Одинъ баринъ, прозваніемъ Рѣшемыслъ, сказалъ Царю: „Надежа Государь, на что печалишься! буде усумнишься, „что лѣкарство Царицѣ сдѣлаетъ болѣе вреда, нежели „пользы, одно слово тебѣ стоитъ: прикажи вылить, я же „тебѣ сыщу искуснаго человѣка въ излѣченіи болѣзни, отъ „котораго Царица исцѣлится. Его здѣсь нѣту, а живетъ онъ „не очень далеко во уединеніи.“ Возвеселилось сердце Царя, и наполнился надеждою о облегченіи своей жены. Тотчасъ послали гонца по того искуснаго человѣка; гонецъ нашелъ его жило въ лѣсу, въ маломъ домѣ. Покрытъ былъ домъ соломою. Гонецъ постучался у воротъ, дворная собака залаяла, а изъ калитки выглянулъ человѣкъ и спросилъ: „Кто стучится у воротъ?“ Гонецъ сказалъ: „Я гонецъ Царской, дома ли хозяинъ?“ Дома, отвѣтствовалъ человѣкъ, и отперъ ворота. Гонецъ нашелъ хозяина, что сидитъ у огня, читаетъ книгу. Онъ тотчасъ всталъ и, услыша отъ гонца, что Царь его спрашиваетъ, одѣлся, сѣлъ на коня и поѣхалъ съ гонцомъ ко Царю во дворецъ. Царь, увидя его, спросилъ, „какъ его зовутъ? и откудова онъ?“ На первый вопросъ отвѣтъ его былъ: „Зовутъ меня Катунъ“; а на второй началъ разсказывать, что онъ былъ изъ приближенныхъ людей Зенгорскаго Князя, что при дворѣ того Князя вытерпѣлъ многія напрасныя нападки отъ лихихъ людей, кои, зависти ради, его обнесли;

жаловался, что онъ лишился своего имѣнія, своихъ друзей, и что онъ былъ угнетаемъ несправедливо, и прибавилъ, что онъ, не любя лицемѣрія или говорить инако, нежели думаетъ, что зѣло обычно при дворѣ Зенгорскаго Князя, пошелъ жить уединенно въ лѣсу, гдѣ упражняется спознаніемъ свойства травъ, дабы оныя употребить къ случаю въ пользу ближняго. Окончивъ съ нимъ рѣчь, Царь повелъ Катуна къ Царицѣ. Нашли ее лежащею, протянувъ ноги на постели мягкой; покрыта была одѣяломъ бархата краснаго, подбито одѣяло чернолисьимъ мѣхомъ. Цвѣтъ лица ея былъ блѣденъ, глаза слабости крайней, жаловалась ломомъ въ ногахъ, безсонницею и отвращеніемъ ото всякой пищи. Онъ навѣдался о образѣ ея жизни, услышалъ, что Царица лежитъ день и ночь въ теплой горницѣ, не дѣлаетъ движенія ни малѣйшаго и воздухомъ свѣжимъ не пользуется, кушаетъ же повсечасно, что ни вздумаетъ, спитъ днемъ, ночь пробалагуриваетъ съ барынями и барышнями, кои попеременно гладятъ ей ноги и сказываютъ ей сказки либо вѣсти, кто что дѣлаетъ и не дѣлаетъ, кто что говоритъ или не говоритъ. Лѣсной нашъ врачъ сказалъ Царю: „Надежа Государь, запрети своей Царицѣ спать днемъ, говорить ночью, кушать и пить не въ „обѣдъ и ужинъ, и прикажи ей встать и не лежать окромѣ „ночи, одѣяла же лисьяго употреблять въ теплой горницѣ „вовсе не годится, Царицу заставь ходить, ѣздить и пользо„ваться воздухомъ“. Царь уговаривать началъ Царицу, чтобъ поступала по словамъ лѣснаго врача. Она отговаривалась, говоря: „Я привыкла такъ жить; какъ мнѣ перемѣ„нить свой обычай, свой образъ жизни?“ Однако просьбы Царя убѣдили привычку, подняли Царицу съ постели изъ подъ теплаго одѣяла бархатнаго на чернолисьемъ мѣху; сначала водили ее подъ руки, потомъ стала ходить сама, погодя посадили ее въ сани, запряженныя шестью оленями; у оленей рога были вызолочены, хомуты же горностаевы съ яхонтовыми пряжками; ѣздила цѣлые два часа. Возвратясь домой, Царица стала кушать и опочивать порядочно, цвѣтъ

лица поправился, оказался красивъ по прежнему, глаза ея паки свѣтилися аки искры, барыни и барышни съ радости сложили пѣсню, которая начиналася сими словами: выздоровѣла наша Царица, выздоровѣла и безъ лѣкарства. И правда, Царица не токмо выздоровѣла отъ порядочнаго образа жизни, но чрезъ годъ Богъ далъ Царю и Царицѣ сына, прекраснаго Царевича. Дали ему имя, назвали его Февей, то есть красное солнышко. Царь наградилъ щедро того искуснаго человѣка, который безъ лѣкарства исцѣлилъ Царицу, и отпустилъ его жить, гдѣ самъ избралъ. Царь же прилежно упражнялся воспитаніемъ своего сына. Приставили къ нему маму, вдову разумную, которая умѣла различать, кричитъ ли дитя отъ нужды, болѣзни, или своеволія; его не пеленали, но кутали, не баюкали, не качали никакъ и никогда, кормили же его порядочно и во время. Дитя росло, что любо было смотрѣть. Какъ минуло шесть недѣль, принесли большой коверъ пестрый съ цвѣтными разводами; коверъ былъ сажени двѣ длинника и столько же поперечника; послали коверъ на землю въ опочивальнѣ дѣтской, и какъ дитя проснулся, положили Царское дитя на землю на тотъ коверъ на бочокъ на правой, дитя же повернулся тотчасъ на брюшко; всякой день нѣсколько разъ дѣлали тоже, помаленьку повадился упираться ручками и ножками, и вскорѣ всталъ на ноги, ходилъ прежде года по стѣнкѣ, а потомъ по горницѣ. Начали дитя забавлять игрушками, игрушками отборными, которыя давали ему спознаніе всего того, что его окружало въ свѣтѣ семъ, и его понятію дѣтскому сходственно было; дитя, не умѣя еще говорить, самъ себѣ сдѣлалъ означеніе всего того, что хотѣлъ изъяснить, и даже до азбучныхъ словъ зналъ; когда у него спрашивали, гдѣ которая литера, то указывалъ. Въ болѣзни повадился быть терпѣливъ и держался какъ возможно тише, чрезъ что болѣзненные припадки преодолѣвалъ, сномъ же уменьшались. Трехъ лѣтъ ему привили оспу, послѣ которой получилъ наивящшее любопытство и охоту къ спознанію всего. Самъ собою безъ принужденія выучился читать,

писать и цифири. Любимыя его игрушки были тѣ, чрезъ кои онъ получалъ умноженіе знанія. Царевичъ имѣлъ доброе сердце, былъ жалостливъ, щедръ, послушливъ, благодаренъ, почтителенъ къ родителямъ и приставникамъ своимъ; онъ былъ учтивъ, привѣтливъ и съ доброхотствомъ ко всѣмъ людямъ, не спорливъ, не упрямъ, не боязливъ, повиновался всегда и вездѣ истинѣ и здравому разсудку, любилъ говорить и слушать правду, лжи же гнушался, даже и въ шуткахъ не употреблялъ. Его водили на свѣжій воздухъ лѣтомъ и зимою во всякое время, когда сіе не вредило его здоровью. Какъ минуло Царевичу семь лѣтъ, приставили къ нему дядьку, барина пожилаго, человѣка честнаго. Баринъ началъ сажать Царевича юнаго верхомъ сперва понемногу; учился стрѣлять изъ лука и изъ ружья, металъ копья въ цѣль, лѣтомъ купался и плавалъ въ рѣкѣ, въ рѣкѣ въ Иртышѣ. Избрали для Царевича игры всякія, кои придаютъ тѣлу силы и поворотливость, уму бодрость и расторопность, книгами и ученіемъ подкрѣпляли душевныя его дарованія. Царевичъ выросъ и окрѣпчалъ тѣломъ, здоровьемъ и душею. Лѣтъ пятнадцати сталъ скучать тихою, спокойною и единакою жизнію отцовскаго дома, желалъ, чего самъ не зналъ, хотѣлъ видѣть пространной свѣтъ, что водится въ иной странѣ; слышалъ заочно о многомъ, какъ бываетъ въ той землѣ, въ иной землицѣ, при какомъ дворѣ; въ какихъ войскахъ какой обычай, гдѣ веселье, гдѣ нравы, гдѣ чрезвычайное, гдѣ лучше, гдѣ хуже, въ чемъ распорядокъ. Царь и Царица, услыша о намѣреніи Царевича, не скоро согласились его отпустить; Царь позадумался, а Царица вошла въ свой покой, стала плакать и говорить своимъ барынямъ, что Царевича отпустить не хочетъ, что ей жить горько безъ него. Барыни же говорили: „Не плачь, Царица, мы уговоримъ „Царевича, чтобъ не ѣздилъ въ чужую землю". Царица послала барынь уговаривать Царевича. Пришли барыни къ Царевичу, доложили ему, что Царица прислала къ нему приближенныхъ барынь; онъ тотчасъ приказалъ ихъ пустить

предъ себя. Вошли барыни въ покой Царевича и начали ему говорить: „Свѣтъ нашъ, Царевичъ! прислала насъ Царица „Государыня матушка твоя тебя уговаривать, останься ты „съ нами жить; батюшка и матушка тебѣ сыщутъ жену „красавицу, сошьютъ тебѣ шубу богатую, шубу золотую на „собольемъ мѣху; у насъ зимою горницы теплыя, лѣтомъ „яблоки красныя, луга зеленые; что тебѣ дѣлать на чужой „странѣ? наживешь дѣтокъ, будетъ у насъ дворецъ не пустъ, „отпустятъ тебя тогда гулять по свѣту по бѣлому, а теперь „ты одинъ у матушки надежда и отрада“. Царевичъ сказалъ въ отвѣтъ: „Барыни сударыни, сожалѣю я весьма, что матушка кручинится, вѣдь въ свѣтѣ жить, не вѣчно мнѣ „дома по вѣтру змѣи спускать, хочу видѣть своими глазами, „что люди бывалые разсказываютъ; хочу глядѣть очами, что „въ книгахъ печатаютъ, хочу спознать вещи не заочнымъ „дѣломъ, хочу узнать силу и безсиліе сосѣдное и иныхъ земель, смотрѣть горы, лѣса и крѣпости, морскія волненія, „и пристани, и города купеческія, привезу и вамъ гостинцы „нескудные“. Барыни поклонились Царевичу въ поясъ, вышли изъ его покоя, пошли къ Царицѣ, пересказали ей рѣчи Царевича. На тотъ часъ Царь вошелъ въ покой и съ нимъ баринъ Рѣшемыслъ; нашли Царицу въ печали, въ безпокойствѣ, барыни стояли у стѣны руки сложа. Посовѣтовали, что начать. Рѣшемыслъ былъ въ думахъ; Царь спросилъ: „Что баринъ размышляешь?“ Рѣшемыслъ сказалъ: „Надежа Государь, призови Царевича и скажи, что любя его молодость, „отпустить не можешь въ чужіе люди, пока опытами не докажетъ, колико послушенъ онъ тебѣ, въ душѣ имѣетъ „твердости, въ несчастіи терпѣнія, въ счастіи умѣренности, „что непрерывно смѣлъ и щедръ, великодушенъ и кротокъ, да будетъ ему въ людяхъ честь и тебѣ хвала“. Царю рѣчь та понравилась, рукою правою потрепалъ онъ Рѣшемысла по плечу по лѣвому, говоря ему: „Ой совѣтодатель „мой, ты еси добросовѣстный, дарю тебѣ шапку высокую съ „золотою кистью, какову ношу я самъ по среднимъ праздни-

„камъ“. Рѣшемыслъ поклонился Царю рукою до земли, сказалъ: „Благодаренъ я весьма и слуга твой всепокорный завсегда“. Послали ко Царевичу, объявили ему Царское о немъ рѣшеніе. Царевичъ принялъ велѣніе отцовское, съ покорностію сказалъ: „Да будетъ воля Царя Государя батюшки со „мною, я изъ оной не выступлю, и готовъ исполнить, что „прикажетъ, во всякомъ случаѣ“. На другой день Царь съ Царевичемъ пошли прогуливаться по саду. Царь, увидя на деревѣ сучокъ сухой висячій, снялъ и, воткнувъ оный въ землю твердую, приказалъ сыну въ день дважды, утромъ и вечеромъ, лейкою сучокъ сухой обливать водою цѣлый годъ. Царевичъ въ день дважды, утромъ и вечеромъ, ходилъ, лейкою сучекъ сухой обливалъ водою. Окружающимъ его молодчикамъ показалось то странно, говорили съ ропотомъ ему: „Обливай, сколько изволишь, сухой сучокъ, дерево не выро„стетъ изъ онаго; отецъ твой затѣялъ невозможное, а тебѣ „приказываетъ небылицу“. Царевичъ отмалчивался долго. Наконецъ сказалъ имъ: „Слушайте вы, друзья добрые мо„лодцы, кто повелѣваетъ, тому и разсуждать, а наше дѣло „слушаться, исполняя слово повелѣнное съ покорностію, безро„потно, не разсуждая много“. Погодя нѣсколько времени, Царь пришелъ въ садъ будто осмотрѣть, пустилъ ли сухой сучокъ коренья, покачалъ, выдернулъ изъ земли, кинулъ сучокъ сухой, и болѣе не велѣлъ Царевичу лейкою обливать водою. Къ осени поѣхалъ Царевичъ на бѣломъ конѣ со птицами, со кречетами, съ соколами, со ястребами въ отъѣзжее поле веселиться на нѣсколько дней; лишь успѣлъ отъѣхать верстъ семь, доскакалъ до него гонецъ, сказалъ ему: „Царь государь приказалъ тебѣ ѣхать въ обратный „путь, прислалъ къ тебѣ платье богатое; пріѣхали къ нему „послы Калмыцкіе, желаютъ тебя видѣть въ нарядѣ“. Царевичъ тотчасъ повернулъ бѣлаго коня вспять, не остановясь поскакалъ однимъ духомъ конскимъ къ отцу своему. Бѣлой конь запыхался и потѣлъ; Царевичъ, сходя съ лошади, лицо утиралъ платочкомъ полотна голландскаго. Царь, увидя его

въ кафтанѣ охотничьемъ небогатомъ, спросилъ: для чего не надѣлъ платья наряднаго? Царевичъ же отвѣтствовалъ: „Потъ лица моего, спѣша исполнить ваше соизволеніе, для меня честнѣе, нежели богатое украшеніе; перерядясь я могъ опоздать; пусть послы калмыцкіе увидятъ своими глазами, съ какою скоростію сынъ вашъ исполняетъ ваши приказанія“. Калмыцкіе послы вручили Царевичу письмо родственника Царицы, Монгольскаго Князя Агрея. Онъ просилъ Царевича о посѣщеніи его. Царевичъ по тогдашнему обычаю написалъ отвѣтъ въ такой силѣ: „Царевичъ Февей къ Монгольскому Князю Агрею. Извѣстно вамъ, что я при Царѣ Государѣ батюшкѣ нахожусь, безъ воли котораго я къ вамъ пріѣхать не могу. Повинуясь ему, учусь какъ ко временамъ повелѣвать приличествуетъ, что же болѣе того происходило, о томъ пусть послы вамъ скажутъ сами“. А вотъ что происходило. Послы калмыцкіе были люди пронырливые; они, видя, что отъ Царя не получили по своему желанію отвѣта, старались пріобрѣсть довѣренность Февея; хотѣлось калмыкамъ присвоить себѣ частицу земли Царской съ людьми и со скотомъ, думали успѣть по молодости въ обманѣ Царевича, видя, что онъ къ нимъ, какъ и ко всѣмъ людямъ, ласковъ съ откровенностію; сперва стали лукавыми рѣчьми уговаривать, и потомъ просить Февея; всѣ ихъ происки замыкались въ томъ, чтобъ Февей имъ далъ за своею рукою письмо, чтобъ пустить калмыцкія войска въ пограничную крѣпость; они хотѣли его разжалобить, говорили: „Мы люди бѣдные, а вы богатые, что вамъ въ такой малости?“ Царевичъ, не смотря на то, сказалъ имъ съ твердостію, „что того дѣлать никакъ не „будетъ, что города не его, но Царскіе, и имъ совѣтуетъ „впредь подобною просьбою его не обезпокоивать“. Потомъ обѣщали ему и окружающимъ его корысть, дары многіе, чтобъ старалися склонить Царя дозволить имъ пасти овецъ на лугахъ той крѣпости; но Февеевъ отвѣтъ былъ непремѣнно твердъ; съ насмѣшкою молвилъ онъ, не возвышая голоса: „Бѣдные обыкновенно не имѣютъ чѣмъ дарить бога-

тыхъ; самъ дары я не принимаю, и служащимъ мнѣ вѣрно дѣлать то запрещено". Калмыки, словами и посулою не имѣя успѣха, поѣхали въ обратный путь, встрѣтились со татарами изъ Большой Орды, кои ѣхали на промыслъ торговый, стали говорить симъ рѣчь такую: „Отъ насъ ушелъ сынъ меньшой посольскій, человѣкъ молодой; буде найдете, привезите его къ отцу". Татары сказали: „Добро, привеземъ, буде найдемъ". Татары были тогда люди невѣжливые и грубые; отъѣхавъ нѣсколько дней, увидѣли на полѣ молодого человѣка—идетъ пѣшкомъ, прогуливается за просто. Татары вздумали, что посольскій сынъ, окружили его толпою, хотѣли увести по неволѣ, говоря: „Конечно, ты бѣглецъ, котораго мы ищемъ". Молодой тотъ человѣкъ сказалъ на то: „Ваши затѣи весьма напрасны, я не бѣглецъ, я сынъ отца честнаго". Они тому не вѣрили, но силою увести его старались; молодой тотъ человѣкъ, сіе увидя, прислонился спиною къ дереву, вынулъ саблю изъ ноженъ, молвилъ имъ: „Кто приступитъ ко мнѣ первый, тотъ домой не возвратится". Татары, оробѣвъ немного, не знали, какъ его схватить; онъ же глядѣлъ на нихъ съ твердостію и насмѣхаясь имъ сказалъ: „Мнѣ кажется, вы устрашить меня столько же предуспѣли, какъ я вамъ придаю смѣлости". На тотъ часъ проѣхала тутъ мимо стража Царская, она разогнала Татаръ, изымая въ бѣгу непоспѣшныхъ. Съ ужасомъ узрѣлъ предводитель стражи, что Царевичъ Февей былъ тотъ молодой человѣкъ, котораго Татары приняли за посольскаго сына, хотя отнюдь не былъ похожъ на Калмыка. Царевичъ, видя невѣжество, незнаніе и недоразуміе тѣхъ людей, просилъ самъ о освобожденіи ихъ изъ подъ караула. Отпустили Татаръ во свояси, что услыша царь Тао-ау прогнѣвался зѣло, почитая то власти его противно, что отпустили безъ вѣдома его важныхъ преступниковъ, кои покусились увести Царевича Февея Тао-ауковича; говорилъ и ему со гнѣвомъ: „Чего тебѣ было просить за нихъ? мѣшаешься ты, мой свѣтъ, въ дѣла тебѣ неприличныя, я одинъ воленъ простить и наказать; сынъ ты мой любезной, а власти

Царской я преемникъ и ревнитель". Царевичъ, видя надъ собою отцовскій гнѣвъ, сказалъ: „Виноватъ, Государь батюшка, причиною тому одна жалость",—стоялъ въ почтеніи безмолвно; но Царь, бывъ разсерженъ, тѣмъ былъ недоволенъ, спросилъ: „Что стоишь безсловесно, какъ будто на умѣ судишь рѣчи мои? тому ли баринъ дядька тебя научилъ?" „Нѣтъ, сказалъ Февей тихимъ голосомъ, онъ вѣкъ твердитъ мнѣ съ терпѣніемъ сносить вашъ гнѣвъ и противъ онаго не быть упорнымъ; вина моя предо мною, мысленно скорблю я, что прогнѣвилъ васъ". Рѣчь та отцовское сердце не много умягчила, онъ сказалъ: „Поди домой". Царевичъ, поцѣловавъ руку родительскую, пошелъ въ свою комнату; въ вечеру почувствовалъ ознобъ и боль въ боку и въ головѣ тягость, ночь всю насквозь не почивалъ, къ утру жаръ оказался великъ, послали сказать Царю, Царицѣ, что боленъ Царевичъ. Родители пришли къ нему. Боль умножалась ежечасно, Февей же сносилъ ее съ бодростію, былъ столь терпѣливъ и покоенъ, что мало жаловался инако, какъ на вопросъ врача, когда сей хотѣлъ узнать, что и гдѣ болитъ. Наконецъ его молодость и усердное попеченіе окружающихъ Февея преодолѣли болѣзнь, Царевичъ выздоровѣлъ совершенно, и въ то время выросъ вершка на два. Простолюдины же толковали, что та болѣзнь была къ росту, ино—къ бородѣ; правда, что послѣ того вскорѣ исподоволь сталъ стричь усы ножницами оправки золотой. О выздоровленіи его радость была чистосердечна, стихотворцы о томъ сложили пѣсни новыя съ похвалами необычайными. Февей ласкательствъ не любилъ; онъ, размышляя о семъ, сказалъ комнатнымъ своимъ: „Не дайте душѣ моей возгордиться никогда, и для того ежедневно, какъ пробужусь отъ сна ночного, скажите вы мнѣ „рѣчь сію: Февей вставай съ одра и помни во весь день, „что ты еси человѣкъ такой же, какъ и мы". Потомъ стала весна. Царевичъ поѣхалъ верхомъ за городъ, мимоѣздомъ невзначай заѣхалъ къ барину Рѣшемыслу, сошелъ съ лошади, вошелъ въ переднюю его и остался тутъ, пока побѣ-

жали сказать барину, что Февей пріѣхалъ его посѣтить; нѣсколько времени протекло, окружающіе Царевича молодчики стали скучать и говорить, „что баринъ неучтивъ, заставилъ долго ждать Февея“. Царевичъ же на то сказалъ: „Баринъ „Рѣшемыслъ много Царскихъ дѣлъ имѣетъ; знатно, я время „избралъ для него не очень досужее; намъ по молодости „ждать не трудно, баринъ Рѣшемыслъ самъ ждалъ недавно „не скучая въ моей гостинной комнатѣ“. Погодя немного, баринъ пришелъ поспѣшно со извиненіемъ; Царевичъ, обнявъ его, сказалъ: „Легко извинить того, чье усердное служеніе „помнить завсегда я долженъ, о чемъ слыхалъ я много отъ „моихъ родителей“. Баринъ Рѣшемыслъ низко поклонился, отвѣтствовалъ на то со слезами радости: „Слуху моему „пріятныя словеса ваши, прибавятъ мнѣ вѣку“. Царевичъ позавтракалъ у него въ бесѣдкѣ на большомъ озерѣ. Сидя на лавкѣ, увидѣлъ изъ окна малую лодку; въ ней сидитъ рыбакъ, ѣдетъ по водѣ; Царевичу вздумалось ѣхать въ той лодкѣ, всталъ съ лавки, вышелъ изъ дверей, кликнулъ рыбака, идетъ, садится въ лодку. Подбѣжали люди, иные говорили, „что опасно ѣхать въ такой лодкѣ, другіе, что „стара лодка, третьи, что не выконопачена, четвертые, что „валка, пятые, что она гнила, шестые, что погода вдругъ „подымется“. Насказали тысячи и одинъ страхъ. Февей же между тѣмъ взялъ у рыбака весла и сказалъ имъ: „Вѣдь „рыбакъ человѣкъ, ѣхалъ въ лодкѣ—не тонулъ, Февей чело„вѣкъ же, ѣхать можетъ, не утонувъ. Въ страхѣ Божіи я „воспитанъ, инаго же теперь не знаю“; сѣлъ на лодку и поѣхалъ по озеру на греблѣ и на парусѣ, ѣздилъ долго въ нарочитой погодѣ, и возвратился благополучно къ пристани, простился съ хозяиномъ, ногу лѣвую поставилъ въ стремя, сѣлъ на бѣлаго коня и поскакалъ домой. Рѣшемыслъ, радуяся зѣло посѣщеніемъ Царевича, сказалъ своимъ друзьямъ подъ вечеръ: „Наипаче Февей имѣетъ достохвальной даръ, „разговаривая съ кѣмъ, вести рѣчь такъ, будто ищетъ онъ „твоего благоволенія и не даетъ тебѣ малѣйшаго знака,

„чтобъ говорилъ съ тобою изъ одной милости; въ Царевичѣ „нѣтъ надменности, онъ любитъ ближняго какъ самаго себя, „и бывъ самъ человѣкъ, когда съ кѣмъ говоритъ, то помнитъ, „что говоритъ съ человѣкомъ; всякъ же изъ насъ, говоря „съ нимъ и впервые, чувствуетъ въ своей душѣ нѣкое „ободреніе и довѣренность, кои Февей возбуждаетъ снисхо-„жденіемъ и учтивостію, душѣ его природною". Слова толь достопамятныя въ хвалу Царевича баринъ Рѣшемыслъ произносилъ при друзьяхъ; на другой день они старались оныя разсказывать точно, но не умѣли вспомнить слога. Люди любопытные хватаютъ иногда поверхности, ино средину, или конецъ рѣчей, не зная связи вещи. Баринъ Рѣшемыслъ имѣлъ завистниковъ, попался имъ тотъ разговоръ исковерканъ весь; довели рѣчь превратно до ушей Царевича, сказали, будто Рѣшемыслъ говорилъ, что Февей надменъ и иныя велъ рѣчи подобныя не въ хвалу Царевича. Февей услышалъ тѣ рѣчи, съ холодностію сказалъ: „Стараніе всегда я прилагаю испра-„вить мои недостатки; спасибо Рѣшемыслу, что рѣчьми мнѣ „далъ къ тому новой способъ". Обхожденія же своего не перемѣнилъ никакъ противу Рѣшемысла, и вскорѣ узналъ, какъ то заподлинно происходило.

Лѣтомъ Февей невзначай зашелъ къ богатому купцу, хотѣлъ узнать, чѣмъ промышляетъ; купецъ сей, бывъ обрадованъ приходомъ къ нему Царевича, вздумалъ поднести ему даровъ множество, какъ тогда велось въ обычаѣ; принесли въ горницу кувшины серебряные на блюдахъ вызолоченыхъ, мѣшки парчевые, наполненные монетою, также мѣхи драгоцѣнные и ковры тканые персидскіе шелковые. Тутъ вошла и дочь хозяйская, вдова, молодая красавица въ черномъ платьѣ и въ печальномъ видѣ; она дары устлала передъ Царевичемъ. Отецъ ея просилъ Февея принять дары, о дочери же сказалъ: „Обижаютъ ее мужнина родня и должники". Февей отвѣтствовалъ: „Дары ваши я принимаю охотно и отдаю ихъ всѣ въ „приданое вашей дочери; при томъ желаю, чтобъ наискорѣе „сыскался ей женихъ, который бы любилъ добродѣтель бо-

„лѣе, нежели красоту ея и богатство". Возвращаясь домой, Февей услышалъ, что подъ его стремяннымъ споткнулся конь, ему зашибъ больно ногу; пошелъ его смотрѣть, послалъ по лѣкаря, и пока перевязывали ногу, Февей сапогъ его велѣлъ насыпать деньгами, сказалъ: „На, отдайте стремянному, „на первой случай будетъ чѣмъ платить за лѣкарство". Въ то время, или скоро послѣ того, на Царскія земли Золотой Орды народы пошли войною, брали Царскихъ подданныхъ въ плѣнъ, хотѣли увести съ собою; Царь нарядилъ свои войска, послалъ прогнать Золотой Орды людей. Воины пошли весною въ походъ, прогнали тѣхъ народовъ паки за границу и ко Царю послали со обратно взятыми его подданными нѣсколько Золотой Орды людей плѣнниковъ. Многіе тогда говорили: „Какъ съ нашими плѣнными обходились худо „люди Золотой Орды, надлежитъ и намъ обходиться также „съ плѣнными той Орды". Какъ рѣчь та дошла до Февея, „то сказалъ онъ на то: „Неприлично перенимать намъ худое „обхожденіе, пусть перенимаютъ у насъ люди Золотой Орды „человѣколюбивое обхожденіе съ людьми и иныя добродѣ„тели, и да будетъ у насъ всякаго добра образецъ". Годъ спустя, Царевичъ женился, женясь нажилъ дѣтокъ весьма похожихъ на него, погодя нѣсколько лѣтъ еще ѣздилъ въ разныя мѣста и земли, возвратился домой. Февей и весь родъ его жилъ до глубокой старости, нынѣ славенъ въ народѣ томъ, гдѣ онъ былъ.

V. БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ[1].

1783—1784.

ОПЫТЪ САМОЛЮБІЯ.

Да будетъ свѣту извѣстно, что я зналъ человѣка, который имѣлъ домъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ, половина вросшій въ землю, а другая съ наклонностью къ паденію; внутри весьма посредственно убранный. Но ему казался тотъ домъ великолѣпенъ, понеже былъ его; той же причины ради, хотя жена его отъ утра до вечера брюзжала

---

[1]) Сатирическія статьи, извѣстныя подъ заглавіемъ: „Были и Небылицы", печатались въ „Собесѣдникѣ любителей Россійскаго Слова", который издавался академіей наукъ, по желанію ея директора, княжны Екатерины Романовны Дашковой. Это легкія и веселыя замѣтки по поводу различныхъ явленій современной жизни, заслуживавшихъ осмѣянія, при описаніи которыхъ дѣйствительность смѣшана съ вымысломъ. Форма ихъ состоитъ въ передачѣ разсказовъ, мыслей и взглядовъ автора какому-то дѣдушкѣ и двумъ друзьямъ его, изъ которыхъ одинъ, подобно Демокриту, „болѣе смѣется, нежели плачетъ", а другой, какъ Гераклитъ, „болѣе плачетъ, чѣмъ смѣется". Желая придать легкость и живость сатирическимъ замѣткамъ, авторъ часто уклоняется отъ главной мысли, и отъ важныхъ предметовъ переходитъ къ мелочамъ или наоборотъ. Заключительная глава: „Завѣщаніе" указываетъ на главныя особенности какъ содержанія, такъ и языка „Былей". По опредѣленію автора, эти замѣтки „вытащены изъ обширнаго моря естества; онѣ наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится, но люди тутъ безъ имени, а описывается *умоположеніе* (ésprit général Монтескьё) человѣческое; до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ". Мѣстами замѣтно подражаніе манерѣ англійскихъ юмористовъ и, главнымъ образомъ, Стерна́ (въ „Тристранъ Шенди").

и слыла глуповатой, дѣти же были сущіе шалуны. Но онъ имъ цѣны не ставилъ и приписывалъ имъ душевныя и тѣлесныя безсчетныя дарованія. У него была лошадь рыжая, съ бѣльмомъ на глазу, другая вороная, коротковшея, кургузая, которыхъ зимою впрягалъ онъ въ сани, а лѣтомъ, попеременно, въ одноколку, и тѣмъ красоту и добродѣтели приписывалъ. Однимъ словомъ, все, что ему принадлежало: мамы, няни, бани, вѣники, собаки, огородъ, пиво, полпиво, поваръ,—все ему казалось отмѣнными качествами снабжено, для того только, что ему принадлежало, и любилъ онъ себя и ни кого иного.

—

Есть у меня сосѣдъ, который въ младенчествѣ слылъ умницею, въ юпошествѣ оказывалъ желаніе умничать; въ совершеннолѣтствіи каковъ?—Увидите изъ слѣдующаго: онъ ходитъ бодро; но когда два шага сдѣлаетъ направо, то, одумавшись, пойдетъ налѣво; тутъ встрѣчаемъ онъ мыслями, кои принуждаютъ его итти впередъ, потомъ возвращается вспять. Каковъ же путь его, таковы его и мысли. Сосѣдъ мой отъ роду своего не говаривалъ пяти словъ и не дѣлалъ ни единаго шагу безъ раскаянія потомъ объономъ. По утру вспомнитъ, что у васъ столъ хорошъ; отъ утра до обѣда мучится нерѣшимостью: ѣхать ли, или не ѣхать къ вамъ? рѣшится, къ обѣду къ вамъ поѣдетъ, сядетъ съ вами за столъ; тутъ вдругъ нападаетъ на него воздержаніе отъ пищи: сколько ни будутъ потчивать, не станетъ ѣсть подъ отговоркою, что желудокъ или животъ болитъ, и отъ того сдѣлается утороплениымъ; къ концу стола опомнится, когда кушанье начнутъ прибирать: начнетъ тогда съ застылыхъ блюдъ что-нибудь хватать, и окончаетъ обѣдъ закусками, позабывъ, что животомъ жаловался за полчаса предъ тѣмъ. Мой сосѣдъ двадцатью въ день скупъ и мотъ, богатъ и бѣденъ, хорошъ и дуренъ, доволенъ и недоволенъ, и все что изволишь; только счастливъ не бываетъ, для того, что слѣ-

дуетъ всѣмъ своимъ мыслямъ на часъ, и не имѣетъ ни единой, которая бы не перебита была другою.

Когда я гляжу на него, тогда онъ, утупя глаза въ полъ, передо мною важничаетъ, труся, однако, меня мысленно. Часто я смѣюсь надъ нимъ; говоря съ нимъ дружески, привожу его въ чувство; но тѣмъ не поправляется его состояніе; лишь ропщетъ противу меня заочно, а въ глазахъ мнѣ льститъ. Бывъ съ нимъ въ размолвкѣ на Святой недѣлѣ, встрѣтилъ я его нечаянно на улицѣ, спросилъ: куда идетъ? къ вечернѣ, отвѣтствовалъ онъ; но вмѣсто того, нѣсколько минутъ только спустя, завелъ меня къ танцовщицѣ; сія, стоя предъ зеркаломъ, пляску твердила; тутъ сосѣдъ мой тотчасъ вздумалъ поволочиться, началъ правоучительныя проповѣди; пока говорилъ, пляска продолжалась передъ зеркаломъ безпрерывно; въ отвѣтъ же ему сказано было: куда, мой свѣтъ, ты скученъ! Съ тѣмъ мы и вышли.

—

На сихъ дняхъ ѣздилъ я въ деревню посѣтить, 1) дѣдушку своего; онъ человѣкъ глубокомыслящій и словоохотный. При первомъ свиданіи разсказывалъ онъ мнѣ много случившагося съ нимъ, и что̀ онъ въ свѣтѣ живучи видѣлъ. Я же спѣшу мнѣ сказанное сообщить для внесенія въ Были и Небылицы.

Вопервыхъ, сказалъ онъ мнѣ, что знавалъ онъ человѣка страннаго, котораго нравъ склонялъ его сердиться въ такихъ случаяхъ, которые другихъ людей приводили къ жалости и сожалѣнію; что тотъ же человѣкъ любилъ лгать и что произносимыя имъ лжи онъ такъ часто повторялъ, что, затвердивъ оныя, самъ вѣрилъ онымъ какъ истинѣ; лыгалъ же нерѣдко самому себѣ въ поношеніе смѣло и не краснѣя. Дѣдъ 2) мой приписывалъ сіе робкому нраву и живому воображенію того человѣка, который давно уже умеръ.

NB. Сіе прибавлено мною, дабы читатель не имѣлъ труда искать его между живыми.

*

Братъ двоюродный мой человѣкъ веселый и проказливый; онъ былъ бы мотъ, еслибъ жена его отъ того не удерживала; она бережлива до того, что и должникамъ не платитъ. Съѣстные припасы въ долгъ забираетъ, мужнины векселя, когда до ея рукъ дойдутъ, въ лоскутки издираетъ и чрезъ то долгъ безъ платежа уничтожить старается. Дѣдушка 3) дивится, коей ради причины купцы ни мужу, ни женѣ не вѣрятъ, хотя они очень достаточны.

Примѣчание.

Дѣдушка 4) мой обыкновенно чрезвычайно остеръ и уменъ, а иногда непонятно какъ недогадливъ.

XВ. Вышеписанное примѣчаніе не къ слѣдующему приключенію относится.

Онъ же сказывалъ, что у него была кума, которую онъ весьма любилъ. Кума была высока и толста; отецъ ея у города Архангельскаго производилъ торговлю и разные промыслы: онъ терся около голландскихъ купцовъ; потрушивалъ то тому, то другому; всѣмъ кланивался рукою до земли и цѣловалъ въ полы. Наживъ нарочитый достатокъ, вздумалъ дочь воспитать на иностранный образецъ, для чего и отдалъ ее въ какой-то пансіонъ, гдѣ обвертки съ двѣ ума она получила; оттуда вышедъ, была выдана замужъ за отставнаго дворянина. Кума, бывъ дородна, скрывала тягость притворнымъ проворствомъ и легкостью, однакожъ не летающихъ. Предпріятію сему противоборствовала толщина ногъ ея, которыя въ лучшихъ дѣйствіяхъ подвертывались, отъ чего нерѣдко, аки свинецъ, на землю падывала. Сему причиною, дѣдушка 14) сказываетъ то, что кума пальцы ногъ своихъ вершка по 2 стѣсняла узкими башмаками; а какъ затѣмъ оставалась еще отъ ногъ четверть аршина безъ обуви, то ножки, вертясь туда и сюда, на высокихъ и тонкихъ, какъ на куликовой шейкѣ, каблучкахъ, не сносили безъ наклоненія наставленнаго на нихъ вѣса. Дѣдушка 15) говоритъ, что

кума его была щеголиха, любила по модѣ одѣваться, другимъ женщинамъ завидовала, хорошихъ не хвалила, красавицъ не любила, съ мужемъ была брюзглива, съ людьми нравна и скупа; въ красотѣ, умѣ и знаніи мѣры себѣ не ставила, во всѣ разговоры вступалась, все знала лучше прочихъ людей, за все принималась; но рѣдко что ей удавалось. Дѣдушка 16) говоритъ, что она пріятности не имѣла.

NB. Дѣдушка 18) меня жестоко бранилъ, что я записываю его разсказы; что-то мнѣ за то будетъ, какъ онъ ихъ увидитъ въ печати? Я думаю, изъ его экземпляра Собесѣдника выдрать листъ; авось-либо онъ не узнаетъ.

Онъ же говоритъ, что онъ ничего такъ не любитъ, какъ кого смѣшить; что онъ въ томъ однакожъ находитъ разныя затрудненія, не для того, чтобъ онъ не говорилъ смѣшнаго, но для того, что не всякій въ смѣшномъ расположеніи. Дѣдушка 19) говоритъ, что когда онъ въ своемъ намѣреніи не успѣваетъ, и тотъ не смѣется, кого онъ смѣшить хочетъ, тогда онъ тотчасъ оборотитъ рѣчь на что-нибудь для того человѣка пріятное, чрезъ что, не могши принудить къ смѣху, производитъ легкую улыбку, подобно какъ искусный врачъ производитъ испарину, и на тотъ часъ тѣмъ удовольствуется. Дѣдъ 20) мой искусный человѣкъ. Я часто его нахожу, что онъ, сидя одинъ, смѣется; не всегда онъ сказываетъ чему; но я иногда догадываюсь, не отъ хорошей ли погоды онъ бываетъ въ улыбательномъ духѣ.

NB. Мнѣ добрый человѣкъ говорилъ, чтобъ я не такъ часто упоминалъ о дѣдушкѣ, опасаясь, что частыя повторенія одного слова ушамъ непріятны будутъ. Сіе принудило меня перечесть, въ угожденіе ему, много ли разъ упомянуто о прародителѣ; я нашелъ не болѣе, какъ десятка два слишкомъ; я уже нѣсколько вычеркнулъ, а прочихъ по совѣсти выкинуть не могу; но только нумера поставилъ, дабы во второмъ тисненіи можно было исправить то, что спѣшу отдать въ печать, дабы радоваться напечатанному.

Дѣдушка мой говоритъ, будто въ молодости его люди лучше знали цѣну вещамъ и людямъ, нежели нынѣ знаютъ, и будто въ то время болѣе умными разговорами занимались

и веселонравнѣе были. Въ третій день пріѣзда моего къ нему, онъ насъ, внучатъ своихъ (числомъ 15 человѣкъ), собралъ и часа съ три о семъ велъ рѣчь. По счастію, мы всѣ предъ нимъ (за неимѣніемъ въ той горницѣ стульевъ) стояли; сему только и приписываю, что мы отъ сей проповѣди не задремали, однако жъ глаза протирать часто нужду имѣли; зѣвалъ ли же кто, я точно не примѣтилъ; но всѣ, шляпой, картузомъ, или колпакомъ, у кого что въ рукахъ случилось, уста свои нерѣдко закрывали. Кончилъ дѣдушка разговоръ свой сравненіемъ, который, сокративъ для памяти, я записалъ: „*Когда мы молоды были*, говорилъ онъ, тогда праздность, въ конюховой одеждѣ закутанная, подъ видомъ прогулки для здоровья, по улицамъ не шаталась. Сіе тогда почитали безчинствомъ. Сонъ нашъ продолжался до полудня; оставшую часть дня провождали, сидя у окошка, играніемъ въ карты до разсвѣта и долѣе; должность, къ которой невольно наряжены бывали, немного съ лѣнцою отправляли; но понеже казалось, что въ свѣтѣ кое-что поправки требовало, то люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся до поправленія того-сего; разговоры же сіи вели въ полголоса, или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно громогласіе рѣдко между нами слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ, ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется. „Дѣдушка примѣчаетъ, что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, потому, что скрытаго за пазухой мало остается; для изъясненія своей мысли употребляетъ онъ сравненіе, говоря, „будто мысли и умы, долго бывъ угнетенны подъ тягостью тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ“. Выговоря сіе, дѣдушка имѣлъ, мнѣ казалось, голову разгоряченную, взглядъ его казался мнѣ быстрѣе обыкновеннаго, на щекахъ

его игралъ румянецъ. Онъ всталъ съ креселъ своихъ и, возвысивъ голосъ, сказалъ: „Припомните мои слова: всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возъимѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе". Проговоря сіе съ жаромъ, онъ паки сѣлъ, какъ будто отдыхать хотѣлъ, и углубился въ задумчивость. Мы думали, что онъ кончилъ рѣчь свою, и хотѣли откланяться, но онъ, не примѣтя того и бывъ въ восхищеніи (Богъ вѣсть отъ чего), паки началъ говорить, но съ вельми степеннымъ видомъ и голосомъ, тому виду приличнымъ: „Ни чему я такъ не радовался послѣдніе сіи годы, какъ тому, что къ совѣстному разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ. Маятникъ сей подаетъ объ общемъ расположеніи добрую надежду, подобно какъ пульсъ врачу о состояніи больного".

Примѣчаніе.

Дѣдушка, посредствомъ Совѣстнаго Суда въ семи намѣстничествахъ, помирился съ сосѣдями своими, съ коими тягался лѣтъ болѣе тридцати.

NB. Въ Смоленскѣ имѣлъ онъ распри по наслѣдству.
Въ Великихъ Лукахъ ябедою продолжившееся дѣло.
Въ Ингерманландіи вексельный искъ.
Въ Курскѣ споръ по стариннымъ отказнымъ книгамъ.
Въ Москвѣ судебное по крѣпости дѣло.
Въ Нижегородской губерніи хлопоты по рыбнымъ ловлямъ.
Въ Новѣгородѣ прадѣдовскіе поемные луга, кои у него отнять хотѣли.

—

Зналъ я одну женщину, которая слыла разумною, ученою и благонравною. Читатели сами опредѣлятъ, сколь справедливо она названія сіи заслуживала. Правда, что имѣла она природную остроту, но не имѣла столько разсудка, чтобъ восчувствовать, что безпрестанное ея во всемъ притворство наконецъ откроется, и что она часто онымъ осмѣянію подвергается; учености жъ, не вопреки будь сказано болтливой

богинѣ Славѣ, много имѣть она не могла: училъ ее Гасконецъ одинъ по-французски; въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ стала она учиться пѣть, на клавикордахъ играть и по-итальянски говорить; чтеніе романовъ и французскихъ театральныхъ сочиненій потомъ довершило всю глубину премудрости, въ кою она когда-либо снисходила. Добродѣтель же ея состояла въ щедро изливаемыхъ слезахъ, коими она изобильно во всякомъ случаѣ наградить была готова, и кошелекъ друзей своихъ часто для бѣдныхъ раскрывала; но щедрость относила всегда на свой счетъ. Благонравіе же ея состояло въ томъ, что она оказывала горячую любовь ко всѣмъ, считала до двухъ сотъ друзей, до четырехъ сотъ пріятелей и пріятельницъ. Переписку вела съ 60 человѣками; съ людьми же, не очень съ нею короткими, она на все соглашалась; напротивъ, съ любезными ей друзьями обо всемъ спорила, и съ равнымъ жаромъ и рвеніемъ лёгкаго своего не щадила (ибо голосъ свой при такихъ случаяхъ октавою цѣлою возвышала): о туфляхъ, о собакѣ, о дорогѣ, или о цвѣтѣ волосъ бороды армянскаго архимандрита оспаривала любезныхъ друзей мнѣніе. Дѣвушкамъ ея и друзьямъ, ея принадлежащимъ, кучеру, лакею, дворецкому, равно какъ и любезному мужу, доставалось слышать громогласныя ея поученія, кои бывали непріятными нарѣчіями, бранными словами и угрозами наполнены. Ничто ей не было правно, и чѣмъ болѣе тотъ другъ, у кого она за столомъ находилась, желалъ, чтобъ она кушала, и выхвалялъ которое ей блюдо, тѣмъ крѣпче предавалась она воздержанію, и не только отказывала все, но иногда благосклонно соглашалась отвѣдать съ иного блюда, для того только, чтобъ имѣть удовольствіе — взятое на тарелку выплюнуть. Къ умиленію склонный ея правъ наклонялъ ее къ снисхожденію—споры и противорѣчія свои смягчать нѣжными приговорами, какъ напримѣръ: „Душа моя, ты не понимаешь; ты, любезный другъ, говоришь неправду; я все для тебя потеряла, и я бы знатнѣе и счастливѣе была за другимъ, когда бы чортъ меня съ тобою не снесъ; меня

всѣ, душа моя, обожаютъ за то, что я не такого дурнова нрава, какъ ты". Ѣхавъ въ дальнюю свою деревню, проѣзжалъ я черезъ одну изъ губерній обширной нашей имперіи, гдѣ мужъ ея начальствовалъ; онъ былъ въ отлучкѣ, и она объ отсутствіи его была въ безпрестанныхъ слезахъ. Я не вытерпѣлъ ей старинную пословицу напомнить: „Розно, такъ тошно, а вмѣстѣ, такъ тѣсно".—О, дивное благонравіе!

—

Дѣла тяжебныя, кои, за грѣхи мои, родственникъ со мною завелъ, принудили меня, перенеся оныя на апелляцію, ѣхать въ Петербургъ. Тамъ, по обыкновенію, старался я найти покровителя, и успѣвъ въ ономъ, къ благосклонному мнѣ вельможѣ нерѣдко ѣздилъ. Я встрѣчался часто съ чужестранными и съ большими нашими боярами; и какъ въ домѣ моего благодѣтеля между иностранными я примѣтилъ одну особу отмѣннаго нрава и заботливости, я тогда же у себя не карандашемъ, но перомъ его портретъ написавъ, нынѣ здѣсь сообщаю. Онъ всегда чувствовалъ и скрывать не могъ нетерпѣнія своего, когда кто тихо говорилъ съ кѣмъ нибудь, для того, что онъ все знать и слышать желалъ. Изъ дома въ домъ переѣзжалъ для того только, чтобъ слышать новости, а услышавъ оныя, давалъ имъ смыслъ собственной своей выдумки, прибавляя къ нимъ важность, которой онѣ никакъ въ себѣ не содержали, и выводилъ изъ оныхъ заключенія, кои одна его заботливая голова, или старая сплетница дѣлать можетъ. Безпокоился также очень, когда кудануибудь товарищей его позовутъ обѣдать или ужинать, а его не пригласятъ. Себя и санъ свой ставилъ онъ очень высоко, отчего часто былъ недоволенъ, думая, что не все ему должное почтеніе воздается; выдумывалъ басни и потомъ, съ важнымъ видомъ и будто по отличной довѣренности, ихъ разсказывалъ за слышанную имъ быль. Самыя бездѣлицы вывѣдывать желалъ такъ охотно, что наконецъ не только остерегъ всѣхъ противъ себя, но пронырливость и мелкости, кои въ его нравѣ такъ видимы были, содѣлывали его не только непріятнымъ, но и возбуждали противъ него отвращеніе.

Изъ града Святаго Петра,

Іюня 30 дня 1783 года.

Отъ самаго дня изданія Собесѣдника, примѣчена повсюду великая перемѣна и поправленіе во нравахъ; да какъ тому и быть иначе? Прибавилось въ рукахъ покупающихъ рубля на полтора шутки, проповѣди, нравоученія. Будучи занятъ сею мыслью, вставъ на сихъ дняхъ рано, пошелъ я прохаживаться по улицамъ; вѣтрено было, несло по городу пыль, щепки, известь, перья, мочалки и, между прочимъ, упала къ ногамъ, обернясь нѣсколько разъ около башмаковъ моихъ, печатная бумажка. Я великій охотникъ читать, и обыкновенно не пропускаю ни единой вывѣски, ни прибитаго листа къ дому о наймѣ или продажѣ, ни мастероваго щита, чтобы не прочесть оныхъ; давно бы я всѣ наизустъ сказать могъ, буде бы не перемѣняли ежедневно своего пребыванія. Наклонившись, я поднялъ для прочтенія печатную бумажку, которую вѣтеръ повергнулъ къ стопамъ моимъ. При первомъ взглядѣ не вѣрилъ я глазамъ своимъ, когда увидѣлъ, что та бумажка ни что иное было, какъ папиліотъ, сдѣланный изъ листа Собесѣдника; съ ужасомъ читалъ я точныя слова Были и Небылицы; прочее передрано и припекальными щипцами сожжено было! Я остолбенѣлъ на улицѣ и, стоя, впалъ въ размышленіе, какъ бы то случиться могло? Въ самое то время мимо меня прошелъ разнощикъ съ лоткомъ апельсиновъ и сушеныхъ французскихъ лакомствъ; взглянувъ на оныя, усмотрѣлъ я паки обертки печатныя. Любопытство принудило меня, подошедъ къ разнощику, притвориться, будто бы покупать хочу; разглядя поближе, получилъ я полное свѣдѣніе обширнаго употребленія той драгоцѣнной книги, которая издается для исправленія нравовъ, очищенія языка и пользы общества: что не только апельсины и сушеные фрукты были листами оной обвернуты, но оные служили имъ еще сверхъ моха, листа въ три толщины, постилкою. Не утерпя, спросилъ я: откуда взялись сіи листы? и разнощикъ, улыбаясь, сказалъ, что

нашелъ онъ ихъ на крыльцѣ, между соромъ, въ одномъ знатномъ домѣ, куда ходилъ онъ, дня два тому назадъ, для требованія долгу съ барыни, которая ему три года четыре рубли пятьдесятъ коп. не платитъ за апельсины; но онъ не могъ ея видѣть инако, какъ сквозь двери передней, которыя часто растворялъ слуга ея, бѣгая взядъ и впередъ съ горячими щипцами, кои спѣша пробовать, припекалъ къ печатнымъ тѣмъ листамъ, понеже барыня тогда завивала волосы. Соображая сіе съ летавшимъ по вѣтру папиліотомъ, несомнѣнно почитаю, что оные одному принадлежали хозяину. Я, свѣдавъ сіе, тотчасъ пошелъ домой, и написавъ такое достойное примѣчанія происшествіе, спѣшу отдать оное въ печать, дабы доброе употребленіе книгъ извѣстно быть могло. Я же тѣмъ удовольствіемъ заплаченъ, что изданіе мое прочту въ печатной книгѣ, а тамъ желаю ему счастливаго пути, и да употребитъ его красавица, какъ ей самой угодно.

—

Проснулся я по утру рано, повернулся съ боку на бокъ, колпакъ съ меня упалъ; мнѣ до него дѣла нѣтъ. Не могши заснуть, сѣлъ я на постели, правую ногу спустя на землю, надѣлъ туфлю на босую ногу. Лѣвою ногою насилу отыскалъ другую туфлю (засунулась подъ кровать), всталъ одесную, зѣвнулъ протяжно, такъ что слезы изъ глазъ покатились; чихнулъ трижды.

NB. Сіе значитъ сырую погоду. Взялъ чистый бумажный платокъ.

NB. Сей кладется обыкновенно возлѣ кровати моей, когда я тутъ ночую, а не индѣ; развернулъ его и утерся.

Собака моя, отродія лягавыхъ, видя, что пріуготовляюсь къ походу, спрыгнула съ кожанаго канапе, гдѣ всегдашній ея ночлегъ, пошла лѣнивымъ шагомъ къ дверямъ, лапою толкнула въ дверь.

NB. Замокъ съ годъ какъ шатается; починить его трудно, понеже мѣсто, гдѣ онъ прежде привинченъ былъ, а нынѣ гвоздями прибитъ, въ щепы крошится.

Дверь отворилась, собака вышла; сквозной вѣтеръ, задувъ изъ переходовъ въ сѣни, затворилъ паки дверь, чрезъ что избавился я отъ сего труда. Того ради пошелъ я налѣво за отгородку, гдѣ пишу, сидя на черномъ, волосяномъ, треножномъ креслѣ, подлѣ окна, откуда теперь вижу пестраго пѣтуха, который, бодро и отмѣнно высоко подымая ноги и разиня ротъ, поетъ кукуреку. Сіе привело мнѣ на память желаніе дѣдушки моего, чтобъ кто ни на есть, и чистосердечно, написалъ одинъ день, съ утра до вечера, свои мнѣнія и поступки; онъ надѣется отъ того нѣкотораго исправленія нравовъ, какъ то: убавленія высокомѣрія высокомѣрныхъ, гордости гордыхъ, и проч. и проч. и проч. Я сѣлъ и взялъ листъ полубѣлой бумаги, положилъ передъ собою и, обмакнувъ перо въ желтобурыя чернила, написалъ сіе, выполняя чрезъ то часть желанія прародителя. Часы адмиралтейскіе бьютъ (слава Богу, что въ послѣдній пожаръ не сгорѣли; еслибы сгорѣли, сей строкѣ не быть бы написанной), часы бьютъ семь часовъ. Что, бишь, вчерась я думалъ написать? Нѣчто хорошо было. Не знаю, въ которомъ ящикѣ памяти моей отыскать теперь; вотъ уже критики скажутъ, что у памяти ящиковъ нѣтъ. Чего не критикуютъ! И пѣтухъ мой пестрый и кукуреку его не уйдетъ отъ нихъ. Пусть его критикуютъ; онъ для того тутъ и приведенъ, чтобы его ощипали. Скучны только грамматическіе критики на И, на Ы, на Я, на Е, на ОЙ, наипаче намъ, неграмотнымъ людямъ. Сомнительно, сомнительно, чтобъ многіе такія критики читали. Признаюсь, что, раскрывъ вторую часть Собесѣдника и отыскавъ Были и Небылицы, оныя прочелъ въ угодность самолюбію, какъ водится, хотя почти оныя наизусть знаю, а грамматикальныя поправки я не читалъ, и отнюдь ими не исправленъ. Надѣяться можно, что наши грѣшные падежи никому вреда не нанесутъ. Дѣдушка мой говоритъ, будто бы онъ во всякомъ писаніи ищетъ не И, не Ы, не Я, не Е, не ЫЙ, не ОЙ, но полномыслія и густомыслія, которыхъ онъ болѣе любитъ, нежели плодородіе словъ, безъ пол-

помыслія и густомыслія. Что онъ называетъ полномысліемъ и густомысліемъ, я позабылъ у него спросить, но при первомъ свиданіи не пропущу о томъ освѣдомиться. Вообще дѣдушка мой имѣетъ и употребляетъ израженія, кои трудно разумѣть. Вопросы же не всегда за благо пріемлетъ, и отвѣтствуетъ коротко: „Я самъ себя разумѣю, а вы старайтесь понимать, что я говорю.“

Пока моего пестраго пѣтуха щиплютъ, я впалъ въ глубокія размышленія и говорилъ самъ себѣ: „Свѣтъ мой! (такъ я всегда себя называю, когда самъ съ собою говорю, а къ тому имѣю я нѣкоторыя сокровенныя причины, кои современемъ, можетъ быть, изъясню) пишешь ты много, не учась ни чему, и не зная ниже правилъ Грамматики; страницъ двадцать твоего сочиненія уже напечатано въ Собесѣдникѣ, исключая то, что не тобою прибавлено“. — Сіи слова были увѣщательныя, я ихъ принялъ съ терпѣніемъ. За симъ слѣдовали вопросные пункты, кои очистить слѣдовало. Первый былъ: для чего ты такъ трудишься? Тутъ отвѣтъ на начальныя слова опоздалъ, а отвѣтъ на послѣднее слово поспѣлъ прежде. Я молвилъ сквозь зубы, съ малымъ наклоненіемъ головы: труда нѣтъ. А какъ дошло до *для чего?* тогда во мнѣ разныя чувства стали тѣсниться, какъ будто у воротъ: ни одно изъ нихъ не упреждало другое, построились фрунтомъ, и нѣкто изъ нихъ, какъ молнія, проскакалъ мимо всѣхъ, дабы рядовые не выпучились, и волненія нигдѣ не примѣтно было. Между тѣмъ остался вопросъ: для чего?— безъ отвѣта; авось либо объяснится лучше впредь, и для того поступилъ я съ собою до втораго отвѣта, спрося не строго: чего ты ожидаешь отъ того, свѣтъ мой? По совѣсти сказать, барыша я не ожидаю и за барышемъ не гоняюсь. Поправленія чего-нибудь? Охъ, нѣтъ! все пойдетъ по старому. Не моему перу перемѣнять что ни на есть въ естествѣ. Для чего же ты пишешь? Въ забаву себѣ, что ли? Такъ, такъ,

сударь, такъ, такъ. Симъ „такомъ" не трусишь ли? Нѣтъ, сударь. Кто же тѣ, кои при первомъ вопросѣ тѣснились у воротъ? Кто проскакалъ мимо фрунта, чтобы рядовые не выдались? Какъ ихъ зовутъ? Всякая вещь имѣетъ свое названіе. Охъ, сударь! Какъ четыре вопроса разомъ очистить! У воротъ тѣснился цѣлый полкъ разныхъ движеній; напримѣръ: я не могу видѣть чистаго пера, чтобъ не пришла мнѣ охота обмакнуть оное въ чернила; буде же еще къ тому лежитъ на столѣ бумага, то, конечно, рука моя очутится съ перомъ на той бумагѣ. Начавъ же, не знаю я никогда, что напишу, а какъ рукою поведу я по бумагѣ, то мысль сматывается, какъ нитка съ клубка; но какъ пряжа не всегда ровна, то попадается и потолще и потонѣе, а иногда и узелокъ или что-нибудь и совсѣмъ не принадлежащее къ пряжѣ, ниткѣ и къ клубку, но совсѣмъ постороннее, и къ другимъ вещамъ слѣдующее. Вы сами, сударь, видите, сколько времени и бумаги занимаетъ подобное описаніе; неужели еще цѣлый полкъ движеній поименно описывать?—Хорошо; а кто проскакалъ? ну, сударь, ну, ну! всѣмъ знакомый, большимъ, среднимъ, меньшимъ, толстымъ, тонкимъ, имущимъ, неимущимъ, счастливымъ, несчастливымъ, однимъ словомъ, тотъ, безъ кого никто не живетъ. Кто же таковъ? — Маіоръ. — Какъ его зовутъ? —Прозваніе его С : М : Л : Б : Е.

NB. Для закрытія выпущены буквы: одно А, одно О, одно Ю и одно I. Тотъ, кому сей болѣе знакомъ, безъ труда и скоро узнаетъ.

Продолженіе, можетъ быть, впредь будетъ.

Къ издателю или издательницѣ

БЫЛЕЙ И НЕБЫЛИЦЪ.

Господинъ, или госпожа издательница Былей и Небылицъ! напрасно изволите думать, что въ описаніяхъ вашихъ закрытые лики остаются сокрытыми. Я и моя семья знаемъ и угадываемъ, кто они таковы; да и не мы одни столько до-

гадливы: знакомые намъ тоже угадываютъ. Я сіе вамъ сообщаю для осторожности вашей, ибо на васъ многіе сердятся; пребывая вамъ

всепокорнѣйшій слуга

Петръ Угадаевъ.

Господину Петру Угадаеву

всенижайшій отвѣтъ.

Буде вы и семья ваша между знакомыми вашими нашли сходство съ предложенными описаніями въ Быляхъ и Небылицахъ, то сіе доказываетъ, что Были и Небылицы вытащены изъ обширнаго моря ЕСТЕСТВА. Хотя не имѣю чести знать ни васъ, ни семьи, ниже знакомцевъ вашихъ, но какъ они, равномѣрно какъ и всѣ, плаваютъ въ той же стихіи, то, статься можетъ, что попались нѣкоторые изъ васъ невзарокомъ въ рукавъ. Были и Небылицы наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится, но люди тутъ безъ имени, а описывается умоположеніе человѣческое; до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ. Буде же Карпъ, или Сидоръ сердится и желаетъ быть описанъ лучше, пусть пришлетъ описаніе своей особы: слово отъ слова внесемъ въ Были и Небылицы съ прописаніемъ имени, полуимени, три четверти имени, или съ начальною только буквою, или и безъ имени, какъ кто пожелаетъ; пребывая, и проч.

Сочинитель Былей и Небылицъ, разсмотрѣвъ присланные вопросы отъ неизвѣстнаго, на оные сочинилъ отвѣты, кои совокупно здѣсь прилагаются [1]).

---

[1]) Вопросы, помѣщенные на слѣд. стр., присланы были, какъ извѣстно, Фонвизинымъ въ редакцію „Собесѣдника". Отвѣты-же на нихъ написаны императрицей.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ.

Вопросы.	Отвѣты.
1. Отчего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія?	На 1. У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что̀ ему не нравится, или непонятно.
2. Отчего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?	На 2. Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ.
3. Отчего всѣ въ долгахъ?	На 3. Оттого въ долгахъ, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.
4. Если дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверзто поле для всякаго гражданина, отчего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики, или откупщики?	На 4. Одни, бывъ богатѣе другихъ, имѣютъ случай оказать какую ни на есть такую заслугу, по которой получаютъ отличіе.
5. Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній Правительства?	На 5. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было.
6. Отчего, не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ перевелись общества между благородными?	На 6. Отъ размножившихся клубовъ.

7. Отчего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобъ поскорѣй сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобъ поскорѣе сдѣлать ихъ, не служа, гвардіи унтеръ-офицерами?

На 7. Одно легче другого.

8. Отчего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?

На 8. Оттого, что говорятъ небылицу.

9. Отчего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?

На 9. Оттого, что на судѣ не изобличены.

10. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

На 10. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

11. Отчего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ, по большей части, къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?

На 11. Оттого, что всякій любитъ и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя и особенныя добродѣтели.

12. Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

На 12. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

13. Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства?

На 13. Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними пока-

Какимъ образомъ выгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобъ почтенное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?

жетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали. Самая наружность, походка, и проч. то уже оказываютъ.

14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что̀ бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе?

На 14. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время, родъ человѣческій совершеннымъ не родится. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ.

15. Отчего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почитавшіеся тамо умными людьми, у насъ почитаются дураками, и наоборотъ: отчего здѣшніе умницы въ чужихъ краяхъ часто дураки?

На 15. Оттого, что вкусы разные и что всякій народъ имѣетъ свой смыслъ.

16. Гордость большей части бояръ гдѣ обитаетъ: въ душѣ, или въ головѣ?

На 16. Тамо же, гдѣ нерѣшимость.

17. Отчего въ Европѣ весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать

На 17. Оттого, что тамо, учась слогу, одинако пишутъ; у насъ же всякъ мысли свои,

письмо вразумительное, и отчего у насъ часто преострые люди пишутъ такъ безтолково? | не учась, на бумагу кладетъ.

18. Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ же оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

На 18. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

19. Какъ истребить два сопротивые и оба вреднѣйшіе предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?

На 19. Временемъ и знаніемъ.

20. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

На 20. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

Получа первую и вторую часть Собесѣдника, дѣдушка мой говорилъ, что, по его великой охотѣ къ чтенію, онъ бы всѣ книги прочелъ, если бы не опасался иногда найти въ нихъ что-либо скучное; что смолоду онъ всякую книгу, хорошо переплетенную, встрѣчалъ съ радостью; но, читая, часто приходило ему на мысль выдирать изъ книгъ скучные, по мнѣнію его, листы, отчего бы родилась у него предорогая лоскутная Вивліоѳика, которую раздѣлить онъ намѣренъ былъ на двѣ части, съ надписью на первой: Нескучное, на другой: Скучное. Любопытенъ я знать, въ которомъ

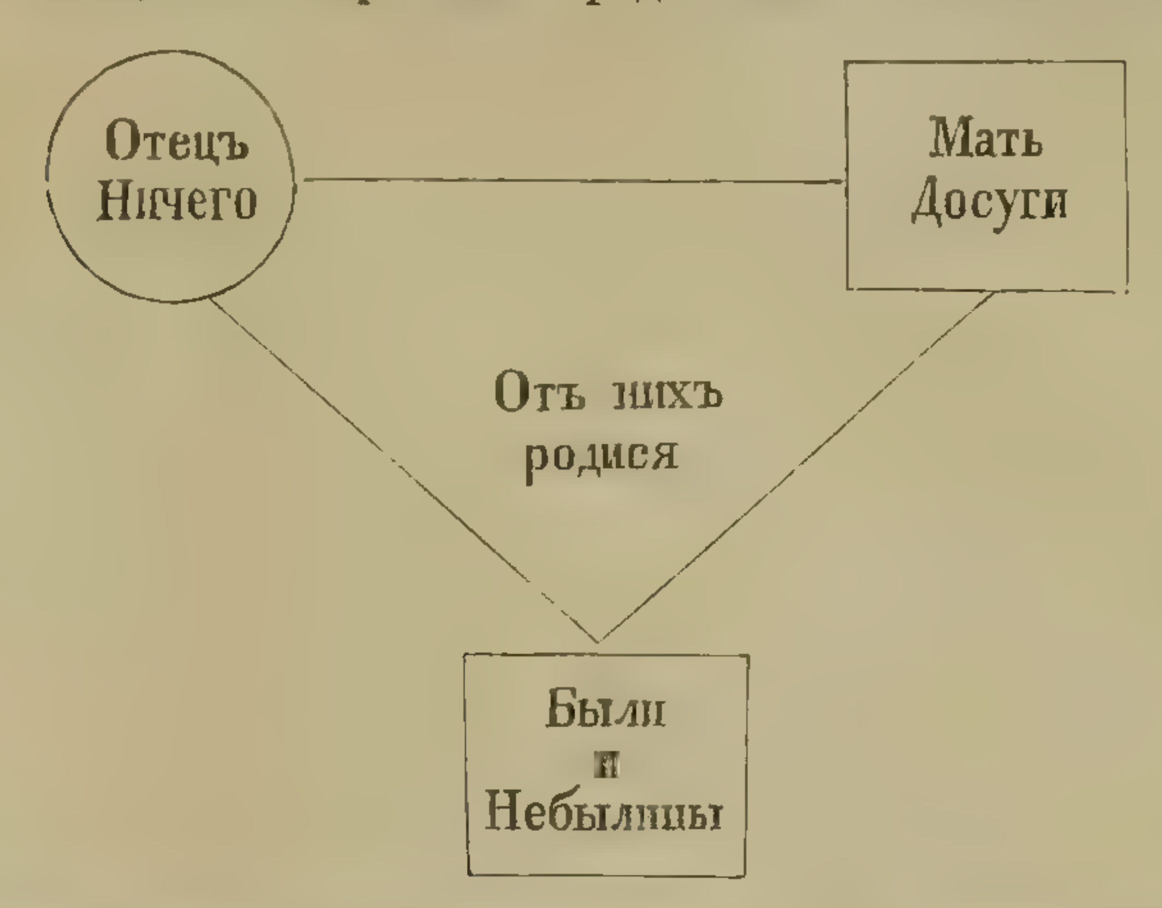
изъ сихъ двухъ отдѣленій Были и Небылицы удостоились бы помѣщены быть? Буде дѣдушка, прочтя, зѣвнетъ, или глаза потретъ, то судьба моя рѣшена, хотя онѣ находятся напечатаны посреди стихотворенія подъ нумеромъ 20, только девятью нумерами ниже Записокъ касательно Россійской Исторіи. Дѣдушка мой такой человѣкъ, что на то не посмотритъ; онъ говоритъ, что прекрасно писанное, полезное, нравоучительное, однимъ словомъ: преумное, теряетъ цѣну, буде лишено пріятства. Онъ требуетъ, чтобы у понятія во всякомъ сочиненіи украдено было все то, что ему скуку приключить можетъ, а прибавлено бы было всего того, что оную можетъ убавить. Я прямо не знаю, чего онъ хочетъ, а подозрѣваю, что онъ и самъ не знаетъ; отъ меня же чаятельно никто не потребуетъ, чтобы я извинялъ чужое чувствованіе; буде же кто подобное желаніе и покажетъ, то прошу быть увѣрену, что я всепокорный его слуга, и сказавъ сіе, возвращаюсь въ свою нору.

—

Объявленіе.

Были и Небылицы писать я не подрядился, ни съ кѣмъ переторжки въ томъ не имѣлъ, и когда началъ писать, право не зналъ, что-то̀ будутъ слыть Были и Небылицы. Но вотъ какъ рѣдкое сіе твореніе свѣту извѣстно сдѣлалось: написавъ нѣсколько страницъ, началъ я придумывать заглавіе, или, лучше сказать, какъ всякая вещь имѣетъ свое имя, то какъ назвать и новорожденное дитя. Тутъ, какъ молнія, выскочило изъ моего пера громкое названіе: Были и Небылицы. Съ симъ вымысломъ я самъ себя не однождны поздравлялъ, и могу увѣрить, что весьма покойно, легко и забавно писать подъ заглавіемъ Были и Небылицы все, что въ голову придетъ. Каково читать, до того (какъ всякъ разсудить можетъ) мнѣ дѣла нѣтъ, но дѣло единственно читателя: пусть читаетъ, буде хочетъ, или не читаетъ, буде не хочетъ, я ни о чемъ не спорю, а между тѣмъ Собесѣдникъ наполняется.

Изъ вышеписаннаго ясно видно происхожденіе Былей и Небылицъ; но дабы яснѣе было, за благо разсудилъ я, а никто иной, здѣсь приписать родословіе Былей и Небылицъ.

за которыя сватаются попремѣнно двое: первый древняго города Скуки, второй скрываетъ свое имя: говоритъ изъ ненависти къ первому: „Называйте, какъ хотите, лишь бы не слыть скучнымъ".

—

Дѣдушка мой, на сихъ дняхъ читая въ Собесѣдникѣ вопросы Неизвѣстнаго и отвѣты на оные сочинителя Былей и Небылицъ, закрылъ книгу, потомъ глаза, наклонилъ голову на грудь и былъ нѣсколько времени безъ всякаго движенія. Окружающіе его (мы, внучата его, родные и двоюродные, съ полдесятка) подумали, что, по своему обыкновенію, дѣдушка нашъ заснулъ, потому что отобѣдалъ; стали говорить въ полголоса и ходить на цыпочкахъ; но когда онъ благосклонно промолвилъ: „Что вы, щенята, перестали балагурить?" тогда узнали мы, что онъ только задумался; а какъ за симъ обыкновенно послѣдуетъ какое ни на есть достопамятное изреченіе, или мысль, то приблизились мы къ нему, дабы что-нибудь изловить... но не муху... Не долго остава-

лись мы въ ожиданіи; дѣдушка, выпрямясь на своемъ кожаномъ креслѣ, сказалъ: „Молокососы! не знаете вы, что я „знаю. Въ наши времена никто не любилъ вопросовъ, ибо „съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятель- „ства; намъ подобные обороты кажутся неумѣстны; шуточные „отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка; тогда „каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ. Смотрите „сами, какъ должно изъ того выпутываться; дѣло сіе не „мое, и я въ чужія хлопоты не мѣшаюсь; вамъ же совѣтую, „если задачи свѣту задавать хотите, искать оныхъ въ моемъ „любимомъ ларцѣ; онъ неисчерпаемъ: напримѣръ — прямая „академическая задача: Коей причины ради носъ въ длину, „а ротъ поперекъ, а не инако; или для чего руки, ноги, „крылья у животныхъ попарно, а не поодиночкѣ? Подобные „вопросы подадутъ случаи къ испытанію мало извѣстнаго, и „къ заключеніямъ глубокоизысканнымъ; иные будутъ пра- „вильные, иные неправильные, какъ между людьми водится. „Уму человѣческому, во всякомъ случаѣ, предлежитъ много „дорогъ разныхъ, прямыхъ и съ излучинами; дѣло въ томъ, „чтобъ не сбиться, а дойти."

—

Другъ мой И И И, который болѣе плачетъ, нежели смѣется, слегка сердится, сталъ со мною молчаливъ и скроменъ. А какъ онъ не говоритъ, то трудно и добраться, что тому причиною; но мы, сочинители, все знаемъ.

Свѣту уже извѣстный маіоръ С. М. Л. Б. Е много въ томъ способствуетъ, ибо подчиненнымъ рѣдко дозволяетъ говорить: не знаю.

Примѣчаніе.

Читатель, я чаю, знаетъ, что Были и Небылицы не растутъ на полѣ и что выгоны не ими засѣяны; но имѣютъ складчика. Съ позволенія сказать, и складчикъ тотъ въ числѣ сочинителей. Сіе не трогаетъ никого, право, а въ противномъ случаѣ, опасаюсь ссоры съ маіоромъ, который

не всегда гибокъ. Но полно о семъ говорить; пора говорить о моей догадкѣ.

Я подозрѣваю, что другъ мой И И П, который больше плачетъ, нежели смѣется, нынѣ слегка сердится за то, что я его задѣлъ крыломъ ненарочно. Онъ смертельно влюбленъ въ вопросы; паппаче первый ему чрезвычайно понравился по своей, говоритъ онъ, блистательной ясности. Впрямъ, говоритъ онъ (не мнѣ, но искреннимъ своимъ), что отвѣтствовать можно на такой убѣдительный вопросъ: — „Отчего „у насъ сильно спорятъ въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ не „встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія?“ Когда жъ усмотрѣлъ отвѣтъ: „У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что „ему не нравится или непонятно“, тогда онъ нахмурился и сталъ такъ пасмуренъ, какъ будто между солнцемъ и имъ проходящее тѣло покрыло его мракомъ; свободоязычіе отпряглось изъ одноколки, на которой скакало на двадцати вопросной станціи, видя пыль, вертящуюся около роспусковъ съ отвѣтами.

Другъ мой А А А, который болѣе смѣется, нежели плачетъ, принялъ вопросы и отвѣты съ улыбкой, и прочелъ тѣ и другіе прилежно. Первые уподобилъ сборной ухѣ, а вторые свѣжепросольнымъ огурцамъ. Я понять не могъ, что за сравненіе; но вскорѣ потомъ узналъ, что онъ въ тотъ день не обѣдалъ до девятаго часа вечера, и для того, какъ у голоднаго, кушанье у него было на умѣ. Спрошу у дѣдушки: неужели и въ сравненіи человѣкъ влеченъ бываетъ внутренними или наружными движеніями, или происхожденіями какими, столько же, какъ и наружнымъ воздухомъ?

—

Дѣдушка, по причинѣ сырой погоды, на сихъ дняхъ былъ въ ворчаливомъ духѣ, по собственному его примѣчанію, ходилъ взадъ и впередъ по горницѣ, прикашливая, сначала изрѣдка, потомъ почаще.

NB. Сей кашель есть ему обычайный.

Примѣчаніе.

Сіе пишу, дабы читатель не имѣлъ опасенія о его здоровьѣ.

Дѣдушка, хотя и прикашливая, твердилъ непрестанно межъ зубовъ повторенный 14 вопросъ, который напечатанъ на 165 страницѣ Собесѣдника, части третьей, подобно сему: Хемъ хемъ.

NВ. Хемъ хемъ изображаетъ дѣдушкинъ кашель.

Хемъ хемъ, отчего—хемъ хемъ, въ прежнія времена—хемъ хемъ, шуты—хемъ хемъ, шпыни, хемъ хемъ, и балагуры, — хемъ хемъ, чиновъ не имѣли — хемъ хемъ хемъ, а нынѣ имѣютъ, хемъ—хемъ хемъ хемъ, и весьма большіе... Тутъ дѣдушка умножилъ хемъ хемы такъ, что число оныхъ безъ ошибки на бумагу положить нельзя. Хотя дѣдушка сильно кашлялъ, но, бывъ весьма занятъ вопросомъ, не забылъ оный. Отдохнувъ нѣсколько, началъ разбирать подробно члены его, и говорилъ: отчего? . . . отчего? . . . Ясно, оттого, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ..... хемъ хемъ хемъ, опасенія. О! прежнія времена! Сію строку кончили паки множество хемъ хемовъ. За сими слѣдовало въ очередь: Шуты, (дѣдушка всѣхъ сихъ по именамъ знаетъ, начиная съ древнихъ, отличившихся и отличенныхъ во всѣхъ пяти эпохахъ нашей исторіи)...

NВ. Отецъ его при домѣ Князя Цезаря съ ребячества находился, и въономъ, вмѣстѣ съ сыномъ Князя Өедора Юрьевича Ромодановскаго, сказываютъ, будто воспитанъ былъ, гдѣ случаи имѣлъ много о старинѣ слышать; онъ помнилъ маскарадъ, гдѣ Бахусъ, сидящій на бочкѣ, въ провожаніи семидесяти кардиналовъ, переѣхалъ чрезъ Неву; зналъ также пансустъ похожденіе неусыпаемой обители. Дѣдушка часто и много самъ разсказываетъ о свадьбѣ въ ледовомъ домѣ и о присутствовавшихъ при оной, и какъ весна свистала; все сіе безъ хемъ хема никогда не говорится, понеже у дѣдушки много мокроты на груди, которую не

всегда свободно откашливаетъ. Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, тогда разворчался необычайно и крупно, говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ, въ шпынствѣ есть острота; за то, продолжалъ онъ, что человѣкъ остро что скажетъ, вѣдь не лишить его выгодъ тѣхъ, кои въ обществѣ даются, въ обществѣ живущимъ, или обществу служащимъ. Всѣ сіи, также, какъ и первыя произнесенія, перемѣшаны были хемъ хемами; потомъ дѣло дошло до балагуровъ, кои, по сказкамъ дѣдушкинымъ, бываютъ не скучны, когда къ словоохотію присоединяютъ природный умъ, или знаніе пріобрѣтеннаго смысла, либо знаніе старины, или что ни есть подобное, а скучны лишь, говоритъ прародитель, Мареміаны плачущія, и о всемъ мірѣ косо и криво пекущіяся, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышенъ уже духъ скрытой зависти противъ ближняго. Дѣдушка, разгорячась, молвилъ: зависть есть свойственникъ ненависти, и для того онъ намъ совѣтовалъ отъ оной удержаться и пороку сему не давать воли. Здѣсь дѣдушка мой такъ закашлялся, что принужденъ былъ выпить большой стаканъ чистой воды, которая уняла кашель, равномѣрно и жаръ, съ коимъ велъ разговоръ сей.

—

ЛИСТЪ.

Переписи острова Тихоморе, на правой сторонѣ отъ твердой земли.

Совсѣмъ глупыхъ	15
Полоумныхъ, въ томъ числѣ вѣтреныхъ, упрямыхъ и тому подобныхъ	500
Умныхъ	8
Мужей, любящихъ женъ своихъ	4
Женъ, любящихъ мужей своихъ	4
Мужей, ушедшихъ отъ женъ	26
Женъ, ушедшихъ отъ мужей	18
Полюбовно разошедшихся	10

Судомъ разведенныхъ 6
Лгуновъ 17
Хвастуновъ 26
Промотавшихся 450
Порядочно живущихъ 39

Прочее отодрано, такъ что разобрать нельзя.

—

Дѣдушка мой часто разгорячится, самъ не знаетъ для чего, или паче въ сырую погоду. На сихъ дняхъ попалася ему, во время сильнаго тумана, которымъ вся Европа и Азія, сказываютъ, обезпокоена была, третья книга Собесѣдника; онъ, раскрывъ ее не вовсе, прочелъ по середкѣ нѣсколько строкъ, кинулъ объ землю сію правоучительную книгу, служащую къ очищенію языка, исправленію вкуса и иныхъ добродѣтелей, и съ великимъ сердцемъ сказалъ: терпѣть не могу! Отставной драгунскій офицеръ, тутъ случившійся, осмѣлился спросить: чего терпѣть не можетъ? Но дѣдушка еще громогласнѣе рекъ: Охъ! никакъ не могу терпѣть! ...... и паки остановился. Видя, что онъ, вмѣсто трехъ первыхъ словъ, въ отвѣтъ произнесъ цѣлыхъ пять, слѣдовательно двѣ трети болѣе, любопытство принудило меня приступить къ нему, требуя со всякою покорностью точнаго изъясненія: чего терпѣть не можетъ? Тутъ онъ оставилъ отставнаго драгунскаго офицера у окна, откуда сей прельщался на гнѣдаго мерина, который на лугу траву ѣлъ, взялъ меня за руку, отвелъ въ уголъ и сказалъ: „Тотъ „не смыслитъ, а тебѣ скажу“. Я поклонился. „Терпѣть я „не могу, продолжалъ онъ, того, что, писавъ по-русски, „кто думалъ на иностранномъ языкѣ; ибо, читая по-русски „мысли и обороты иностраннаго языка, намъ, Русакамъ, ка-„жется сунбуръ несносный. Сіе мнѣ привело на память, ска-„залъ дѣдушка, косыхъ красавицъ, коихъ я смолоду ни-„когда не любилъ и которыхъ, по двойномъ взглядѣ, я су-„дилъ быть двуязычными“.

ПРОДОЛЖЕНІЕ
БЫЛЕЙ И НЕБЫЛИЦЪ.

—

Прародитель мой имѣетъ друга, котораго онъ любитъ и почитаетъ, понеже давно знакомы. Сей человѣкъ любитъ читать книги; читая же, со всякимъ сочинителемъ завсегда соглашается; прочтя, мало помнитъ, что въ книгѣ написано. Не единожды давали ему, спустя мѣсяцъ, паки ту же книгу читать, и онъ, не узнавъ ее, жаловался, что всѣ книги нынѣ между собою сходствуютъ. Сверхъ того, онъ мысли и понятіе о вещахъ, кои сорокъ лѣтъ назадъ имѣлъ, и теперь тѣ же имѣетъ, хотя вещи въ существѣ весьма перемѣнились. Напримѣръ: онъ не ѣдетъ жить въ деревню, боясь разбойниковъ по большой дорогѣ, и о бывшихъ говоритъ, какъ будто нынѣ состоялись. Понынѣ еще жалуется на несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ однако ужъ нигдѣ нѣтъ; жалуется на внутреннія пошлины по городамъ, какъ притѣсняющія торги, хотя сняты съ 1753 года. Въ свое время сей человѣкъ слылъ смышленымъ и знающимъ; но, какъ нынѣ вещи перемѣнились и смыслъ распространился, а его понятіе отстало, онъ же къ тому понятію привыкъ и далѣе не пошелъ, то о настоящемъ говоритъ онъ, какъ говаривалъ сорокъ лѣтъ назадъ о тогдашнемъ; сколько же сіе не складно, онъ объ этомъ не мыслитъ; а какъ онъ, весьма твердъ и упрямъ, то ни чѣмъ и ни какъ инако его говорить не заставишь; онъ и нынѣ Вотчинную и Юстицъ-коллегіи приплетаетъ ко всякимъ спорамъ, тяжбамъ и ябедамъ, Мануфактуръ-коллегію къ фабрикамъ, Камеръ-коллегію къ доходамъ: понятіе же его о военномъ дѣлѣ особеннаго бы листа требовало.

—

Задача.

Прародитель мой говоритъ, будто онъ знаетъ человѣка умнаго, но не молодого, который любитъ установленный

единожды вещамъ порядокъ, и оный всячески защищаетъ, доньдеже до него самого не коснется; а тогда ищетъ уже избѣгнуть, употребляя даже до ябеды. Желается знать, что тому причиною?

—

Записная книжка сестры моей двоюродной мѣсяца іюля, 1 седьмицы, 1783 года.

Первая страница содержитъ имена тѣхъ, коихъ посѣтить намѣреніе имѣетъ, также лавочниковъ, разносчиковъ, продающихъ женскіе уборы. За симъ слѣдуетъ:

Вторникъ. — Я встала съ постели въ первомъ часу пополудни.

NB. Я встала такъ рано для того, что легла рано: лишь три часа было за полночь.

NB. Мужъ на своей половинѣ. У насъ, въ Парижѣ, всякъ живетъ про себя.

Парикмахеръ чесалъ мнѣ сегодня волосы такъ порядочно, что я принуждена была болѣе часа растрепываться, чтобы въ люди было можно показаться.

Отобѣдала въ 5 часу.

Скучно въ Петербургѣ лѣтомъ: день и ночь равно свѣтлы. Я принуждена сидѣть съ опущенными занавѣсами. Солнечные лучи неблагородно видѣть.

Въ комедію я поѣхала, хотѣла видѣть К...

Я подозрѣваю, что онъ глазѣетъ на А.

Въ саду его не было.

Случайно свѣдала я, что онъ весь день игралъ въ вискъ у З....

А... сегодня дурно одѣта была; она похожа на шефирку. За ужиномъ меня уморить хотѣли, потчивали котлетами.

Среда. — Сегодня мнѣ удачи ни въ чемъ нѣтъ оттого, что лѣвой ногой съ постели встала, да и кошку во снѣ видѣла.

Ѣздила на Биржу товаровъ покупать; но ничего не нашла

по моему вкусу, а что и нашла, того въ долгъ отдать не хотѣли.

NB. Мнѣ на сихъ дняхъ необходимо надобно сказаться больною: мужъ денегъ не даетъ; сердечный мой не догадывается, что кошелекъ мой пустъ.

К... поѣхалъ утокъ стрѣлять, авось-либо увижу его за городомъ. Не знаю, для чего за нимъ вездѣ бѣгаю; онъ хорошъ, но право глупъ.

Пріѣзжала ко М...... Ужасно, какъ она скучна: непрестанно говоритъ о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи.

Ѣздила къ Д.... кого тамъ ни наѣхала, всѣ до крайности несносны.

Четвергъ. — Я четвергъ люблю паче другихъ дней, сама не знаю за что.

Ахти! съ недѣлю я у батюшки не была. Заѣхать было къ Ф.... помнится, что по дорогѣ, лишь бы не встрѣтить похоронъ. Смѣшно, право! сегодня портной, башмачникъ и разносчикъ за долгомъ приходили; я велѣла сказать, что меня дома нѣтъ.

NB. Третій день какъ К..... не встрѣчаю. Я домой пріѣхала не весела.

Пятница. — Сегодня изъ комедіи на балъ. М.... влюбленъ въ С..... Какая это смѣшная тварь, а шляпу однакожъ къ лицу надѣваетъ.

З....... любится съ Г..... Онъ легокъ, а она дунь-полети.

Суббота. — Дома гостей имѣла.

Л...... не пріѣзжалъ, я для него нарядилась и всѣхъ дѣвокъ перебранила: ни одна угодить не умѣла.

NB. Сказываютъ, что П.. .. изъ окошка опустила наниткѣ бумажку, а Ф....., шедши мимо, бумажку отвязалъ.

П.... ушла отъ отца черезъ заборъ, а Н... отъ мужа.

Воскресенье. — Б.... пріѣхала въ половину службы. Всѣ обратились, какъ вошла.

NB. Впредь надобно стараться позже пріѣзжать.

Понедѣльникъ. — Я встала весела и писать не буду.

—

Къ Г. сочинителю Былей и Небылицъ отъ сочинителя вопросовъ [1]).

По отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно, и для того покорно васъ прошу принять здѣсь мое объясненіе.

Въ разсужденіи вопроса о нечувственности къ достоинству благороднаго званія, позвольте мнѣ сказать вамъ, государь мой, что разумъ онаго совсѣмъ другой, нежели въ какомъ, повидимому, вы его принимаете. Если вы мой согражданинъ, то кто бы вы ни были, можете быть увѣрены, что я ни вамъ и ни кому изъ моихъ согражданъ не уступлю въ душевномъ чувствованіи всѣхъ неисчетныхъ благъ, которыя, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ, изливаются на благородное общество. Надобно быть извергу, чтобъ не признавать, какое ободреніе душамъ подается. Мой вопросъ точно отъ того и произошелъ, что я пораженъ былъ тою нечувственностью, которую къ сему самому ободренію изъявляютъ многіе злонравные и невоспитанные члены сего почтеннаго общества. Мнѣ случилось по своей землѣ поѣздить. Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ, или паче занимаютъ мѣста въ службѣ, для того только, что ѣздятъ на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ: я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я дворянинъ, и вотъ что растерзало мое сердце; вотъ что подвигло меня сдѣлать сей вопросъ. Легко станется, что я не умѣлъ положить его на бумагу, какъ думалъ, но я думалъ честно, и имѣю сердце, пронзенное благодарностью и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщія нашея Благотворительницы. Ласкаюсь,

---

[1]) Дениса Ивановича Фонвизина.

что всѣ тѣ честные люди, отъ коихъ имѣю счастіе быть знаемъ, отдадутъ мнѣ справедливость, что перо мое никогда не было и не будетъ омочено ни ядомъ лести, ни желчью злобы.

Вседушевно благодарю васъ за отвѣтъ на мой вопросъ: „отчего тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній „Правительства"? Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно, съ душевною благодарностью, десницу правосуднѣйшія и премудрыя Монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ то же время и тѣмъ же самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Она и въ семъ случаѣ слѣдуетъ своему всегдашнему обычаю; ибо разсѣчь однимъ разомъ камень претыканія и вдругъ источить изъ него два цѣлебные потока, есть образъ чудодѣйствія, ЕКАТЕРИНѢ II весьма обычайный. Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная хвала праведнымъ судьямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ. О, еслибъ я имѣлъ талантъ вашъ, Г. сочинитель Былей и Небылицъ! съ радостью начерталъ бы я портретъ судьи, который, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь, и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни, объявленныя во всенародное извѣстіе. Еслибъ я имѣлъ перо ваше, съ какою бы живостью изобразилъ я, какъ пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки, какъ, при чтеніи каждой строки, языкъ его нѣмѣетъ и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу,

можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія. Вотъ, г. сочинитель Былей и Небылицъ, вотъ портретъ, достойный забавной, но сильной вашей кисти.

Чрезъ вопросъ: „отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего“? разумѣлъ я, отчего празднымъ людямъ не стыдно быть праздными?

Статьею о шпыняхъ и балагурахъ хотѣлъ я показать только несообразность балагурства съ большимъ чиномъ. Вы, можетъ быть, спросите меня, для чего же вопроса моего не умѣлъ я такъ написать, какъ теперь говорю. На сіе буду вамъ отвѣчать вашимъ же отвѣтомъ на мой вопросъ, хотя совсѣмъ другого рода: „Для того, что вездѣ, „во всякой землѣ и во всякое время, родъ человѣческій со„вершеннымъ не родится“.

Признаюсь, что благоразумные ваши отвѣты убѣдили меня внутренне, что я самаго добраго намѣренія исполнить не умѣлъ, и что не могъ я дать моимъ вопросамъ приличнаго оборота. Сіе внутреннее мое убѣжденіе рѣшило меня заготовленные еще вопросы отмѣнить, не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняему въ свободоязычіи, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобъ не подать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію, котораго всей душею ненавижу.

Видя, что вы, государь мой, въ числѣ издателей Собесѣдника, покорно прошу помѣстить въ него сіе письмо. Напечатаніе онаго будетъ для меня весьма лестнымъ знакомъ, что вы моимъ объясненіемъ довольны. Доброе мнѣніе творца, вмѣщающаго, какъ вы, въ творенія свою пользу и забаву, въ степени возможнаго совершенства, должно быть для меня неоцѣненно; напротивъ же того, всякое ваше неудовольствіе, мною въ совѣсти моей ничѣмъ незаслуженное, если какимъ нибудь образомъ буду имѣть несчастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься.

—

Послѣ сей добровольной исповѣди, напечатанной, по собственному прошенію кающагося, сочинителю Былей и Небылицъ не остается что-либо сказать, тѣмъ паче, что онъ въ душѣ своей увѣренъ, что сей поступокъ господина сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ, достойнымъ похвалы православнаго христіанина, по которому за грѣхомъ вскорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе; но въ семъ случаѣ разрѣшеніе зависитъ ни отъ кого иного, какъ отъ многоголовной публики; мое же дѣло тутъ постороннее.

Примѣчаніе.

Чтожъ касается до даннаго мнѣ совѣта, чтобъ я описаніе ябедника и мздоимца на себя взялъ, на то въ отвѣтъ скажу, возблагодаривъ напередъ за похвалы, въ коихъ себя нимало не узнаю: что въ Быляхъ и Небылицахъ гнусности и отвращеніе за собой влекущее не вмѣщаемы; изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ и не по вкусу Прародителя моего, либо скуку возбудить могущее, и наипаче горесть и плачъ разогрѣвающія драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло; мы и грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать!

Одна молодая дѣвушка, читая въ Быляхъ и Небылицахъ записки сестры двоюродной, тотчасъ написала слѣдующее:

Желаніе.

Авось либо впредь счастливѣе буду.

NB. Я у тетушки шестой мѣсяцъ живу.

Примѣчаніе.

Съ полгода какъ ни одинъ женихъ не сватается; хорошо, чтобъ говорили съ тетушкою въ воскресенье [1]) или въ лѣтній день [2]). Тетушка жалуется рукой, простудила руку [3]).

---

[1]) Воскресенье всѣ, въ домѣ живущіе, любятъ по причинѣ перемѣны бѣлья.

[2]) Лѣтомъ тетушка лисью шубу до полудни не покидаетъ, а послѣ шугай съ кисейной мантиліей надѣваетъ.

[3]) Мы давно ей говорили, чтобъ подъ шубу надѣвала хоть бострогъ съ рукавами.

Когда выйду за-мужъ, выбойчатыхъ платковъ и мужскихъ колпаковъ ни носить, ни покупать не буду. Я думаю, право, что у тетушки, у мамы Ѳаддеевны, у ключницы Февроньи отъ того часто болитъ голова, что ими завсегда головы свои кутаютъ.

NB. Когда я жила у матушки, тогда я была бранена, буде единъ волосокъ на лбу висящій видѣнъ былъ. Послѣ матушки, когда въ пенсіонъ отдана была, тамъ у насъ за красу и щегольство ставили, чтобъ голова казалась нечесана и волосы висѣли отвсюду, иногда и въ кушанье попадали. У тетушки бранена не будешь, хотя недѣлю не чеши и не перевяжи головы: не примѣтитъ; а что выползетъ изъ-подъ платка, безъ очковъ не увидитъ.

Сегодня тетушка новыми [1]) картами обо мнѣ загадывать будетъ.

ПИСЬМО

КЪ ГОСПОДАМЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ СОБЕСѢДНИКА, СОДЕРЖАЩЕЕ КРИТИКУ

НА БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ.

Милостивые Государи!

При читаніи каждой части Собесѣдника, я всегда покушался подвергнуть вашему изслѣдованію мнѣніе мое о сочиненіи, издаваемомъ вами подъ названіемъ Былей и Небылицъ; но веселое расположеніе, въ коемъ разумъ послѣ читанія ихъ остается, отвлекало меня отъ исправнаго разсмотрѣнія сего новаго рода сочиненія; ибо разумъ человѣческій не всегда легко переходитъ отъ забавнаго къ трудному и скучному его дѣянію въ прилежномъ изыскиваніи совершенства или недостатка какой либо вещи. Но увидѣвъ въ пятой части хвалу, приписываемую однимъ издателемъ же Собесѣдника сочинителю Былей и Небылицъ, я принужденъ былъ увеселеніе мое, обыкновенно происходящее отъ читанія оныхъ,

---

[1]) Съ старыхъ картъ, а паче съ бубенъ, пятны стерты.

покорить строгому разсудку и разсмотрѣть съ факеломъ онаго, соображается ли хвала сія съ существомъ сего въ словесныхъ наукахъ новаго явленія; и не безъ удивленія нашелъ, что господинъ издатель похваляетъ такое сочиненіе, въ которомъ мы не видимъ общихъ мѣстъ риторическихъ, служащихъ многимъ авторамъ въ ихъ твореніяхъ. Хотя то правда, что Были и Небылицы писаны такъ, какъ сочинитель похвалы говоритъ, хорошо, шутливо, пріятно; однако безъ фигуръ, употребляемыхъ всѣми витіями; неоспоримо, что повсюду блещетъ въ нихъ пріятная простота и легкость стиля; но за то лишены онѣ огромныхъ метафоръ. Проницающая въ нихъ острота разума вездѣ изыскиваетъ неудобства, и въ шутливомъ нарядѣ оныя представляетъ; вмѣсто того не находимъ мы нравоученія, которое, правда, иногда зѣвать заставляетъ, но почитается нужнымъ для наставленія человѣческаго. Веселыя въ оныхъ повѣствованія, возбуждающія въ читателѣ желаніе найти истину, скрывающуюся подъ замысловатыми разсказами, изощряютъ разумъ: однако не говорятъ въ нихъ ни птицы, ни скоты, ни другія безумныя твари. Цѣль ихъ, кажется, забавою исправлять нравы, castigat ridendo mores, за то нѣтъ въ нихъ ученыхъ и мудрыхъ разсужденій; словомъ: всѣ тонкія, острыя, иногда и глубокія мысли, разсыпанныя въ Быляхъ и Небылицахъ, ни мало не украшены слогомъ громкимъ, важнымъ и высокимъ, каковымъ, слѣдуя правиламъ риторическимъ, изъяснить ихъ долженствовало.

Но совсѣмъ тѣмъ, милостивые государи, наблюдая мою искренность, я принужденъ вамъ сказать, что Собесѣдникъ вашъ безъ Былей и Небылицъ много цѣны своей потеряетъ, и что онѣ необходимо вамъ нужны въ награжденіе скуки и дремоты, которую иногда другія сочиненія Собесѣдника причиняютъ, потому и стараніе ваше упросить господина сочинителя Былей и Небылицъ, чтобы онъ не преставалъ обогащать васъ оными, основано на благоразумной политикѣ.

*

Сіе мнѣніе предлагаю вамъ, милостивые государи, съ твердымъ намѣреніемъ послѣдовать рѣшенію, какое на оное учинить вамъ заблагоразсудится, и быть всегда съ особливымъ почтаніемъ вашимъ

покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою.

ПРОДОЛЖЕНІЕ
БЫЛЕЙ И НЕБЫЛИЦЪ.

Недавно нѣкто, находясь въ трактирѣ, видѣлъ и слышалъ слѣдующее: говорили о Собесѣдникѣ съ немалыми похвалами; въ то самое время внесъ самъ хозяинъ холодный пирогъ, на которомъ лежала пятая книга того сочиненія. Близъ дверей находился жадный чтецъ (который, знатно, что обѣдалъ), ухватился не за пирогъ, но за книгу и, отыскавъ продолженіе Былей и Небылицъ, началъ вслухъ читать. Тутъ находящіеся, каждый съ трубкою во рту, отошли отъ билліарда, коимъ они прежде занимались, и сдѣлали около чтеца кругъ. Послѣ чтенія началось разсужденіе; изъ сего воспослѣдовало преніе; иные говорили о Быляхъ и Небылицахъ съ малымъ почтеніемъ, называя оныя ничего незначущею бездѣлицею; опредѣлили впредь употребить оныя (въ пользу, однако) для раскуриванія трубокъ. Другіе почитали ихъ столбомъ, поддерживающимъ ту драгоцѣнную книгу, чрезъ которую исправляются видимымъ образомъ нравы и очищается и распространяется языкъ. Я же, осиротѣвши совершенно послѣ отъѣзда друзей моихъ и прародителя, оскудѣвъ въ мысляхъ, весьма равнодушно принимаю всякія разсужденія о моемъ твореніи, и цѣны оному никакой не приписываю. Давно бы пересталъ писать, еслибъ слѣдовалъ моей склонности: но люди знакомые, коимъ трудно отказать, уцѣпились, какъ мордашки медвѣдя за уши теребить, говорятъ: продолжай, наипаче же своеправно пиши, авось либо страницъ десять намараешь, оныхъ замѣнить бу-

детъ печѣмъ. Вотъ, любезный читатель, теперь вамъ извѣстно, какъ книги наполняются! а тамъ дивитесь, что читателей мало. Я знаю человѣка, который говоритъ, что ихъ чрезвычайно много; ибо даже до Былей и Небылицъ читаютъ, и то тогда, когда самъ писатель въ оныхъ не находитъ уже ни вкуса, ни забавы. О, дѣдушка, дѣдушка! зачѣмъ вы уѣхали! безъ васъ и на запасномъ дворѣ рыться не ловко, и соли не стало въ домѣ.

РЕЦЕПТЪ,

НАЙДЕННЫЙ НА ЗАПАСНОМЪ ДВОРѢ.

Возьмите $1\frac{1}{2}$ фунта счастія,
— $\frac{3}{4}$ несчастія, положите на право,
— 4 унціи болѣзни, и положите так, чтобъ съ вышеписаннымъ представлялся треугольникъ.
— $\frac{1}{2}$ ума
— $\frac{1}{2}$ знанія — положите такъ, чтобъ съ прочими составился четвероугольникъ.
— $\frac{3}{4}$ слабости
— $\frac{1}{2}$ добра
— $\frac{1}{3}$ людскости — положите посредѣ четвероугольника кучками.
2 фунта перенятого.

Перемѣшайте все сперва слѣва, потомъ справа налѣво хорошенько, такъ, чтобъ ни одно съ другимъ различить было невозможно. Дайте ему форму руками, какую хотите, по прошествіи нѣкотораго времени покройте лакомъ, — удивитеся сами, какую чинную китайскую куклу имѣть будете.

NB. Морщины навести можно указкою.

—

Продолженіе ничего.

Страницы полторы написаны—чего?—ничего.

Долго и пространно о семъ говорить нечего же; но многія размышленія родятся часто почти не отъ чего. Я знаю,

господинъ читатель, что почти ничего не есть ничто, и когда я говорю, что многія размышленія родятся почти отъ ничего, тогда я не говорю, что они происходятъ ни отъ чего; однако ничто привело мнѣ на память, что когда я пишу ничего, тогда я не пишу иное что, а когда пишу иное, тогда вы въономъ иногда находите шпынство тутъ, гдѣ я только клалъ на бумагу описаніе, взятое изъ естественнаго теченія умовъ или вещей. Виноватъ ли я также, что вы изыскиваете сходство? не ищите оныхъ, то и не найдете.

Господинъ читатель, каково ничего? Васъ скоро потчивать будетъ нечѣмъ. Сами на себя пеняйте.

Скукою бы васъ наказать могъ, но не хочется; она изо всѣхъ родовъ несноснѣйшая, и для того избѣгать ее всячески намѣренъ.

Пусть ее (то есть скуку) ищетъ, родитъ, несетъ, влечетъ, даетъ, наноситъ, приноситъ, кормитъ, бережетъ, сѣетъ, выкапываетъ, наговариваетъ, привозитъ, привлекаетъ, причиняетъ, питаетъ, производитъ, приключаетъ, вырапиваетъ, наворчиваетъ, напихнетъ, натолкнетъ, напуститъ, надуетъ, накашляетъ, напрѣетъ, начихаетъ, насвиститъ, наиграетъ, напляшетъ, напоетъ, накричитъ, нажурчитъ, нареветъ, навертитъ, навернетъ, привьетъ, навинтитъ, натретъ, наскоблитъ, наложитъ, нашьетъ, наболтаетъ, намотаетъ, насчитаетъ, нальетъ, налѣпитъ, налаетъ, нахрапитъ, нагрузитъ, навалитъ, напыхтитъ, наворчитъ, набранитъ, насудитъ, нагрузитъ, назѣваетъ, насулитъ, нагрозитъ, наколотитъ, накладетъ, настроитъ, наломаетъ, изобрѣтетъ или напишетъ, кто изволитъ, лишь бы вы не встрѣтили ее, читая Были и Небылицы.

—

Господинъ писатель Былей и Небылицъ!

Недавно скончался братъ мой; онъ оставилъ на попеченіе мое шестерыхъ дѣтей: три сына и трехъ дочерей; но я не знаю, какъ мнѣ съ ними быть; примѣчаю въ нихъ не-

обычайные нравы, какъ вы сами изъ слѣдующаго усмотрите. Трое изъ нихъ имѣютъ склонности, много похожія на обезьянъ; большой иного ничего не дѣлаетъ, какъ только старается перенять, что ни увидитъ, и для того цѣлый день бѣгаетъ по улицамъ и изъ дому въ домъ, двадцатью въ день голову перечесываетъ, то кудри очутятся вверхъ растаращены, то внизъ опущены, то поперекъ поставлены, то по лбу висящіе, а иногда сплететъ ихъ за уши назадъ. На сихъ дняхъ вздумалъ онъ гнушаться природнымъ своимъ языкомъ, и четыре дня мы кромѣ исковерканныхъ чужестранныхъ словъ и слоговъ не слыхали. Мы не знали съ женою, что ему сдѣлалось, наконецъ уже узнали, что заходилъ въ французскую комедію. Послѣ смерти отца своего началъ онъ мотать; множество подщипанныхъ кафтановъ себѣ нашилъ, назвалъ ихъ фраками; къ каждому жъ изъ нихъ сдѣлалъ короткіе бостроки, накупилъ себѣ разныхъ хлыстиковъ, и, что пуще всего, всякому цвѣту кафтановъ своихъ придаетъ имена, какихъ бы я при отцѣ своемъ, опасаясь оплеушины, громко назвать не смѣлъ. Когда жъ я его унимаю и браню, тогда говоритъ въ отвѣтъ: ахъ дядюшка! вы не знаете, нынѣ всѣмъ цвѣтамъ имена даны; по вашему пакостные, а по нашему они модны. Всѣ тѣ фраки, какъ онъ ихъ прозвалъ, сшилъ онъ въ долгъ, не платя ни купцу, ни портному. Я говорилъ ему, что это дурно, что изъ того добраго не выйдетъ, и что ему втрое платить достанется оттого, что въ долгъ забираетъ; но въ отвѣтъ я получилъ паки: дядюшка! вы ничего не знаете; такъ водится. На сихъ дняхъ онъ за полночь часу въ четвертомъ домой пріѣхалъ, какъ будто недобрый его растеребилъ. Я на то время всталъ, обходивъ уже дворъ, шелъ изъ конюшни, а онъ на задній дворъ, потайкомъ, взъѣхалъ и бѣжитъ, крадучись на крыльцо, и уже отъ людей его, кои ночь на дождѣ простояли, я свѣдалъ, что нелегкая его занесла въ трактиръ, гдѣ такъ промотался, что часы и отцовскую золотую табакерку оставилъ въ закладѣ, и то, чаю, для того единственно сдѣлалъ, что слы-

шалъ, что кто-то другой тоже сдѣлалъ. Но полно про сію обезьяну говорить. Средній его братъ иного совсѣмъ сложенія; тотъ цѣлый день провождаетъ на дворѣ, играетъ въ свайку, въ бабки, въ городки съ ребятами; на немъ кафтана, окромѣ за обѣдомъ, не увидишь. Не могу его пріучить, чтобы къ чему нибудь иному прилежалъ, да и не очень ловко съ нимъ говорить: вспыльчивъ, за все про все споритъ, сердится, и какъ разгорячится, со всѣми дерется; онъ же мастеръ бороться и удалой боецъ; его, не мѣшкавъ, думаю записать въ какой ни на есть полкъ, пусть служитъ; о первомъ же не знаю, что предпріять; опасаюсь, что никуды не поспѣетъ, развѣ какъ перенявъ еще болѣе шалостей, свою судьбу самъ рѣшитъ, и тѣмъ жребій свой додѣлаетъ. Сестры ихъ собою статны. Старшая изъ нихъ главнымъ попеченіемъ имѣетъ наружностью своею быть похожею на выпачканную ея служанку; почему, какъ встанетъ съ постели, такъ волосъ не причешетъ и платка не перевяжетъ.—NB, но здѣсь я моей женѣ перо уступаю.—Она сама желаетъ описать похожденіе третьягоднишняго дня.

Господинъ сочинитель Былей и Небылицъ!

Я хотѣла взять племянницу съ собою въ гости и для того велѣла ей почище одѣться; она пришла ко мнѣ напудрена, но не причесана, волосы повсюду около головы висѣли какъ у львицы, а помада клочками видна была; на ней было напутано флеру много и высоко, на флерѣ цвѣты туды и сюды; на цвѣтахъ красныя фольги, на сихъ великое множество крупныхъ бусъ, подобно какъ зимой ледяныя сосули на кровляхъ висятъ, а сверхъ всего сего голубыя замаранныя запудренныя ленты приколоны были; ушей и глазъ она не вымыла, и пудра въ нихъ кучами лежала, на лбу и на щекахъ видны были полосами грязь, пудра, румяна и изъ бровей сурмила, флеровое на ней платье надѣто было такъ, что она на одну полу спереди наступала, пока другая на боку вздернута висѣла. Платье бусовыми сосульками было

выложено; но какъ она на опое непрестанно наступала и почти, такъ сказать, съ позволенія вашего, верхомъ въѣхала въ комнаты, то бусы оторвались и разсыпались; но меня однакожъ хотѣла увѣрить, что съ головы упали. Я доказала ей, что съ платья, и принуждена была оставить ее дома; мнѣ стыдно показалось таковую чучелу въ люди казать; она же бѣлья по недѣлѣ не перемѣняетъ.... Мужъ мой допишетъ.... Дома сидя она у дѣвокъ навѣдалась, что лучше: чтобъ бусы съ головы, или съ платья сорвались? Изъ того можете видѣть остроту ума ея; что мнѣ съ нею дѣлать? Сестра ея середняя совсѣмъ сложенія иного, но также необычайно ходитъ, не инако какъ въ мужскомъ платьѣ, скачетъ на прерѣзвыхъ лошадяхъ, говоритъ о собакахъ, о травлѣ звѣриной, стрѣляетъ изъ лука, ружья и пистолета, и самой гренадерской выступкою ходитъ.

NB. За сію нынѣ сватается нѣмецкій баронъ. — Третій братъ перенимаетъ всѣ женскіе обычаи; онъ бы бѣлился и румянился, буде бы я его до того допускалъ; говоритъ женскимъ голосомъ и слова не договариваетъ, цѣлый день лежитъ или на постелѣ, или на сундукѣ.—NB. Канапе я велѣлъ вынести изъ горницы, чтобъ менѣе валялся. — Всего притворно боится, крайнее попеченіе имѣетъ о своей красотѣ, даже до того, что прошедшее лѣто пришилъ флеръ къ своей шляпѣ и носилъ надъ собою подсолнечникъ, чтобъ отъ солнца не загорѣть. Онъ вообще похожъ на вощаную куклу; такова и меньшая сестра, которую онъ очень любитъ; онѣ оба отмѣнно нѣжны, отъ всего обмираютъ; сверхъ того, близоруки. Не знаю, откуда имъ Богъ далъ стекла, сквозь которыхъ иного не дѣлаютъ, какъ цѣлый день изъ оконъ на улицы зѣваютъ, изъ дома же никуды не выходятъ, опасаясь суровости воздуха, либо солнца, вѣтра, сырости, засухи или невѣсть чего еще иного. Прошу описаніе сіе вмѣстить въ Собесѣдникѣ; авось либо удастся, для блага ихъ, изъ того сдѣлать имъ доброе употребленіе, тѣмъ одолжите слугу вашего Михайла Передкова.

Краткодлинное.

Когда начинаю писать, обыкновенно мнѣ кажется, что я коротокъ умомъ и мыслями, а потомъ слово къ слову приставливая, мало по малу строки наполняю: иногда самому мнѣ не въ догадъ, какъ страница исписана и очутится на

бумагѣ мысль краткодлинная, да и еще съ такимъ хвостомъ, что умные люди въ ней изыскиваютъ тонкомысліе, глубокомысліе, густомысліе и полномысліе; но съ позволенія сказать, все сіе въ собственныхъ ихъ умахъ, а не въ моихъ строкахъ кроется; ибо неумные въ нихъ ни ума, ни всего вышеписаннаго не находятъ. Да чему тутъ и быть? всякъ вѣдаетъ или не вѣдаетъ (хотя то часто было объявлено), что я первоначальныхъ правилъ грамматики отнюдь не знаю, а еще менѣе (не бывъ ничему ученъ) возмогу порядочно мысли и умъ настроить, аки клавикорды, либо скрипицу. Натянулъ бы я охотно струны, буде бы зналъ какъ.... ежели вы, господинъ читатель, знаете, какъ это дѣлается, сотворите милость, пришлите мнѣ сказать подробно; я наипаче бы желалъ натянуть струны тонкія и пріятныя, или громогласныя, кои бы пробренчали и кончились на А; кончающихся же на П мнѣ ни на что не надобно: тѣхъ не присылайте; ихъ всегда довольно будетъ.

Вопросъ—Кто будетъ знать, что А и П?

Отвѣтъ—О семъ говорить теперь не время, друзья мои въ отлучкѣ, да и листъ кончился.

Господинъ сочинитель Былей и Небылицъ!

У меня есть племянница, которая говоритъ, будто она всегда читаетъ Собесѣдникъ; но въ самомъ дѣлѣ она въ немъ перебираетъ лишь тѣ листы, кои содержатъ Были и Небылицы. Когда же вышла шестая часть, она нечаянно напала на то, что тамо пишутъ о бѣлилахъ и румянахъ, и вмѣсто того, чтобъ ей получить отъ оныхъ отвращеніе и опасеніе, она узнала много неизвѣстныхъ ей до тѣхъ поръ для прикрасы мазей, мастей, масла, мыла и иныхъ вещей, наипаче привязалась чрезвычайно къ mouchoir de Venus и gants glacés; она оныя по всему городу искала и людей замучила, посылая верхомъ и пѣшкомъ на гостиной дворъ, и по всѣмъ домовымъ новымъ лавкамъ, чтобъ достать вышеписанныя

диковинки; сколько я и мужъ ея ни говоримъ ей, что она лицо испортитъ, но она не вѣритъ; а какъ она ваши Были и Небылицы перебѣгаетъ охотно, то просимъ васъ, чтобъ вы привлекли ея вниманіе чѣмъ ни на есть такимъ, чтобы здоровью и лицу ея не такъ вредно было, какъ бѣлилы; касательно жъ румянъ, авось либо уговоримъ, чтобъ окромѣ сухихъ, и то въ маломъ количествѣ, не употребляла.

Покорный слуга вашъ
Иванъ Нешорстовъ.

ОТВѢТЪ.

Сущая Быль.

Дѣдушка зналъ одну дѣвицу, хорошую и разумную, которая была нѣсколько смугла; къ ней приняли мадамъ. Мадамъ умѣла рисовать, пѣть, играть на клавикордахъ; нравомъ была тиха и скромна паче иныхъ преждебывшихъ, но сильно притомъ бѣлилась. Мадамъ показывала все, что умѣла, той хорошей дѣвушкѣ, также выучила ее и бѣлиться. Мадамъ отъ бѣлилъ получила чахотку и скончалась: вскорѣ потомъ хорошая дѣвица зачала жаловаться грудью; и какъ она пѣвала много, то думала родня, что она отъ того больна грудью; не велѣла ей пѣть, бѣлиться же не запретила. Мѣсяца съ два спустя, она вышла замужъ и часъ отъ часу стала чахнуть больше, и умерла прежде года. По всѣмъ признакамъ дѣдушка изволитъ говорить, что ей чахотка приключилась отъ бѣлилъ, ибо зубы почернѣли, глаза стали болѣть и кожа сморщилась.

Экономическое распоряженіе.

Скажите правду, господа издатели! весьма покойно имѣть не бокъ о бокъ, но возлѣ бока Были и Небылицы; когда листа не достаетъ въ книгѣ, тогда заказать можно листъ аки попадьинъ пирогъ у просвирни. Кто такъ послушливъ,

чтобъ взялъ перо и наполнилъ листъ?... правду сказать, чѣмъ бы то ни случилось. Таково дѣло имѣть съ безграмотнымъ; ни отъ одного грамотѣя вы такъ скоро не бываете услужены. Бездѣлушками, вы скажете. — Не спорю; но пора помышлять о иномъ, понеже приготовленія идутъ къ отъѣзду, и буде сами на себя не предпримете продолженія, то представлю найденнаго мною продолжителя, у котораго не однѣ только Были и Небылицы заказать можно, но много иного въ жизни нужнаго и полезнаго вообще, а лучше того имѣю честь вамъ предложить, не разсудите ли за благо Были и Небылицы отдать на подрядъ, и для того вызвать охочихъ людей; буде же на то не согласитеся, то отдамъ ихъ самъ на вѣру, какъ выше писалъ.

Завѣщаніе.

Сего утра сочинилъ я вчернѣ слѣдующее мое завѣщаніе.

Собственное мое имѣніе Были и Небылицы отдаю я (имреку) съ тѣмъ,

1. Что ему самому, или кому онъ отдастъ, повѣритъ, продастъ, или заложитъ, для продолженія оныхъ, не писать шероховато, либо съ трудомъ, аки подымая тягости на блокѣ.

2. Писавъ, думать не долго и не много, наипаче не потѣть надъ словами.

3. Краткія и ясныя израженія предпочитать длиннымъ и кругловатымъ.

4. Кто писать будетъ, тому думать по-русски.

Всякая вещь имѣетъ свое названіе.

5. Иностранныя слова замѣнить русскими, а изъ иностранныхъ языковъ не занимать словъ; ибо нашъ языкъ и безъ того довольно богатъ.

6. Краснорѣчія не употреблять нигдѣ, развѣ само собою на концѣ пера явится.

7. Слова класть ясныя и, буде можно, самотеки.

8. Скуки не вплетать нигдѣ, наипаче же умничаньемъ безвременнымъ.

9. Веселое всего лучше; улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ.

10. За смѣхомъ, за умомъ, за прикрасами не гоняться.

NB. Не запрещается однакожъ оныхъ употреблять вездѣ тутъ, аки струи.

11. Ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить, то есть надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенныя будутъ.

12. Врача, лекаря, аптекаря не употреблять для писанія Былей и Небылицъ, дабы не получили врачебнаго запаха.

13. Проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять.

14. Гдѣ индѣ коснется до нравоученія, тутъ оныя смѣшивать наипаче съ пріятными оборотами, кои бы отвращали скуку, дабы красавицамъ острокаблучнымъ не причинить истерическихъ припадковъ безвременно.

15. Глубокомысліе окутать ясностью, а полномысліе легкостью слога, дабы всѣмъ сноснымъ учиниться.

16. Пустомысліе и слабомысліе откинуть вовсе, буде можно.

17. На всякія мысли смотрѣть не съ одного конца, но съ разныхъ сторонъ, дабы избирать удобно было видъ тотъ, который разсудку пріятнѣе представится.

18. Стихотворческія изображенія и воображенія не употреблять, дабы не входить въ чужія межи.

19. Желается, чтобъ сочинитель скрылъ свое бытіе и вездѣ бы было его сочиненіе, а его самого не видно было, и нигдѣ не чувствовалось, что онъ тутъ дѣйствуетъ; и для того совѣтуется ему говорить такъ, чтобъ не онъ говорилъ, а безъ того умъ его или глупость равно не способны будутъ читателямъ.

Сіе пишу въ совершенной памяти и въ полномъ здравіи.

VI. О, ВРЕМЯ[1]!

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

1772.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г-жа Ханжахина.
Вѣстникова.
Чудихина.
Христина, внучка Ханжахиной.
Мавра, служанка Ханжахиной.
Непустовъ.
Молокососовъ.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ г-жи Ханжахиной.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Непустовъ, Мавра.

Мавра. Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть. Она теперь молится, и я сама войти къ ней въ горницу не смѣю.

---

[1]) Посылая Вольтеру французскій переводъ этой комедіи, императрица Екатерина II писала: „У автора много недостатковъ; онъ не знаетъ „театра; интриги его пьесъ слабы. Нельзя того-же сказать о характерахъ: „они взяты изъ природы и выдержаны. Кромѣ того, у него есть коми-„ческія выходки; онъ заставляетъ смѣяться; мораль его чиста и ему хо-„рошо извѣстенъ народъ“. Комедія эта побудила Новикова посвятить ея автору журналъ „Живописецъ“. „Вы первый, говорилъ онъ, съ такимъ удовольствіемъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностью и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостью напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе“. Отвѣтъ автора, помѣщенный въ томъ-же журналѣ, замѣчаетъ: „При сочиненіи комедіи не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной моей семьи (т. е. Россіи); слѣд., не выходя изъ дому своего, нашелъ въ немъ

Непустовъ. Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду, все говорятъ мнѣ, не время; поутру была она у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

Мавра. И все такъ у насъ время проходитъ.

Непустовъ. Молиться хорошо; однако есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Неужли она и день и ночь насквозь молится?

Мавра. Нѣтъ. Упражненія наши перемѣнны; однако все идетъ своимъ порядкомъ; иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтеніе Миней-Четей, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволитъ проповѣдывать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ.

Непустовъ. Слышалъ я, что госпожа твоя ханжитъ много, а о добродѣтеляхъ ея мало я слыхалъ.

Мавра. Правду сказать, и я много о томъ говорить не могу. О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто, а особливо—при раздачѣ мѣсячины и указнаго. Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда, приходя къ ней, должники требуютъ отъ нея за забранные по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ однножды въ меня молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ расшибла, что я съ недѣлю лежать принуждена была; а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. „Проклятая „безбожница,—кричала она на меня,—такой ли теперь часъ?

отвѣтъ къ составленію забавнаго позорища, довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю“. Цѣль комедіи—осмѣять ханжество, суевѣріе и страсть къ вѣстямъ и сплетнямъ, представленныя въ лицѣ: Ханжахиной, Чудихиной и Вѣстниковой, а также изображеніе недостатковъ современнаго воспитанія—суровое обращеніе съ дѣтьми и держаніе дѣвицъ въ полномъ невѣжествѣ, полуприкрытомъ модной свѣтскостью. Сынъ Чудихиной — одинъ изъ предшественниковъ Недоросля, а въ словахъ его матери слышится голосъ Простаковой.

„Пришла ты, какъ сатана, искушать меня свѣтскими суетами „тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ и отъ вся-„каго о свѣтѣ семъ попеченія удалены“! Прокричавъ съ великимъ сердцемъ сіе, бросила мнѣ въ високъ книгу. Посмотрите, и теперь еще знакъ есть; но я мушкою залѣпливаю его. Не можно никакъ къ ней примѣниться: странный весьма человѣкъ; иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъ умолка и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлаютъ, какъ бы, по мнѣнію ея, дѣлать надлежало.

Непустовъ. Радъ я узнать ея нравъ: это знаніе поможетъ мнѣ много въ дѣлѣ о женитьбѣ господина Молокососова. Но, правду сказать, трудно жъ ему будетъ уживаться съ этакою бабушкою: она или изъ дому его выживетъ, или въ могилу вгонитъ. Сама жъ она требовала, чтобъ мы къ Москвѣ пріѣхали, чтобъ условиться о внучкиной свадьбѣ. Мы для того, отпросясь на двадцать на девять дней въ отпускъ, изъ Петербурга сюда прискакали; и тому уже три недѣли, какъ живучи здѣсь, всякій день о томъ домогаемся, а она всякій день новыя находитъ къ тому препятствія. Намъ приходитъ уже срокъ, и мы должны немедленно возвратиться. Что-то будетъ сегодня? Она сегодня обѣщала дать рѣшительное слово, хотя я къ тому и начала не вижу.

Мавра. Потерпите, сударь, немного; послѣ вечерни, можетъ быть, вы ее увидите; а прежде этого времени она не охотно гостей принимаетъ.

Непустовъ. Да мнѣ есть много кое о чемъ переговорить съ нею, и для того скажи ей, что я здѣсь; авось-либо она и пуститъ меня къ себѣ.

Мавра. Нѣтъ, сударь; я ни изъ чего къ ней не пойду. Мнѣ или битой, или, по крайней мѣрѣ, браненой быть. Она и безъ того часто на меня гнѣвается и называетъ меня бу-

сурманкою за то, что иногда читаю я „Ежемѣсячныя Сочиненія“, а иногда и Клевеланда [1]).

Непустовъ. Да ты можешь ей сказать, что я усильно прошу ее видѣть.

Мавра. Кой часъ вечерня отойдетъ, то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако далѣе шести часовъ я не совѣтую вамъ оставаться. Въ это время наѣдетъ къ ней довольное число подобныхъ ей барынь, которыя обыкновенно забавляютъ ее вѣстьми, изо всѣхъ угловъ города собранными; переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ на перечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилыгая, примышляя; однѣ убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ; до того намъ дѣла нѣтъ, лишь бы все было выговорено, что слышали и что къ тому примыслили.

Непустовъ. Да по крайней мѣрѣ оставятъ ли насъ хоть поужинать? Какъ ты думаешь?

Мавра. Сомнѣваюсь. Какіе у постницъ ужины?

Непустовъ. Какъ? Да развѣ отъ скупости вы поститесь? Вѣдь сегодня и день непостный.

Мавра. Я того точно не говорю, только... только... мы лишнихъ гостей не любимъ.

Непустовъ. Говори со мною, Маврушка, откровеннѣе. Какъ тебѣ госпожи своей не знать? Скажи мнѣ правду. Мнѣ кажется, что она наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, а притомъ и весьма зла.

Мавра. Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ боярыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни праздничные; къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ; свѣчу передъ

[1]) Джонъ Клевлэндъ (1613 — 1659)—англійскій поэтъ, отличавшійся чистотою и изяществомъ стиля и, въ свое время, славившійся не менѣе Мильтона.

праздникомъ всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ; ходитъ въ шерстяномъ платьѣ... да не подумайте, что изъ скупости... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ, а любитъ и хвалитъ старину и тѣ времена, когда она пятнадцати лѣтъ была, чему уже теперь, благодатію Божіею, годиковъ пятьдесятъ и слишкомъ минуло.

Непустовъ. Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно! Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, по истинѣ жаль, что нынѣ ничему не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки, дерзко и похабно противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются.

Мавра. Оставимъ это. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ.

Непустовъ. Да почему это прародительскіе нравы? Это ничто иное, какъ ничего не значащіе обычаи, коихъ она съ нравами или не различаетъ, или различить не умѣетъ.

Мавра. Однакожъ, по мнѣнію госпожи моей, чѣмъ платье старѣе, тѣмъ болѣе почтенія достойно.

Непустовъ. Скажи жъ мнѣ, пожалуй, что она въ цѣлый день дѣлаетъ?

Мавра. Да гдѣ мнѣ это все упоминать? А тѣмъ болѣе высказать не можно; вы смѣяться станете. Но пусть такъ; нѣчто вамъ разскажу. Она встаетъ поутру въ шесть часовъ, и, слѣдуя древнему, похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи и поетъ

стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ! А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ: иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило, то со внучкою, для чего она молода, бранится, то по четкамъ кладетъ поклоны, то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить, то... А! постойте, сударь, я слышу шумъ: пора мнѣ отсюда убираться. Конечно, госпожа моя идетъ; боюсь, чтобъ насъ вмѣстѣ не застала: вѣдь и Богъ знаетъ, что ей на мысль придетъ!

(Отходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Ханжахина, Непустовъ.

Ханжахина. А, господинъ Непустовъ! Я и не знала, что вы здѣсь, сударь.

Непустовъ. Не погнѣвайтесь, сударыня, что я пришелъ отдать вамъ мой поклонъ. Вы изволите знать, какую я до васъ нужду имѣю. Въ вашей волѣ теперь выдать внучку вашу за господина Молокососова и со мною о приданомъ условиться.

Ханжахина. Ахъ, батька мой! Да какъ мнѣ на это рѣшиться сегодня? Вѣдь подумай-ка самъ, это дѣло таково, что требуетъ многаго размышленія. Я должна и того посмотрѣть, съ чѣмъ бы мнѣ и самой остаться. Человѣкъ я бѣдный; вдовье мое дѣло: откуда мнѣ что взять? Пусть злые люди хоть и говорятъ, хоть и кричатъ о моемъ богатствѣ, да Богъ-то вѣдаетъ, что я не могу наградить внучку свою большимъ приданымъ. Къ тому жъ сегодня духъ мой такъ безпокоенъ, что я и съ мыслями не могу собраться. У меня столько печали, столько нуждъ, что и конца имъ нѣтъ, такъ что и при молитвѣ злой свѣтъ покою мнѣ не даетъ.

Разсудите сами, какъ мнѣ, бѣдной, не горевать? Все дорого, да къ тому жъ люди...

Непустовъ. Правда, сударыня, злыхъ людей много въ свѣтѣ; но намъ ихъ не передѣлать; оставимъ ихъ и станемъ о своемъ дѣлѣ говорить. Вы знаете, что намъ долго здѣсь жить не можно. Срокъ близокъ; къ командѣ ѣхать надобно. И такъ уже три дня вы изволили меня и Молокососова обнадеживать, что сегодня дадите намъ рѣшительный отвѣтъ; пожалуйте, исполните свое слово. Жалокъ этотъ молодой человѣкъ будетъ, если онъ попусту взадъ и впередъ проскакать былъ долженъ!

Ханжахина. Я не то, сударь, говорю: изволь самъ разсудить, можно-ли спокойному быть духу, если съ кѣмъ то случится, что сдѣлалось сегодня со мною? Я обѣщалась, чтобъ до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила покойную мою матушку, помяни ихъ, Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ сынъ [1]), и стоитъ, какъ демонъ, въ горницѣ. Я ему говорю: „поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться“; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: „поди ты, сатана, вонъ“; а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете, что въ этой бумажкѣ написано? О, несмысленная тварь! О, демонское навожденіе!... Онъ осмѣлился просить позволенія — жениться. Мнѣ, дескать, тридцать уже лѣтъ; мать-де моя умерла, обшить, обмыть некому, и для того жениться! Экая негодница! И онъ жениться вздумалъ! Этимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я и число поклоновъ позабыла, и не знаю, сколько положила, и сколько еще класть надобно. Однакожъ велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ: позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны.

---

[1]) Молочный братъ, сынъ мамы, т. е. кормилицы.

Непустовъ. Да вѣдь и онъ человѣкъ, сударыня; въ томъ только его неосторожность, что помѣшалъ вамъ считать поклоны; а, можетъ быть, онъ и не зналъ, что вы на молитвѣ.

Ханжахина. Что за неосторожность? Какъ ему не знать, что я молюся? Я вѣдь всегда молюся. Зачѣмъ ему жениться? О, я такъ осердилась, что вся и теперь еще дрожу!

Непустовъ. Такое великое движеніе можетъ повредить ваше здоровье. Оставимъ это; станемъ говорить о нашемъ дѣлѣ и о приданомъ внучки вашей.

Ханжахина. Вы не можете повѣрить, какъ много мнѣ досаждаютъ! Я не вѣдаю, какъ я отъ сердца по сю пору еще не умерла. На малаго-то я не столько еще сержуся; но поганая дѣвка, которая, прости меня, Господи! ему на шею вѣшается, та-то мнѣ досадна! Да дамъ же я ей замужство!

Непустовъ. А для чего-жъ бы ей нейти замужъ, коли ея лѣта ужъ такія?

Ханжахина. О, какая она скверная тварь!

Непустовъ. Вы почитаете, сударыня, молитву должностью, равно какъ и я; но вѣдь и снисхожденіе, и любовь къ ближнему есть также должности, закономъ намъ предписанныя.

Ханжахина. Очень хорошо! Изрядное показалъ онъ ко мнѣ снисхожденіе и любовь! Мерзкій малый! Помѣшалъ мнѣ въ счетѣ поклоновъ!

Непустовъ. Дѣвицу выдать замужъ стоитъ поклоновъ, сударыня.

Ханжахина. Хорошо, батька мой, со стороны такъ разсуждать. А мнѣ вѣдь не бросать же на улицу деньги! Гдѣ ихъ возьмешь? Вотъ внучку надобно выдать, и самой также пожить еще хочется, да еще и этакихъ мерзкихъ жени; а все таки дай что нибудь: только и затвердили, что дай, да дай; а вѣдь что больше дашь, то больше у самой убудетъ. Надлежало бы правительству-то сдѣлать такое

учрежденіе, чтобъ оно вмѣсто насъ людей-то бы нашихъ при женитьбѣ снабжало. Правду сказать, вѣдь оно обо всемъ въ государствѣ-то печися должно; да полно, что нынѣ ничего не смотрятъ!

Непустовъ. Правительство имѣетъ довольно попеченія и расходовъ и безъ того, чтобъ снабжать нашихъ людей, которые намъ служатъ и, слѣдовательно, на нашихъ рукахъ быть должны. Но пожалуй, сударыня, забудь это и станемъ говорить о нашей свадьбѣ и приданомъ внучки вашей. Господинъ Молокососовъ скоро сюда будетъ и станетъ просить вашего на то соизволенія.

Ханжахина. Онъ молодецъ изрядный; я его ни въ чемъ не хулю и ничего порочнаго въ немъ не вижу. Когда бъ эти проклятые меня не разсердили, то, можетъ быть, что я и подумала бы, что̀ бы за внучкою-то дать... (*Мавра входитъ*). Чего ты хочешь, Мавра?

ЯВЛЕНІЕ III.

Ханжахина, Непустовъ, Мавра.

Мавра. Васъ спрашиваютъ, сударыня. Сосѣдка ваша имѣетъ нужду слова два-три съ вами молвить.

Ханжахина (*Непустову*). Не прогнѣвайся, пожалуй: я на часъ выйду; бѣдная вдова, жена дворянская, меня спрашиваетъ; отказать не могу, люблю бѣднымъ помогать... Мавра, побудь ты здѣсь; я тотчасъ назадъ приду.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Непустовъ, Мавра.

Непустовъ. Чудна̀я женщина!

Мавра. Знаете ли, въ чемъ состоитъ помощь, которую она бѣдной подать хочетъ дворянкѣ? Эта бѣдняжка отъ крайней нищеты заложила ей во ста рубляхъ золотую табакерку, которая втрое того стоитъ, и платитъ ей по полуполтинѣ на недѣлю росту. Теперь пришелъ срокъ; запла-

тить ей нечѣмъ, такъ боится, чтобъ и вовсе еще табакерка та не пропала.

Непустовъ. Возможно ли столь безсовѣстно поступать? По полуполтинѣ со ста въ недѣлю!... Сказываютъ, что госпожа твоя чрезъ мѣру богата, что у ней тысячъ со ста въ росту ходитъ; какъ ей не стыдно брать по полуполтинѣ росту на недѣлю? Да еще съ кого? Съ бѣдной вдовы! Сходно ли это съ ея молитвами и постомъ?

Мавра. Какъ бы то ни было, только это такъ... Давича, сударь, я не досказала вамъ, какъ она день провождаетъ; изволишь ли дослушать окончаніе?

Непустовъ. Изрядно. Я готовъ и любопытенъ дослушать.

Мавра. Остановились мы у заутрени, послѣ которой читаетъ она какія-то особливыя отъ сильнаго искушенія молитвы.

Непустовъ. Какъ? Она искушенія боится! Она отъ искушенія молится! Да вѣдь ей уже семьдесятъ лѣтъ?

Мавра. До того нѣтъ нужды... Когда она тѣ молитвы читаетъ, то уже, кромѣ кошки, никто къ ней въ образную войти не смѣетъ... По окончаніи отъ соблазна молитвъ, изволитъ она пойти въ кладовую, гдѣ обметаетъ пыль и чиститъ вещи, кои у ней въ закладѣ, пересматриваетъ крѣпости и закладныя, считаетъ деньги и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ. Тутъ, кромѣ Бога, какъ она говоритъ, никто свидѣтелемъ быть не долженъ; а мнѣ кажется, кромѣ чорта, никто тамъ не бываетъ... Потомъ она одѣнется, то есть чулки на ноги, да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ—и поѣдетъ къ обѣднямъ. Отслушаетъ она по разнымъ церквамъ раннихъ и позднихъ обѣдни двѣ-три и столько-жъ отпоетъ молебновъ. Въ церквахъ дастъ она свиданья подобнымъ себѣ старушкамъ, разсказываетъ имъ и отъ нихъ сбираетъ вѣсти разныя, и здѣшнія и петербургскія, словомъ, изо всѣхъ домовъ сплетни, которыя она, выправивъ, прибавивъ и украсивъ благочиніемъ, развозитъ, послѣ обѣда и послѣ обыкновеннаго съ часъ времени на канапе отдыха, изъ дома въ

домъ, разсказывая всѣмъ, кто хочетъ и не хочетъ слушать. Потомъ, или мимоѣздомъ гдѣ въ церкви, или дома, отслушаетъ вечерню, послѣ которой сберутся къ ней любимыя ея гостейки и навезутъ новыхъ еще вѣстей.

Непустовъ. Кто жъ эти любимые ея гости?

Мавра. Сестрица ея, госпожа Вѣстникова, да госпожа Чудихина. Первая жеманна, всезнающа, высокомѣрна, вѣстовщица, злорѣчива и любитъ при старости наряды, а послѣдняя очень забавна: всякій день новыя у ней примѣты, всего она боится, ото всего обмираетъ, суевѣрна до безконечности, богомольна изъ пышности, мотовка безразсудная, а молебны однакожъ поетъ всегда въ долгъ; ссорщица, сплетница, безстыдна и лжива такъ, какъ болѣе никто быть не можетъ. Вотъ ихъ харак... Но шш... шш... барыня идетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Ханжахина, Непустовъ, Мавра.

Ханжахина. Жалка бѣдная вдова! Пятеро у нея ребятишекъ, а пить-ѣсть нечего. Я не знаю, для чего правительство не запрещаетъ такимъ бѣднымъ жениться? Да полно что? Нынѣче и ни въ чемъ смотрѣнья-то нѣтъ; да кому и смотрѣть?... А изъ этакихъ свадебъ, кромѣ нищихъ, ничего не выходитъ. Мавра, вели-тка сварить намъ кофе.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ханжахина, Непустовъ.

Ханжахина. Я такъ теперь испужалась, что чуть жива. Какъ разговаривала я съ сосѣдкой, то вдругъ услышала, что въ спальнѣ моей что-то необычайное застучало. Я побѣжала туда, и... ахъ! горе мое... бѣдная я грѣшница! Я увидѣла, что упалъ съ полки любимый покойнаго моего мужа муравленый горшечекъ, изъ котораго онъ всегда молочную кашу кушивать изволилъ; упалъ, батюшка, да и въ дребезги разбился; а въ горницѣ-то никѣмъ-никого не было. Это не передъ добромъ! Боюсь, не умереть ли мнѣ, или внучкѣ моей?

Непустовъ. Чего этого бояться, сударыня? Можетъ быть, кошка или мышь сронила горшокъ съ полки... Пора, сударыня, говорить намъ о дѣлѣ нашемъ.

Ханжахина. Такъ, батька, вы ничему нынѣче не вѣрите; у васъ все натура... все натура...

(*Вошедъ, перебиваетъ рѣчь Мавра*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Мавра.

Мавра. Сестрица ваша пріѣхала, сударыня, и сюда идетъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Вѣстникова, Ханжахина, Непустовъ, Мавра.

Вѣстникова. Здравствуй, сестрица матушка. Я безъ души къ тебѣ скакала. Знаешь ли ты, какую чудную сложили свадьбу? По всему городу сказываютъ (да уже и къ знатнымъ боярамъ дошло), что будто ты за Молокососова внучку свою выдаешь! Статочное ли это дѣло? Выдать дѣвку за такого несноснаго дурака! Да еще и нашей фамиліи дѣвку! Я его... вотъ этакаго (*указываетъ*) еще знала; онъ и тогда и глупъ, и спѣсивъ былъ. Однажды пріѣхала я... я... къ матери его, хотѣла ей эту милость сдѣлать... онъ былъ тогда лѣтъ девяти... Вошедъ въ горницу... вѣдь мы таки не подлыя... поклонилась я всѣмъ, а онъ, стоя въ углу, играетъ мячикомъ, а на меня и не глядитъ; да и во весь вечеръ... подумай, матка... во весь вечеръ ко мнѣ и не подошелъ, какъ будто я уродъ какой! Съ того времени я терпѣть его не могу. Какая жъ и нянюшка у него была! Да и матушка изрядная... не у кого, правду сказать, и научиться-то было. Няня была дѣвчища высокая, худощавая, косая, глупая; а мать, ты сама помнишь, дурища была непомѣрная... О, сестрица, ты не вѣдаешь со мною бѣды? Я бъ давно уже здѣсь была; да вотъ что сегодня со мною сдѣлалось. Я сѣла въ карету и не успѣла еще со двора съѣхать, какъ кучеръ мой, зашатавшись, упалъ съ козелъ. Я думала...

не здѣсь будь сказано! *(Онѣ оплевываются, подергиваютъ себя за ухо и одуваются; Ханжахина, дѣлая то же, говоритъ)* Ахъ! сестрица!...

Вѣстникова. Я думала, что черная немочь его убила: анъ онъ, плутъ, пьянъ былъ. Я кликнула людей, велѣла его сѣчь; а поваришкѣ спасибо: онъ сѣлъ на его мѣсто; однако ѣхалъ какъ сумазбродный, то вправо, то влѣво, а все невпопадъ. Ужъ я думала, что сегодня и до тебя не доѣду. Два раза спало колесо; два раза бурыя лошади выпрягались; а сѣрыя, поскользнувшись, упали. Да полно, въ томъ не кучеръ виноватъ: полиція, слава Богу! полиція ничего не смотритъ. Улицы такъ склизки, такъ скверны, что и ѣздить нельзя...

Мавра *(въ сторону)*. А того не скажетъ, что лошади не кованы, у колесъ чекъ нѣтъ и что упряжка скверная!

Вѣстникова. Что ты ворчишь, Мавра?

Мавра. Ничего, сударыня, я о полиціи говорю.

Вѣстникова. Да и ни въ чемъ нынѣ смотрѣнія нѣтъ. О, какія нынѣче времена! Что-то изъ этого будетъ!... А я чуть жива доѣхала... Сестрица, я всѣмъ божилась, что ты внучки своей за Молокососова не выдашь.

Ханжахина. Все Божья воля, сестрица... Мавра, подай-ка стулья.

(Мавра подаетъ стулья и выходитъ).

Вѣстникова. Мы можемъ, сестрица, и здѣсь сѣсть. *(Указывая на кресла. Садятся)*. А вы не изволите ль тутъ? *(Указываетъ на стулъ; садится и Непустовъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ханжахина, Вѣстникова и Непустовъ.

Вѣстникова. Письма изъ Петербурга пришли. Пишутъ, что вода тамъ такъ была высока, что весь городъ потопила, и люди на кровляхъ насилу мѣсто себѣ находили.

Непустовъ. Какъ-же, сударыня? Развѣ водою почта оттуда отправлена, когда такое несчастіе случилось?

Вѣстникова. Такъ, сударь, ваши братья ничему не хотятъ вѣрить; однако жъ это такъ, какъ я сказываю; да пусть и не потонули, такъ по крайней мѣрѣ съ голода тамо люди мрутъ. Во всемъ недостатокъ, ни о чемъ ни правительство, ни полиція, и никто не думаетъ. Я и еще кое-что знаю похуже этого: много оттуда вѣстей; хорошихъ-то только нѣтъ; да не все сказывать надобно. Пишутъ ко мнѣ нѣчто подъ обиникомъ; однако я догадалась, что̀ это значитъ.

Ханжахина. А что жъ такое, сестрица, къ тебѣ пишутъ?

Вѣстникова. Очень можно сказать. Пишутъ... да... точно этими словами пишутъ: „Если бъ вы знали, какія у насъ къ масляницѣ готовятся крутыя горы, то бъ вы удивились и испужались!“ Вотъ какой обинякъ! Да я разумѣю, что̀ онъ значитъ: крутенька гора-то затѣвается! Вы увидите: я ничего не говорю; однакожъ я точно догадываюсь, что̀ это значитъ.

Непустовъ. Все пустое, сударыня: гора, какъ гора, и всякую масляницу бываетъ, а ваша мнимая гора, кромѣ мыши, ничего не родитъ. Въ прежнія времена за болтанье дорого плачивали: притупляли язычокъ, чтобъ меньше онъ пустого бредилъ; а нынѣ благодарить вамъ Бога надобно, что уничтожаютъ этакія бредни. Разумно бы и съ нашей стороны было, если бъ мы сами себя отъ глупостей, а паче отъ несбыточныхъ затѣй и новостей воздерживали.

Вѣстникова. Ахъ, батька мой, куда какъ ты строгъ! да нѣсколько и...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Мавра.

Мавра. Госпожа Чудихина пріѣхала, сударыня, да не изволитъ итти сюда и не хочетъ переступить черезъ порогъ, для того, что услышала сверчка. Если желаете, чтобъ она не уѣхала, то проситъ, чтобъ вы къ ней вышли въ другую горницу, а сюда войти боится, пока сверчка не поймаютъ; я уже и за печникомъ послала, который ловитъ сверчковъ.

Ханжахина. Изрядно, мы къ ней выйдемъ (*Ханжахина и Вѣстникова встаютъ*). Пожалуй, не погнѣвайся, сударь; она намъ искренняя пріятельница.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Непустовъ, Мавра.

Непустовъ. Терпѣнія моего не доставало слушать всѣ ихъ бредни, и если бъ долгъ дружбы моей къ Молокососову меня не обязывалъ, давно бы я уже ушелъ отсюда.

Мавра. Ха! ха! ха! (*смѣется*). Что, сударь? Вы уже скучаете? Извольте-тка подолѣ съ нами пожить; вы еще не столько услышите басенъ.

Непустовъ. Боюся я, чтобъ Вѣстникова не повредила въ мысляхъ твоей госпожи Молокососову. Она уже зачала его всякими браньми костить.

Мавра. Есть способъ къ молчанію ее принудить, сколько бы она его ни бранила.

Непустовъ. Да какой же это способъ? Скажи, пожалуй.

Мавра. Она любитъ деньги и подарки; словомъ, она корыстолюбива. Даромъ, что она сердита и зла; однако за деньги не одну уже свадьбу сложила, и не только свадьбы умѣетъ сводить, но и прочее и прочее. Подарите ее чѣмъ нибудь: а я думаю, рублевъ сто на платье, къ которому она охотница, довольно силы имѣть будетъ унять ее отъ брани и принудить еще служить господину Молокососову.

Непустовъ. Если это такъ, то она намъ не страшна.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Прежніе, Молокососовъ.

Молокососовъ. Что, сударь? Какъ наше дѣло идетъ?

Непустовъ. Плохо. Я не знаю, что̀ мнѣ съ милмою вашею бабушкою дѣлать. Лучше бы я желалъ, чтобъ опекунъ вашъ самъ здѣсь былъ; онъ это сватанье началъ, пусть бы онъ и окончалъ, а мнѣ бы дѣла не было въ такомъ домѣ, гдѣ здравый разумъ почти невмѣстимъ. Разъ десять

заговаривалъ я о свадьбѣ и о приданомъ и ничего въ отвѣтъ не получилъ, кромѣ пустыхъ бредней, которыя ни конца, ни начала не имѣютъ.

Молокососовъ. Мнѣ бы до приданаго и нужды не было... Я недавно съ невѣстою видѣлся; куда какъ она хороша, прекрасна, ужасть какъ прекрасна!.. Да только...

Непустовъ. Что, только?.. Что это „только" значитъ?

Молокососовъ. Она чрезъ мѣру пригожа!.. Да только...

Непустовъ. Да что жъ?.. Развѣ она тебѣ отказала?

Молокососовъ. Нѣтъ; я съ нею долго говорилъ; она прекрасна, богата, не безъ знати... да...

Непустовъ. Тфу, пропасть какая! Да что жъ она тебѣ сказала?

Молокососовъ. Ничего! Она на всѣ мои слова... ни слова не молвила.

Непустовъ. Ну, такъ чего жъ ты боишься? Развѣ она глупа?

Молокососовъ. Того я не знаю. Только то знаю, что она ничего не говоритъ.

Непустовъ. Если она глупа, такъ это по наслѣдству... И государыня ея бабушка не премудра: яблочко отъ яблоньки недалеко, видно, пало!... Но вѣдь... она, помнится мнѣ, еще за полгода предъ симъ тебѣ понравилась?

Молокососовъ. Красота ея, безспорно, прелестна. И кто бъ могъ себѣ представить, что эта красота безмолвна! Она или нѣма, или глупа, или дурно воспитана.

Непустовъ. Чудно! Нашлась и въ Москвѣ молчаливая дѣвица! Ну... такъ буде изволишь, мы перервемъ это сватовство.

Молокососовъ. Нѣтъ. Я бы лучше женился; да хочется мнѣ...

Непустовъ. Мнѣ кажется, что ты и самъ не знаешь, чего тебѣ хочется.

Молокососовъ. Пожалуй, не гнѣвайся; я и такъ довольно несчастливъ. Невѣста моя мила мнѣ, красота ея ни

съ чѣмъ несравненна; опекуну моему далъ я слово на ней жениться; она богата, хотя мнѣ до того и нужды нѣтъ; вотъ сколько притяженій! О, если бъ столько была она умна, сколько пригожа! Не усомнился бъ я въ сію минуту быть ея мужемъ!

Непустовъ. Какое жъ твое намѣреніе?

Молокососовъ. Я не знаю. Дай ты мнѣ совѣтъ, что̀ мнѣ дѣлать.

Непустовъ. Вѣдь тебѣ надобна жена, а не мнѣ; слѣдуй склонности и разсудку своему. При вступленіи въ такое обязательство, всего нужнѣе согласіе нравовъ; если находишь ты это между собою и невѣстою твоею, то я совѣтую тебѣ на ней жениться.

Мавра (*въ сторону*). Сколько жъ и они пустоши бредятъ!

Молокососовъ. Умилосердись; какъ я могу это знать? Я съ нею говорю, она ни слова не отвѣчаетъ; я изъясняю мою страсть, она безъ всякаго движенія слушаетъ; я горячностію, я вѣрностію моею ее увѣряю, она безчувственно то пріемлетъ; я спрашиваю, не противенъ ли я ей? она молчитъ; наконецъ, сталъ я въ отчаяніи о постороннихъ говорить вещахъ, и тогда, кромѣ да и нѣтъ, ничего добиться отъ нея не могъ; да и это произносила она одинакимъ голосомъ, съ одинакимъ движеніемъ, съ одинакимъ ощущеніемъ, и если бъ не были прелестные ея открыты глаза, то бъ можно подумать было, что она спитъ и во снѣ иногда въ полъ-слова молвитъ. Такъ она и черты лица ея были неподвижны! О! я въ отчаяніи!..

Мавра. О, какъ вы мнѣ жалки, что такъ много ошибаетесь! Невѣсту вашу я сердечно люблю и для того изъ заблужденія васъ выведу. Она сердце имѣетъ ангельское, но воспитана дурно. Въ безпредѣльномъ содержана она страхѣ, а оттого сдѣлалось толь робка и застѣнчива, что ни съ кѣмъ говорить не можетъ и покажется всякому, кто ея не знаетъ, кускомъ дерева. Къ сему прибавьте и совершенное ея невѣжество, въ которомъ она содержана. Она ничему не

учена и грамотѣ украдкою у меня училась для того, что бабушка ея всегда боялась, чтобъ она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ писемъ. Никого она не видала и до двѣнадцати лѣтъ и платья не знала, а бѣгивала для легкости всегда въ одной сорочкѣ; когда жъ пріѣзживали посторонніе къ намъ люди, то прятали ее въ спальнѣ за печкою. Не счастлива она, что въ младенчествѣ и матери, и отца лишилась!

Молокососовъ. Что жъ въ этомъ? Развѣ ты думаешь облегчить этимъ печаль мою?

Мавра. Нѣтъ, сударь, но подождите немного и дайте мнѣ договорить... Хотя барышня моя толь дурно и воспитана, но она, конечно, не дура; правда, она не новосвѣтская госпожа и, какъ ужъ я сказала, не только по французски, но и по русски мало она знаетъ, а потому и языка русскаго не портитъ; но, говоря по русски, брата называетъ братцемъ, а не mon frere, сестру сестрицею, а не ma soeur; не знаетъ и другихъ вытверженныхъ, подобно попугаю, словъ, ни кривлянья, ни презрѣнія къ людямъ, почтенія достойнымъ. Некстати не хохочетъ, кушанья за столомъ не называетъ блюдомъ славнымъ; словомъ, она не знаетъ того языка, котораго и я, когда молодыя боярыни говорятъ, не разумѣю, хотя я весьма долго въ домѣ новомодной француженки служила. Но при всемъ томъ она не глупа, и естественный разумъ въ ней есть; и когда вы на ней женитесь и будете ее любить, то хотя она ни болванчикомъ[1]), ни mon mari называть васъ не станетъ, однако, конечно, стараться будетъ вамъ угождать, и добродѣтелью столько васъ прельститъ, сколько другіе свободнымъ обхожденіемъ прельщаются, забывъ и лбы, и глаза свои. Между тѣмъ она, увидя свѣтъ, конечно выровняется, какъ и многія другія. Умъ ея таковъ,

---

[1]) Выраженіе „болванчикъ“ (буквальный переводъ франц. idole) было моднымъ, въ то время, словечкомъ, употребительнымъ въ свѣтскихъ кружкахъ и осмѣяннымъ въ сатирическихъ журналахъ.

что она всякое наставленіе отъ любимаго человѣка съ охотою приметъ. Это я по себѣ знаю; она во всемъ совѣтамъ моимъ послѣдуетъ. Но чуръ, не жить съ ней по модѣ: берегитесь, и вы будете заплачены тою же монетою, какъ и другіе.

Непустовъ. Да не прильнуло ли и къ ней ханжество бабушки ея?

Мавра. Нѣтъ, того не бойтесь. Она не ханжа и не скупа. Она еще молода и не больше пятнадцати ей лѣтъ, и если употребится съ нею ласка и снисхожденіе, то будетъ она такова, какову будущій мужъ ея имѣть похочетъ, и какъ ее поведетъ, къ добру или худу. Удобно разумному мужу, съ малымъ терпѣніемъ и любовію, подвесть добросердечную жену подъ всѣ свои правила и сдѣлать ее волѣ своей послушною. Много этому образцевъ на свѣтѣ!

Молокососовъ. О, если бъ уже была она такова, какову я желаю ее увидѣть, колико бы я счастливъ былъ!

Мавра. Имѣйте терпѣніе. Она тѣмъ еще милѣе вамъ будетъ, чѣмъ болѣе вы примѣтите, что она всѣ совершенства свои отъ вашихъ пріобрѣтаетъ совѣтовъ.

Молокососовъ. Ты всю мою надежду возстановляешь; ты возвращаешь мнѣ покой, котораго я совсѣмъ почти лишился.

Мавра. Извольте быть увѣрены и подите теперь къ старушкѣ.

Непустовъ. Ну, такъ пойдемъ же къ ней, не тратя времени.

Молокососовъ. Дай Боже, чтобъ она столь была разумна, сколь и прекрасна.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Христина, Мавра.

Мавра. Что жъ, развѣ вы не хотите идти за-мужъ?

Христина. Я не знаю. Кажется, я никакого желанія не имѣю.

Мавра. Да развѣ господинъ Молокососовъ вамъ не нравится?

Христина. Этого не могу сказать. Нѣтъ... Ну... да какъ онъ тебѣ кажется?

Мавра. Неужто вы хотите за-мужъ идти по моему выбору? Вѣдь вамъ съ нимъ жить, а не мнѣ.

Христина. Ты меня любишь, Маврушка, такъ скажи мнѣ, что дѣлать?

Мавра. Я васъ люблю, это правда; однако въ этомъ дѣлѣ вы болѣе на себя полагаться должны. Должны вы прежде себя разобрать, чувствуете ли вы къ нему склонность, или нѣтъ?

Христина. Лицемъ онъ не дуренъ; да только говоритъ такъ, что я и половины словъ его не разумѣю. Онъ говоритъ или не по русски, или по книжному; а ты вѣдь знаешь, что я чужихъ языковъ не знаю, да и грамотѣ худо умѣю.

Мавра. Любовь и безграмотныя разумѣютъ. На что тутъ грамота? Надобно только сердце.

Христина. Я думаю, что сердце-то у меня есть, и я пойду за него, если онъ меня возьметъ: а ежели не возьметъ, то и я не желаю быть за нимъ.

Мавра. Какое это равнодушіе! Если бъ вы его любили, то бы не такъ говорили.

Христина. Я не могу сказать, чтобы онъ мнѣ противенъ былъ. Я не знаю, люблю ли я его, только мнѣ хочется его видѣть; да однако...

Мавра. Что однако? Когда онъ говорилъ вамъ о своей страсти, что онъ васъ любитъ, что вы прекрасны... вы тогда сидѣли, потупя глаза, и молчали, какъ будто бы у васъ языка не было: онъ перемѣнялъ рѣчи, онъ то то, то се вамъ говорилъ, а вы таки все въ одномъ, и глазами, и тѣломъ, и языкомъ, остались, положеніи, и его съ равногласнымъ „да и нѣтъ“ отвѣтомъ и отпочивали.

Христина. Мнѣ было стыдно, Маврушка; ты вѣдь знаешь, что я съ мужчинами, кромѣ Фалелея, бабушкина дурака, ни

съ кѣмъ не говаривала; да бабушка съ другими и говорить не приказываетъ. Я взросла въ дѣвичьей горницѣ, о оттуда никогда не выхаживала: такъ что жъ мнѣ дѣлать? Пожалуй, душенька, читай мнѣ почаще „Памелу“ [1]), чтобъ я могла перенять, какъ съ людьми говоритъ. Съ тобою такъ говорится, а съ другими ни съ кѣмъ, право, не умѣю.

Мавра. Дорого бы я дала, чтобъ вы счастливы были. Я васъ люблю за ваше чистосердечіе. Вы не лживы, сударыня; обѣщаетесь ли вы все то дѣлать, что я вамъ велю?

Христина. Съ радостію обѣщаюсь и стану все то дѣлать, что ты велишь; я знаю, что ты ничему худому не научишь.

Мавра. Подите же теперь отсюда. Я послѣ переговорю съ вами, теперь мнѣ недосугъ.

Христина. Да увижу ль я его?

Мавра. А, невинная! Сердечишко-то ужъ тронуто!

Христина. Нѣтъ... Я не знаю...

Мавра. Изрядно, изрядно, подите теперь.

(*Христина отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Мавра (*одна*). О, природа! Сильны твои дѣйствія! Любовь, ты входишь въ сердца человѣческія прежде, нежели человѣкъ узнаетъ, что̀ есть любовь! Моя невинная боярышня познаетъ уже тебя, не зная сама, что она чувствуетъ, и...

ЯВЛЕНІЕ III.

Мавра, Молокососовъ.

Молокососовъ. Отъ роду такой бабы не видывалъ!.. Ну, вся моя теперь надежда исчезла! Я погибъ, Мавра! Старая твоя барыня наотрѣзъ мнѣ отказала.

Мавра. Что ей сдѣлалось? За что?

---

[1]) Памела или награжденная добродѣтель, знаменитый романъ англійскаго писателя Рирардсона, одного изъ представителей сантиментальнаго направленія.

Молокососовъ. За проклятаго кузнечика! О, кабы его чортъ взялъ!

Мавра. Что это такое? Я не понимаю.

Молокососовъ. Не легко и разсказать это... Много въ отказѣ участія имѣютъ г-жи Вѣстникова, и Чудихина, а наипаче моя собственная неосторожность.

Мавра. Если ваша неосторожность, то сами на себя и пеняйте.

Молокососовъ. Да кому придетъ на умъ, что можно подобною бездѣлицею досадить людямъ и чтобъ свадьба могла за кузнечика разойтиться? Разсуди сама, вотъ въ чемъ дѣло. Ханжахина разсказывала, что не токмо за годъ передъ кончиною покойнаго ея супруга пѣтухъ снесъ яйцо, но и дня за три кузнечикъ въ стѣнѣ безъ умолка стучалъ; что она изъ того неизбѣжно заключить могла, что супругъ ея умретъ, и потому, не упуская времени, къ смерти приготовить его велѣла. Я, слыша эдакій взоръ, не могъ удержаться и громко захохоталъ; господинъ Непустовъ, со всею своею твердостію, также не переодолѣвъ себя, треснулъ и онъ, и оба мы взаходы смѣялись. Старухи всѣ три разсердились; вдругъ стали креститься, вдругъ плевать и одуваться, вдругъ и въ одинъ голосъ, кричать и бранить насъ, называя насмѣшниками, бусурманами, безбожниками, которые ничему не вѣрятъ. Ханжахина съ подругою своею Чудихиной напали на господина Непустова, а Вѣстникова опрокинулась со всею жестокостію на меня, и лучше отъ нея слово мнѣ было: спѣсивый дуракъ! Я хотѣлъ съ учтивствомъ ей доказать, что суевѣріе есть порокъ, что нравоученіе закона запрещаетъ такимъ нелѣпымъ вѣрить баснямъ; а она съ яростію доказывала, что кузнечиково предсказаніе сбылось смертію г. Ханжахина, и потому оно истинно, и что кромѣ такого дурака, какъ я, всякій тому вѣрить долженъ. Въ то же время, съ другой стороны, Чудихина наступала съ бѣшенымъ изступленіемъ на г. Непустова; а милостивая твоя госпожа, раздувшись и запыхавшись отъ гнѣва, то въ ту, то въ другую сторону на

помощь къ обѣимъ злобнымъ бабамъ поспѣшая, словами, вдовѣ неприличными, уважала ихъ доказательства. И наконецъ изъ всего сего шума вышло то, что она ясно объявила намъ, что мы, т. е. и сватъ, и женихъ, невѣрные, беззаконники, бусурманы, и чтобъ изъ дому ея убирались; что она внучки своей никогда не отдастъ за такого шалуна, каковъ я, и чтобъ впредь мы и дому ея не знали.

Мавра. Вотъ каково глупымъ противурѣчить!

Молокососовъ. Я всталъ, поклонился и вышелъ отъ нихъ вонъ... Теперь не знаю, что́ мнѣ дѣлать?... И что я въ старости моей начну? Отъ непочтенія къ проклятому кузнечику погибла вся моя надежда.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе, Непустовъ.

Непустовъ. Пойдемъ изъ этого скареднаго дома.

Мавра. Погодите, сударь, немного; авось либо все дѣло поправится.

Непустовъ. Какъ поправится? И видѣть насъ не хотятъ.

Мавра. Господинъ Молокососовъ, развѣ вы хотите оставить Христину? Развѣ вы ея не любите?

Молокососовъ. Никогда она столь прелестна мнѣ не воображалась; никогда столько я не любилъ ея, какъ теперь, когда вся надежда моя исчезаетъ, и когда я не могу имѣть ее себѣ женою!

Мавра. Ну, такъ если вы ее столько любите, то вмѣсто празднословія и пустыхъ жалобъ, помогайте мнѣ искать способовъ къ поправленію испорченнаго дѣла, между тѣмъ не мѣшайте, дайте мнѣ подумать: на выдумки я довольно способна бывала. (*Думаетъ и говоритъ сама себѣ*) Да!... Нѣтъ... это не такъ... Ну... неловко... А!... Хорошо! Слушайте: Вѣстникову всѣхъ легче склонить, а чрезъ нее авось либо намъ удастся; она за деньги за все примется, и все, что́ мы хотимъ, сдѣлаетъ.

Молокососовъ. Вспомни, Мавра, что она меня терпѣть не можетъ.

Мавра. Нѣтъ, ничего.

Непустовъ. А!.. Да вотъ она и идетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Вѣстникова, Непустовъ, Молокососовъ, Мавра.

Вѣстникова (*съ сердцемъ*). Вы еще здѣсь? Вонъ! Что вы здѣсь дѣлаете?

Мавра. Если бъ вы знали, сударыня, что они говорятъ, то бъ вы и не гнѣвались и не дивились, что они еще здѣсь.

Вѣстникова. Какъ сестрица узнаетъ, что ты съ такими бусурманами, коихъ она изъ дому выгнала, говоришь, то достанется и тебѣ; а я тебѣ сказываю, что быть худу.

Мавра. Ахъ, сударыня, какъ мнѣ съ пріятностію не слушать было ихъ разговоровъ? Они все объ васъ говорили.

Вѣстникова. Обо мнѣ? А что они обо мнѣ говорили?

Мавра. Они васъ хвалятъ: что вы разумны, что и въ самомъ гнѣвѣ вашемъ видно доброе ваше сердце и снисхожденіе. Г. Непустовъ и то еще примолвилъ: видно, дескать, что съ молоду она и прекрасна была! А г. Молокососовъ сказалъ, что и теперь еще хороша.

Вѣстникова. Непустовъ дуракъ... а Молокососовъ, видно, поправляется; изъ него можетъ хорошій молодецъ быть.

Мавра. Да, сударыня, онъ говоритъ, что онъ не знаетъ, какъ бы заслужить нечаянную свою предъ вами проступку и своимъ почтеніемъ поправить себя въ вашихъ мысляхъ. Пожалуй, сударыня, не сказывайте боярынѣ, что я съ ними здѣсь остановилась. Она станетъ гнѣваться, а я вѣдь для васъ это сдѣлала, чтобъ вывѣдать изъ нихъ, сколь хорошо они объ васъ отзываются. Вы изволите знать, какъ я васъ почитаю.

Вѣстникова. Но впрямъ ли, Мавра, такъ хорошо они думаютъ?

Мавра. Право, сударыня; извольте хоть сами у нихъ спросить.

(Мавра имъ мигаетъ и даетъ знаки, чтобъ ей ласкали).

Молокососовъ. Я помню, сударыня, что милость ваша и къ матери моей была велика; если бъ я могъ ласкаться, чтобъ вы...

Вѣстникова. Да, мы таки дружненько живали. Да ты, батька мой, спѣсивымъ мнѣ казался; а я таки и весь родъ-атъ вашъ знаю.

Непустовъ. Вы ошибаетесь, сударыня; онъ право не спѣсивъ, его видъ таковъ! А къ тому-жъ еще онъ и молодъ.

Вѣстникова. И подлинно еще молодъ: я ребенкомъ его занпала, а и я не выстарокъ... Ха! ха!.. *(Молокососову)* Батюшка твой не таковъ былъ: онъ, помилуй Богъ, какъ меня любилъ! Бывало, какъ привяжется, такъ изъ дома выжить нельзя: ночь всю насквозь, до разсвѣта, сиживали вмѣстѣ; иногда и одинъ на одинъ, а скучно не бывало; а гулянья то у насъ и подъ Марьиной рощей, и въ Подмосковныхъ; тамъ то пляски-то... игранья, пѣнья-то!.. Ужъ куда покойникъ-атъ какой охотникъ былъ до пѣсенъ, а пуще всего любливалъ мой голосъ; да я изряднешенько и пѣвала. Куда какія веселья у насъ бывали! Нынче таки ничего не видно; какъ будто нѣтъ молодыхъ! Они, право, такъ не веселятся, какъ бывало мы забавлялись. Только нынче и слышно: комедіи, да оперы, да наряды; а мы-то, бывало, какъ съ постели, такъ и поскакали! и на головѣ, право, оправиться некогда было. Зимою-то въ саняхъ, бывало, ночь на пролетъ прокатаешься, всю Москву таки съ конца до конца изъѣздишь; того и смотри, что попадешь въ полицію; да что намъ до того бывало? Хотя бъ и случилось переночевать тамъ, вѣдь все знакомые, все друзья; не сказавъ никому, и выпустятъ. Нынѣ такія ли времена! Кажется, люди то всѣ перемѣнились; кромѣ охъ! да охъ! ничего не услышишь... *(Увидя на пальцѣ Молокососова перстень)* А, мой свѣтъ, да это еще отцовскій на

тебѣ перстенекъ-отъ! Тотъ, право, самый; онъ, покойникъ, бывало, шучивалъ, что на поминъ душѣ своей его мнѣ оставитъ. Я знаю этотъ перстень.

Непустовъ. И я слыхалъ, что онъ съ вами въ короткой былъ дружбѣ.

Вѣстникова. Камешекъ то не великъ, да чистехонекъ.

(*Мавра мигаетъ Молокососову, чтобъ онъ подарилъ перстень Вѣстниковой*).

Вѣстникова. Право, свѣтъ мой, чистехонекъ!

Молокососовъ. Позвольте, сударыня, чтобъ я слово родителя своего сдержалъ, и примите отъ меня этотъ перстень въ знакъ моего почтенія.

Вѣстникова. И... батька... вѣдь я не для того говорила... (*не отдавая*) Никакъ, мой свѣтъ, на что такъ убытчиться...

Молокососовъ. Пожалуйте, сударыня, сдѣлайте мнѣ это одолженіе; я должностью почитаю себѣ исполнить обѣщанія родительскія и радоваться стану, исполня толь пріятное завѣщаніе.

Вѣстникова. Благодарствую, благодарствую, мой свѣтъ; ежели могу сама чѣмъ отслужить, съ охотою, ото всего сердца исполню.

Непустовъ. Вы можете, сударыня, великую ему сдѣлать милость.

Вѣстникова. Да какую бы?

Непустовъ. Уговорите, сударыня, сестрицу вашу, чтобъ она внучку свою за него выдала. Онъ ее любитъ и свое счастіе въ ней почитаетъ.

Вѣстникова. Добро, (*Молокососову*) душенька, добро; стану ей говорить, и она, можетъ быть, меня послушаетъ.

Непустовъ. Надобно знать, сударыня, что время не терпитъ продолженія. Срокъ нашъ приходитъ; ѣхать надобно скоро въ Петербургъ...

Вѣстникова. Я въ сію минуту бъ ее уговорила, да

нельзя: теперь у нея Чудихина сидитъ; а при ней говорить я не буду. Все дѣло испортить можно.

Мавра. Если это только мѣшаетъ, то извольте безъ сомнѣнія идти къ сестрицѣ, а Чудихину я тотчасъ изъ комнаты ея выживу.

Вѣстникова. Не скоро ее съ мѣста подымешь, гдѣ она усядется, особливо теперь: вѣдь она на картахъ загадываетъ.

Мавра. Это мое дѣло. Я заведу рѣчь, что прежній этого дома хозяинъ за тридцать тому лѣтъ назадъ умеръ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она теперь сидитъ и гадаетъ. Вы увидите, какъ скоро она вскочитъ, броситъ и карты, и все, и уйдетъ изъ комнаты.

Вѣстникова. Хорошо, я пойду туда.

(*Отходитъ*).

Мавра. Извольте и вы удалиться; а я пришлю вамъ сказать, когда время будетъ; оставьте здѣсь слугу вашего.

ЯВЛЕНІЕ VI.

(*Когда Непустовъ и Молокососовъ сходятъ, тогда съ противной стороны входятъ*)

Христина, Мавра.

Христина. Маврушка, Маврушка, знаешь ли что?

Мавра. Что такое, сударыня?

Христина. Вѣдь бабушка приказала серебряную ту парчу отослать назадъ къ купцу, также и пунцовыя ленты отдала назадъ; а Молокососову во мнѣ совсѣмъ отказала.

Мавра. Послѣднее знаю, а первое слѣдствіе тому; да вы о чемъ больше жалѣете, о парчѣ, или о женихѣ?

Христина. Какіе у тебя всегда мудреные вопросы! Ты все шутишь; а бабушка очень гнѣвна! Гнѣвна такъ, что она всѣхъ дѣвокъ выгнала изъ спальни и осталась одна съ Чудихиной и съ Вѣстниковою.

Мавра. Какая жъ это диковинка?

Христина. Какъ не диковинка! Вѣдь ты знаешь, что бабушка хоть часто на дѣвокъ гнѣвается, однако отъ нихъ ничего тайнаго не имѣетъ и обо всемъ она при всѣхъ говоритъ; а теперь и входить никому не велѣла до тѣхъ поръ, пока сама не кликнетъ.

Мавра. И впрямъ это странно! Пойду я посмотрѣть, что-то у нихъ дѣлается?

Христина. Я тебѣ скажу, только ты не промолвься.

Мавра. Да вы почему жъ знаете? Вѣдь и васъ также туда не впускаютъ...

Христина. Почему?...

Мавра. Конечно, вы у дверей подслушали, или въ замочную дырочку высмотрѣли?

Христина. Да, да! Только, пожалуй, бабушкѣ не сказывай.

Мавра. Эгакая воровочка! Я, право, и не думала, что за вами это ремесло водится! Что жъ онѣ говорятъ тамъ?

Христина. Вѣстникова уговариваетъ бабушку, чтобъ она за Молокососова меня выдала, а Чудихина отговариваетъ; онѣ двѣ спорятъ. А бабушка держитъ сторону Чудихиной и выдавать меня не хочетъ.

Мавра. Да вамъ въ этомъ и нужды нѣтъ. Вѣдь для васъ все равно: идти ли замужъ, или нѣтъ! Не правда ли?

Христина. То... такъ... однакожъ...

Мавра. Изрядно, изрядно, пойдемъ отсюда; я пойду къ нимъ и чѣмъ нибудь потщусь разорвать это сонмище.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чудихина *бѣжитъ*, а за нею Христина.

Чудихина. Ахъ! Погибла я!... Умереть мнѣ, умереть!... Ахъ... Ужъ умираю, чуть жива... чуть дышу... нѣтъ больше мочи!

(Кидается у кулисъ на кресла).

Христина. Что вамъ это сдѣлалось?

Чудихина. Проклятая Мавра меня уморила своими разсказами. Подумай, пожалуй, свѣтъ мой: я сижу, да гадаю въ карты, и въ самое то время, какъ у меня винновой-отъ король съ крестовою кралею передо мною лежали, и я тому порадовалась, а она и сказала, что я на томъ мѣстѣ сижу... Ахъ, тошно мнѣ! на томъ будто мѣстѣ, на которомъ человѣкъ, назадъ тому тридцать лѣтъ, умеръ.

Христина. Такъ развѣ вы этого боитеся?

Чудихина. Да какъ этого не бояться! Видно, что ты еще молодехонька и свѣта еще не знаешь. Я вѣдь испорчена, душа моя; злые люди меня смолоду испортили; всего боюся! Да какъ и не бояться? Вотъ гдѣ (*указываетъ на животъ*) у меня порча-то сидитъ и нынѣ.

Христина. Такъ вы животомъ недомогаете?

Чудихина. У меня, свѣтъ мой, въ животѣ щука; смолоду впустила ее туда мнѣ, сонной, мачиха моя,—она была колдунья и меня не любила,—а въ спину засадила мнѣ собаку, и когда онѣ тамо ссорятся, такъ я чувствую... таки точнешенько слышу, какъ щука хвостомъ хлестнетъ по собакѣ, а собака отгрызается и ворчитъ. Ужасть; какая у меня тогда боль сдѣлается! Охъ!... охъ!... Боюсь... умру... Вѣрно умру...

(*Христина, увидѣвъ, что у Чудихиной на концѣ шейнаго платка два маленькіе узелка завязаны*)

Христина. Что это за узелки, матушка, у васъ завязаны?

Чудихина. И... душа моя... ничего. Въ одномъ четверговая соль... а въ другомъ росной ладонъ, отъ уроковъ [1]).

(*Въ это время вынимаетъ платокъ изъ кармана, и съ нимъ выпадаютъ два корешка, крестъ на крестъ волосами перевязанные*).

---

[1]) „Урокъ“—тоже, что сглазъ—слѣдствіе суевѣрія, подъ вліяніемъ котораго полагали, что чужіе люди могутъ „испортить“ человѣка, посмотрѣвъ на него, и старались обезопасить себя окуриваніемъ ладономъ или четверговой солью.

Христина (*поднявъ*). А это что такое?

Чудихина. А это корешки, свѣтъ мой, на которыхъ нашептано. Я ихъ ношу всегда, чтобъ и меня таки любили.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежніе, Мавра.

Мавра (*Чудихиной*). Что, сударыня, вы такъ стонете?

Чудихина. Окаянная, ты меня разсказами своими уморила!

Мавра. Да можно ль было мнѣ вообразить, что вы отъ одного слова, которое ничего не значитъ, испугаетесь?

Чудихина. Ахъ! Умереть мнѣ нынѣшній годъ всемѣрно (*плачетъ*), всемѣрно умереть. Недаромъ третьяго дни курица у меня пѣтухомъ кричала. Я, правду сказать, приказала ее отъ того мѣста, гдѣ она сидѣла, чрезъ голову до порога кувыркать, чтобъ узнать, голову ли, или хвостъ у ней отрубить. Жеребій палъ на голову, и какъ мнѣ сказали, такъ велѣла ей отрѣзать голову. Хоть насѣдка и добра была, да провались она, свой животъ всего дороже! Однако мнѣ умереть... хоть еще и не такія лѣта... а многія живутъ себѣ... да веселятся... которымъ бы и давно уже умирать надобно. Охъ! охъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Вѣстникова, Ханжахина, Христина, Чудихина, Мавра.

Чудихина. Сядемте хоть здѣсь; Мавра, подай, на чемъ сѣсть.

Вѣстникова (*Маврѣ, не вслухъ*). Мавра, пошли къ Непустову, чтобъ онъ и съ Молокососовымъ поскорѣе сюда пріѣхалъ. (*Садятся. Мавра уходитъ. Чудихиной*): Неужто ты по сю пору не опомнилась, ништо тебѣ! Для чего ты отговариваешь сестрицѣ выдать внучку за Молокососова? Вотъ Богъ тебя за то наказалъ.

Чудихина. Я грѣшна! Что мнѣ дѣлать! Люблю разбивать свадьбы и признаюсь, что для меня ничего нѣтъ пріят-

нѣе, какъ видѣть въ сватаньѣ разладъ. Вѣдаю, что дурно это, да удержаться не могу: какъ-таки не промолвить словца? А молвится всегда худое. Я ужъ и отцу духовному не одинъ разъ въ этомъ каялась. Всѣхъ амурщиковъ я съ природы ненавижу, и гдѣ только ни услышу про любовь, такъ тутъ врагъ меня и всунетъ!

Вѣстникова. Ну, такъ я тебя утѣшу. Вѣдь у Принковой разошелся ладъ съ Краткобрадымъ. Мужъ свѣдалъ и, сказываютъ, жену то прибилъ, да и бросилъ; а никто не знаетъ, какой дьяволъ ему на ухо шепнулъ. Кажется, онъ не изъ премудрыхъ и передъ ногами мало видитъ, а жена-то сама у себя... какъ бы ему догадаться?... Не вѣдаю.

Чудихина. А я такъ вѣдаю, да и не дешево мнѣ стало это знать.

Вѣстникова. Скажи, пожалуй, какъ?

Чудихина. Я согрѣшила, окаянная: научила своего дворецкаго, чтобъ онъ подкупилъ ихъ людей. Онъ это сдѣлалъ, а люди все и проболтали... Высказали, гдѣ у нихъ съѣзды, какъ и долго ли они видятся. А послѣ я сама посылала за ними своего человѣка верхомъ—подсматривать, и знала всегда о нихъ свиданьи. Потомъ удалось мнѣ и письма ихъ получить въ свои руки, да какъ мнѣ до нихъ нужды нѣтъ, такъ я чрезъ третьи руки приказала ихъ вмѣсто жены отдать мужу. Вѣдь все равно, у жены ли они, или у мужа въ рукахъ: одинъ домъ, одна семья.

Вѣстникова. Да тебѣ что въ томъ прибыли? Ни она твоя дочь, ни она твоя племянница; кто тебя къ ней приставилъ? Ну, пусть бы поразсказать кому, это иное дѣло: слово на вороту не виситъ. А то... отдать мужу письма! На что это?

Чудихина. Можно ли этакій срамъ въ городѣ терпѣть? Никто за этакими пакостями не смотритъ; вчужѣ, право, досадно. Однакожъ я сдѣлала по своему: таки какъ разорвала, такъ разорвала; а право, мой свѣтъ, сто рублей мнѣ

это стало! И жаль денегъ-то; да радуюсь, что удалось... Боялись же они меня очень.

Ханжахина. Сто рублей! Куда какая бѣда! Какая ты мотовка! Не диво, что у тебя почти никогда копѣйки въ домѣ нѣтъ. Лучше бъ ты сто-то рублей отдала въ ростъ; такъ однихъ указныхъ процентовъ дошло бы тебѣ по полтинѣ съ рубля въ мѣсяцъ, а закладъ закладомъ.

Чудихина. Что мнѣ въ полтинѣ? Свое удовольствіе стоитъ полтины. Чѣмъ нынѣче позабавиться? Вѣдь и такъ въ безконечной живемъ скукѣ и печали; таки нигдѣ радости-то нынче не увидишь! Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ, и науки-то чужія врагъ къ намъ принесъ, такъ все стало и дурно, и время-то безтолково. Охъ-хо-хо! Хоть бы эту-то горесть ужъ съ рукъ сбыть, да пристроить бы малаго-то куда нибудь къ мѣсту! Николашку-то моего бѣднаго... Онъ меня съѣдаетъ.

Вѣстникова. Вѣдь время еще не ушло. Сынъ твой Николашка еще молодъ.

Чудихина. Осьмнадцать уже лѣтъ, матушка.

Вѣстникова. А собою очень хорошъ.

Чудихина. Хорошъ, по несчастію! Ты не повѣришь, сколько и пригожство-то его мнѣ слезъ навело. Кто не увидитъ, всякъ ему дивится: куда какъ хорошъ, куда какъ пригожъ! Всякій это и говоритъ: а онъ урочливъ, мой свѣтъ, такъ урочливъ [1]), что нельзя больше. То и дѣло, и я, и мама попеременно его слизываемъ... Только и то уже не помогаетъ. Не одну уже и огневую [2]) онъ схватилъ отъ уроковъ и отъ пригляда.

Ханжахина. Да ты бъ лучше за нимъ смотрѣла, да не всюду бы пускала, такъ и онъ бы, и лошадки-то бы здоровы были.

Чудихина. И такъ, кажется, какъ глазъ свой его берегу.

---

[1]) „Урочливый", котораго легко сглазить.

[2]) „Огневая" болѣзнь—горячка.

Во всю зиму съ лежанки онъ у меня не сходитъ, а когда боленъ, то, кромѣ блиновъ и сластей, ничѣмъ не кормлю. Одинъ разъ такъ-то въ болѣзни невѣсть какъ захотѣлось ему теши съ кислыми щами; это любимое его кушанье, да еще тѣльное также онъ любитъ; однако я не дала, какъ онъ ни сердился. Какъ не беречь, свѣтъ мой? Онъ у меня одинъ, какъ порохъ въ глазу! Еще до самой прошлой осени все мама у него въ головахъ спала, чтобы таки и ночью бъ-то чего не причудилось. Больше никакъ уже смотрѣть нельзя; а онъ совсѣмъ тѣмъ все худѣетъ, все печалится. Вѣдь онъ здѣсь въ командѣ, такъ нападки на него великія...

Вѣстникова. Отъ кого нападки?

Чудихина. Отъ командировъ. Онъ въ Питерѣ-то не бывалъ, а все въ здѣшней командѣ числится; да не могу выпросить, чтобъ и капраломъ-то его сдѣлали. Ужъ я и даривала, кому надлежитъ, да все не помогаетъ: говорятъ, что неграмотенъ; а онъ, мой голубчикъ, и азбуку уже доучилъ, да скоро и часословъ начнетъ.

(*Христина, закрываясь, смѣется а, Ханжахина говоритъ*)

Ханжахина. Ты чему, матка моя, смѣешься?

Христина. Да какъ, бабушка сударыня, не смѣяться: восьмнадцати лѣтъ парень часовникъ учитъ! Вѣдь онъ не дѣвушка, ему не стыдно умѣть письма писать.

Ханжахина. А ты бъ этого не примѣчала! Перестань!

Чудихина. Кабы и у меня дочь была, меньше бы и я имѣла заботы. На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до пятидесяти лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно что! нынѣче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ... Быть добру! А (*Христинѣ*) ты еще молоденька; тебѣ бъ и не надобно надъ нами, старушками, смѣяться; сама, мой свѣтъ, стара будешь... Эхъ! какъ я засидѣлась! А мнѣ пора

ѣхать, нужда великая! Надобно мѣстахъ въ двухъ побывать, да кое о чемъ поговорить. Прощайте.

(Поклонясь, уходитъ).

Ханжахина (*вслѣдъ*). Прости, Богъ съ тобой! Не забудь, что услышишь, и намъ сказать.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вѣстникова, Ханжахина, Христина.

Вѣстникова. Насилу эту дуру выжили.

Ханжахина. За что ты ее бранишь, сестрица?

Вѣстникова. За то, что она вздоръ несетъ, а тебя, сестрица, съ пути сбиваетъ.

Ханжахина. Да вѣдь и сама ты давича отговаривала мнѣ выдавать внучку за Молокососова; за что жъ теперь всю вину кладешь на Чудихину? Куда, сестрица, какъ ты вѣтрена!

Вѣстникова. Ужъ будто я вѣтрена! Я немножко жива только. Да какъ бы то ни было, оставимъ это. Христина родилась въ сорочкѣ, ты это сама мнѣ сказывала; а Молокососовъ и хорошъ, и пригожъ, и богатъ, и знатенъ, такъ чего жъ этого лучше! она и будетъ счастлива.

Ханжахина. Да, сестрица, у меня у самой пятнадцать было дѣтокъ, считая и отца Христинина, да всѣ за грѣхи мои померли. Одна она отъ покойнаго сына моего Василья осталась, да, правду сказать, и родилась она со всѣми счастливыми примѣтами, и въ сорочкѣ, и въ волоскахъ, и три раза, родясь, прокричала, и для того, сестрица, я всю надежду мою на старости въ ней полагаю. Правду сказать, было у меня и шестнадцатое дитя, да то не кормилецъ.

Вѣстникова. И, сестрица! Какъ ты мнѣ никогда этого племянничка-то не показала, я бъ... Да вонъ г. Непустовъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Ханжахина, Вѣстникова, Христина, Непустовъ.

Вѣстникова. Добро пожаловать, сударь; сестрица моя желаетъ васъ видѣть, чтобъ окончить начатое дѣло.

Непустовъ. Мнѣ весьма это пріятно, сударыня; а паче, что намъ нельзя долѣе здѣсь жить. И давича бъ къ концу мы пришли, если бъ вы этого молодого человѣка столько не оскорбили.

Вѣстникова. И, батька! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

Ханжахина. Да, хорошо бъ сегодня окончить! И я съ благословеніемъ Божіимъ сама того желаю, только одно меня страшитъ...

Непустовъ. А что жъ бы это такое? Чего вы опасаетесь?

Ханжахина. Сегодня вѣдь понедѣльникъ, да къ тому жъ и первое число мѣсяца, а я ничего въ такіе дни никогда не начинаю. Примѣта худа! Много образцовъ бывало, да и покойный мой мужъ меня утвердилъ въ этомъ; за десять лѣтъ до смерти своей, помяни его Господи! предсказалъ онъ однажды въ понедѣльникъ, что онъ умретъ. А то и сбылось!

Непустовъ. Да это дѣло надлежитъ окончать, а не начинать сегодня.

Вѣстникова. Это правда, сестрица, сватовство то вѣдь не сегодня началось! Такъ скажи начисто, отдаешь ли ты за Молокососова внучку, или нѣтъ? Но вотъ онъ и самъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ханжахина, Вѣстникова, Христина, Непустовъ. Молокососовъ, Мавра.

Молокососовъ. Я бы не осмѣлился, сударыня, еще разъ передъ вами показаться, если бъ другъ мой не увѣдомилъ меня, что вамъ это противно не будетъ.

Вѣстникова. Полно, батька мой, объ этомъ говорить; старое все позабыто. Скажи-тко намъ, имѣешь ли ты прежнее намѣреніе жениться?

Молокососовъ. Я бъ весьма былъ счастливъ, если бъ желаніе мое исполнилось и могъ бы я получить соизволеніе отъ той, въ чьей власти и невѣста моя, и благополучіе мое состоитъ.

Вѣстникова (*Ханжахиной*). Слышишь ли ты, сестрица? Что жъ ты не отвѣтствуешь? Видишь ты, какой это изрядный молодецъ!

Ханжахина. Я еще и съ Христиною не поговорила, вѣдь надобно и ее спросить, не противенъ ли ей женихъ-атъ?

Вѣстникова. Какъ быть противну? Я бъ право и сама его полюбила—таковъ-то онъ! Однако спросимъ Христину. (*Христинѣ*) Христинушка, не противенъ ли тебѣ суженый, котораго мы тебѣ выбрали?

Мавра. Я за нее отвѣтствую, сударыня, что она изъ воли бабушкиной не выступитъ.

Вѣстникова. Да для чего жъ ты, душа моя, сама не говоришь? Скажи, милъ ли онъ тебѣ?

(*Между тѣмъ Ханжахина шепчетъ*).

Христина. Воля бабушкина, сударыня.

Вѣстникова. Да долго ли этому быть, сестрица? Нутка, благословясь, да рука въ руку. (*Беретъ Ханжахиной руку и даетъ ее насильно Непустову*). А я за тебя скажу: господинъ Непустовъ, сестра моя согласна; внучку свою отдаетъ за господина Молокососова и, при благословеніи Божескомъ, жалуетъ ей въ приданыя пятьдесятъ тысячъ рублей: это уже я давно знаю.

Ханжахина (*дергая Вѣстникову за платье*). Сестрица, съ умомъ ли ты? Этого много. Я не могу столько дать. Охъ! бѣдная я!...

Молокососовъ. Не приданое меня прельщаетъ, сударыня; вы хоть столько дайте, хотя нѣтъ, для меня все равно; лишь только внукомъ своимъ меня называйте.

Ханжахина. Ну... быть такъ... что дѣлать, разставаться съ деньгами... разставаться съ душею... Христина... охъ... горе мнѣ! Христина, вотъ тебѣ женихъ!

Непустовъ. Для прекращенія лишнихъ убытковъ, не согласитесь ли, сударыня, въ будущую среду въ моей Подмосковной сдѣлать свадьбу?

Ханжахина. Хорошо, батюшка, я согласна. Середу я наче прочихъ дней отмѣнно всегда любила; да вѣдь и кошть-атъ вашъ тамо будетъ. Мнѣ не изъ чего, право, не изъ чего дѣлать теперь банкетовъ.

Непустовъ. Объ этомъ не заботьтесь, сударыня.

Ханжахина (*Молокососову*). Да деньги-то приданыя отдашь ли въ ростъ? Вѣдь не шутка, мой свѣтъ! Пòтомъ они наживаны... пòтомъ... Охъ!

Вѣстникова. Полно объ этомъ говорить, пойдемъ рядную писать. Да въ крестовой священникъ есть, такъ благословясь, да помолвимъ.

Ханжахина. Ну... чтожъ дѣлать... пойдемте. (*Отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Мавра (*одна*). Вотъ такъ нашъ вѣкъ проходитъ! Всѣхъ осуждаемъ, всѣхъ цѣнимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ и злословимъ, а того не видимъ, что и смѣха и осужденія сами достойны. Когда предубѣжденія заступаютъ въ насъ мѣсто здраваго разсудка, тогда сокрыты отъ насъ собственные пороки, а явны только погрѣшности чужія: видимъ мы сучекъ въ глазу ближняго, а въ своемъ—и бревна не видимъ.

Объяснительныя статьи.

I. Педагогическія сочиненія Екатерины II.

Н. А. Лавровскаго.

Всматриваясь въ содержаніе всѣхъ руководствъ Екатерины II, мы замѣчаемъ въ нихъ два главныя явленія: 1) постепенность въ распредѣленіи матеріала, соразмѣряемую, хотя болѣе съ внѣшней стороны, съ постепенностью въ развитіи дѣтскихъ понятій и 2) рѣшительно преобладающій нравоучительный, назидательный характеръ.

Постепенность въ распредѣленіи матеріала замѣтна и по отношенію ко всѣмъ сочиненіямъ вообще, и по отношенію къ каждому изъ нихъ отдѣльно. Въ первомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, ихъ должно распредѣлить въ слѣдующемъ порядкѣ: Сказки о царевичѣ Февеѣ и царевичѣ Хлорѣ, Выборныя россійскія пословицы, Гражданское начальное ученіе, Продолженіе начальнаго ученія и Записки первой части. Такой порядокъ отличается отъ порядка, въ какомъ перечислены самою императрицею тѣ же сочиненія въ Инструкціи. Но съ перваго же взгляда можно замѣтить, что, при перечисленіи ихъ въ Инструкціи, императрица вовсе не имѣла въ виду послѣдовательности ихъ распредѣленія. Такъ, Продолженіе начальнаго ученія, которое, по самому своему названію, а по содержанію еще болѣе, должно непосредственно слѣдовать за Гражданскимъ начальнымъ ученіемъ, въ Инструкціи отдѣлено отъ послѣдняго пятью сочиненіями; то же должно сказать о „Запискахъ первой части“ по отношенію къ Продолженію начальнаго ученія; сказки о царевичѣ Февеѣ и о царевичѣ Хлорѣ, и по содержанію и по формѣ, очевидно, принадлежащія къ одному и тому же разряду, также отдѣлены одна отъ другой четырьмя сочиненіями. Императрица и не имѣла нужды въ этомъ заботиться о порядкѣ въ ихъ перечисленіи, потому что главный періодъ образовательнаго вліянія этихъ книгъ уже прошелъ, и ея воспитанники, какъ она сама выражается, „читали и перечитывали тѣ книжицы, и правила тѣ уже въ нихъ вселены и имъ свойственны и привычны“. Въ Инструкціи она вмѣняетъ только въ обязанность приставникамъ, при удобныхъ случаяхъ, напоминать дѣтямъ заключающіяся въ этихъ книгахъ правила и ссылаться на нихъ, какъ было прежде, справедливо утверждая, что тѣ начертанныя правила и впредь во многихъ случаяхъ годиться могутъ. Порядокъ же, предложенный нами, основанъ на существѣ содержанія и формѣ, въ какую оно облечено. Съ этой точки зрѣнія, сказкамъ неотъемлемо принадлежитъ первое мѣсто по

времени. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ и характеръ дѣтской природы, и характеръ сказокъ. Излишне распространяться здѣсь объ общеизвѣстной наклонности дѣтей къ сказкамъ, особенно съ примѣсью чудеснаго, вслѣдствіе весьма сильнаго и понятнаго развитія воображенія. Такая наклонность дѣтей объясняется не только ихъ природою и существомъ содержанія сказокъ, но и формою послѣднихъ. Дѣйствительно, форма разсказа есть самая удобная и самая доступная для первоначальнаго дѣтскаго пониманія. Здѣсь вся работа дѣтскаго ума и воображенія состоитъ въ наблюденіи за нитью разсказа посредствомъ простого присоединенія послѣдующаго явленія къ предыдущему; здѣсь явленія слѣдуютъ одно за другимъ, смѣняютъ другъ друга и потому не требуютъ для своего усвоенія особенной силы вниманія и особеннаго напряженія умственныхъ способностей вообще. Форма описанія уже требуетъ болѣе усилія отъ дѣтскаго ума, потому что въ ней явленія сопоставляются между собою, и ребенку необходимо одновременно и совокупно представить ихъ въ своемъ воображеніи, чтобы усвоить себѣ данное изображеніе. Если бы императрица намѣренно и не назначила сказкамъ перваго мѣста, то уже самый интересъ дѣтей упрочилъ бы за ними это первенство, особенно если принять во вниманіе главное положеніе, принятое при ихъ обученіи: не допускать ни малѣйшаго принужденія и все представлять собственной ихъ охотѣ. Разсматривая же остальныя сочиненія, всякій легко убѣдится, что содержаніе ихъ расположено въ порядкѣ отъ легчайшаго къ труднѣйшему, отъ краткихъ изреченій и разсказовъ къ болѣе пространнымъ, отъ предметовъ, окружающихъ дѣтей, къ общимъ опредѣленіямъ; всякій, впрочемъ, въ то же время убѣдится, что это восхожденіе отъ легчайшаго къ труднѣйшему основано не столько на сущности сообщаемыхъ свѣдѣній, сколько на степени ихъ краткости, не столько на содержаніи ихъ, сколько на объемѣ. Такъ, „Начальное гражданское ученіе“ состоитъ изъ краткихъ изреченій, вопросовъ и отвѣтовъ въ

двѣ-три строки, между тѣмъ какъ въ „Продолженіи начальнаго ученія“ встрѣчаются разсказы и даже общія опредѣленія значительнаго объема; еще пространнѣе изложеніе въ Запискахъ, гдѣ уже и самое содержаніе свѣдѣній представляетъ отличный характеръ. Нельзя однако утверждать, чтобы то же начало господствовало въ распредѣленіи свѣдѣній и по отношенію къ самому существу послѣднихъ. Яснымъ доказательствомъ отсутствія такого начала въ послѣднемъ отношеніи служитъ то, что во всемъ „Начальномъ ученіи“ нѣтъ ни одного разсказа, и только восемь вопросовъ, относящихся къ общеполезнымъ свѣдѣніямъ: все остальное состоитъ изъ краткихъ изреченій исключительно нравственнаго содержанія. Понятно, что нравственныя изреченія, и притомъ облеченныя въ сжатую форму, съ одной стороны, наименѣе доступны дѣтскому разумѣнію, съ другой—наименѣе способны возбуждать, привлекать и питать вниманіе дѣтей. Нравственное изреченіе, какъ нравственное положеніе, есть высшее отвлеченіе изъ множества отдѣльныхъ дѣйствій; изреченія же Платона, Аристотеля, Діогена, Ксенократа, Віаса, Анаксагора, Хрисиппа, приведенныя въ „Начальномъ ученіи“, заключаютъ въ себѣ сущность ихъ продолжительныхъ и глубокихъ умозрѣній. Можно ли предлагать подобныя свѣдѣнія дѣтямъ въ самую начальную пору ихъ умственнаго развитія, можно ли ожидать отъ дѣтей сознательнаго ихъ усвоенія и заключается ли въ нихъ хотя небольшая доля интереса для дѣтей? Отвѣтъ такъ ясенъ, что всякое разсужденіе оказывается излишнимъ. Ребенокъ, ограничивающій всю свою духовную дѣятельность созерцаніемъ и воспріятіемъ отдѣльныхъ чувственныхъ предметовъ, съ трудомъ отличающій одно отъ другого отдѣльныя дѣйствія, читая подобныя изреченія: „всякому младенцу предлежатъ два великіе пути: первый—справедливости, второй—любви къ ближнему; не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было“ и т. д., рѣшительно неспособенъ сознательно усвоить себѣ ни содержанія предлагаемыхъ изреченій, ни

цѣли, для которой принуждаютъ ихъ читать, говорю—принуждаютъ, потому что нѣтъ никакой надежды, чтобы онъ самъ съ охотою принялся за ихъ чтеніе. А что сказать о слѣдующихъ изреченіяхъ, заимствованныхъ, большею частью, изъ Наказа: „всякъ, въ обществѣ живущій, подверженъ общественнымъ законамъ; все, что въ законѣ называется наказаніе, дѣйствительно не что иное есть, какъ трудъ и болѣзнь; власть судейская состоитъ въ исполненіи законовъ“ и т. д. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что упомянутое выше начало не принято въ основаніе при распредѣленіи матеріала соотвѣтственно постепенному развитію умственныхъ способностей дѣтей, что это начало не было сознано императрицею во всей его высокой педагогической важности, а усвоена и понята только внѣшняя его сторона. Если справедливы эти соображенія, то, безъ сомнѣнія, будетъ справедливо и то, что пословицы, въ силу внѣшней стороны того же начала, должны занять первое мѣсто въ ряду всѣхъ нравственныхъ изреченій и положеній. Выражая также нравственное положеніе, облеченное въ сжатую и легкую форму, онѣ представляютъ и то преимущество для начальнаго чтенія, что созвучіе, заключающееся въ большей ихъ части, весьма облегчаетъ ихъ усвоеніе и сохраненіе въ памяти. Въ пользу этой мысли говоритъ и то обстоятельство, что въ сочиненіи Базедова—Elementarwerk отдѣлъ нравоученія именно начинается пословицами (Lehren in Sprüchwörtern); мы уже говорили выше о несомнѣнномъ знакомствѣ императрицы съ этимъ сочиненіемъ. О преобладаніи нравоучительнаго характера пословицъ и гражданскаго начальнаго ученія можно заключить изъ сказаннаго нами. Тѣмъ же характеромъ отличаются сказки, „Продолженіе начальнаго ученія“ и „Записки первой части“.

Обѣ сказки—о царевичѣ Февеѣ и о царевичѣ Хлорѣ, по смыслу своего содержанія, направленію и характеру, весьма сходны между собою и отличаются, главнымъ образомъ, формою разсказа: первая въ простой, а вторая въ аллего-

рической формѣ изображаютъ идеалъ молодого царевича, тщательно воспитаннаго въ правилахъ добродѣтели и, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ и искушеніямъ, идущаго прямою дорогою къ указанной ему цѣли — той же добродѣтели. Господствующая идея ихъ одна: добродѣтель, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ въ дѣйствіяхъ человѣческихъ, должна составлять все содержаніе и всю цѣль жизни человѣка, она одна можетъ даровать истинное и полное счастье, а потому къ ней должны быть направлены и воспитаніе, и образованіе, какъ единственно надежныя средства для заготовленія упомянутаго содержанія жизни и для сообщенія достаточной силы къ достиженію упомянутой цѣли. Это—та идея, которая положена въ основаніе всѣхъ педагогическихъ сочиненій Екатерины II и которая сообщаетъ имъ нравственный характеръ. Но обѣ сказки, сближаясь по сущности самой идеи, различаются между собою по характеру и полнотѣ ея выраженія. Первая олицетворяетъ добродѣтель въ самомъ царевичѣ и представляетъ, такъ сказать, ея развѣтвленія на отдѣльныя нравственныя качества и дѣйствія; вторая представляетъ добродѣтель внѣ его, вдали, какъ отдаленную цѣль его стремленій, рисуетъ жилище добродѣтели и путь къ ней, усѣянный терніемъ и исполненный трудовъ, препятствій и искушеній,—и по этому пути ведетъ царевича къ цѣли. Первая изображаетъ царевича уже во владѣніи добродѣтелью и самое овладѣніе, какъ дѣйствіе, уже совершившееся; вторая изображаетъ самый процессъ овладѣнія добродѣтелью. Первая представляетъ осуществленіе добродѣтели подъ вліяніемъ непрерывнаго и заботливаго воспитанія и образованія; вторая изображаетъ ту же добродѣтель, пріобрѣтаемую въ самой жизни, въ борьбѣ духа съ внѣшними и внутренними препятствіями. Естественно, что въ послѣдней добродѣтель представляется прочнѣе, полнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ первой; самое содержаніе, по своей изобрѣтательности, и самая форма, по своей иносказательности, заключаетъ въ себѣ болѣе интереса, способнаго за-

пять вниманіе дѣтей, если не возбудить ихъ нравственнаго чувства. Съ другой стороны, также естественно, что первая сказка заключаетъ въ себѣ болѣе указаній на ходъ воспитанія и образованія, а слѣдовательно точнѣе и непосредственнѣе обнаруживаетъ воспитательныя убѣжденія императрицы. Приведемъ здѣсь существенныя черты этихъ двухъ идеаловъ воспитанія и образованія въ добродѣтели, потому что онѣ, въ своей совокупности, выражаютъ сущность педагогическаго взгляда императрицы и вмѣстѣ служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ статьѣ Инструкціи о добродѣтели.

Понятія свои о первоначальномъ воспитаніи Екатерина II ясно высказала въ сказкѣ о царевичѣ Февеѣ, а потому и не возвращалась къ тому же предмету въ другой сказкѣ. Дитя, по рожденіи, передано было на руки мамы, вдовы разумной, особенное достоинство которой состояло въ умѣньи открывать причину крика и плача. Царевича „не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали никакъ и никогда, кормили же его порядочно и во время“. Спустя шесть недѣль, его клали каждый день по нѣсколько разъ на пестрый съ цвѣтными разводами коверъ, чтобы дать ему свободу движенія и упражненія рукъ и ногъ: „по маленьку повадился упираться ручками и ножками, и вскорѣ всталъ на ноги, ходилъ прежде года по стѣнкѣ, а потомъ по горницѣ“. Съ этого времени начинается намѣренное дѣйствіе на него, съ цѣлью развитія его духовныхъ способностей—и первымъ образовательнымъ средствомъ были игрушки, приспособленныя къ означенной цѣли: „онѣ давали ему спознаніе всего того, что его окружало въ свѣтѣ семъ, и его понятію дѣтскому сходственно было“. Плодомъ этого намѣреннаго дѣйствія было то, что царевичъ Февей, „не умѣя еще говорить, самъ себѣ дѣлалъ означеніе всего того, что хотѣлъ изъяснить, и даже до азбучныхъ словъ зналъ; когда у него спрашивали, гдѣ которая литера, то указывалъ“. Послѣдняя мысль могла бы показаться сказочною, если бы она не оправдывалась господствовавшими въ то время понятіями о первоначальномъ воспитаніи. Съ

половины истекшаго столѣтія, когда началось сильное движеніе въ области педагогики, когда прежнія педагогическія убѣжденія и практика подверглись тщательному и строгому пересмотру, а вслѣдъ затѣмъ и отрицанію, смѣнившее ихъ новое воззрѣніе, не ограничиваясь отрицаніемъ, озаботилось установленіемъ новаго, разумнаго порядка въ той же области, и естественно начало свое зданіе съ основанія, обратившись къ первоначальной порѣ дѣтскаго развитія. Первые опыты новыхъ стремленій, какъ и должно было ожидать, не были свободны отъ увлеченія и крайности. Воспитаніе самаго младенческаго возраста, предоставленное болѣе надежному надзору матерей и менѣе надежному наемному надзору, совершавшееся по преданію и богатое предразсудками, ложными пріемами и вредными вліяніями, обратило на себя слишкомъ усердное вниманіе педагоговъ. Плодомъ этого вниманія была подробная инструкція, положительно опредѣлявшая порядокъ, характеръ и цѣль для того и другого надзора, инструкція, основанія которой составляли неумѣренныя требованія отъ духовной природы дѣтей, подчиненной въ эту пору процессу тѣлеснаго развитія. Обученіе, ложное по взгляду на его образовательное значеніе, а слѣдовательно по существу и порядку его дѣятельности, ложное по его суровой и жестокой дисциплинѣ, ложное по времени его начала, вызвало такое же усердіе, сопровождавшееся такими же послѣдствіями: прежняя дидактика, ограничивавшаяся сообщеніемъ положительныхъ знаній, безъ мысли о ихъ примѣненіи къ жизни, безъ мысли о ихъ образовательномъ значеніи, вслѣдствіе упомянутаго движенія, вдругъ устремилась въ обратную сторону— и формальная цѣль стала первою и послѣднею цѣлію обученія; не самыя познанія, а развитіе посредствомъ ихъ способностей, и преимущественно разсудка, стало первою и послѣднею заботою возрожденной къ новой жизни дидактики. Мрачная, вооруженная бичемъ и розгами дисциплина, отбросивъ свои аттрибуты, ужасавшіе столько вѣковъ невинное дѣтство, вдругъ преобразилась въ игривую и веселую собесѣдницу

дѣтей; игра стала исключительнымъ средствомъ для передачи и знаній, и нравственныхъ убѣжденій. Начало обученія, въ наибольшей части случаевъ, встрѣчавшее ребенка у порога школы, вдругъ передвинулась къ самому дню его рожденія: въ первые мѣсяцы своей жизни онъ долженъ былъ подвергнуться операціи пресловутаго воззрительнаго обученія и, вмѣсто колыбельныхъ пѣсенъ, слушать произносимые предъ нимъ въ порядкѣ азбучные слоги. Вотъ въ какую пору развитія педагогики жила и дѣйствовала въ той же области императрица,—и мы уже неоднократно имѣли случай убѣдиться, что это новое направленіе не только не было ей чуждо, но что она усвоила изъ него все существенное, если не сказать—все лучшее. Послѣ этого, конечно, никому не покажется удивительнымъ, если приведенная выше мысль объ обученіи царевича Февея, не умѣвшаго еще говорить, найдетъ себѣ подтвержденіе въ сочиненіяхъ лучшихъ, представительныхъ педагоговъ того времени. „Въ началѣ жизни (когда ребенокъ еще не говоритъ), говоритъ Руссо, когда память и воображеніе еще не дѣйствуютъ, должно обращать его вниманіе на то, что дѣйствуетъ на его чувственные органы. Такъ какъ ощущенія составляютъ первый матеріалъ его познаній, то требуется представлять ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, приготовлять его память къ тому, чтобы она впослѣдствіи въ томъ же порядкѣ представила свои пріобрѣтенія уму“. Въ этомъ смыслѣ должно понимать одну изъ основныхъ мыслей Руссо, что воспитаніе начинается съ самаго рожденія: прежде чѣмъ ребенокъ говоритъ, слышитъ, онъ уже обучается. Того же, и еще настоятельнѣе, требуетъ Базедовъ, составившій задолго до Песталоцци особое руководство для матерей, подъ заглавіемъ: Methodenbuch. „Все, что ребенокъ (der Säugling) видитъ и слышитъ, говоритъ онъ, должно быть въ своемъ родѣ такъ пріятно, послѣдовательно и цѣлесообразно, какъ каждое семейство, по обстоятельствамъ, можетъ устроить. Сужденіе его, что это должно быть сдѣлано такъ, а не иначе, или что это справедливо или несправедливо, ранѣе разви-

вается въ его мысляхъ, чѣмъ въ языкѣ... Часть дня должна быть назначена для дѣтей, даже не умѣющихъ говорить; она будетъ опредѣленнымъ временемъ (я назову его учебнымъ временемъ) для обращенія съ дѣтьми по плану; въ это время учебное обращеніе съ ними будетъ намѣреннымъ, главнымъ занятіемъ". Вслѣдъ за тѣмъ Базедовъ излагаетъ и свой способъ учебнаго обращенія съ дѣтьми. Такъ же поступалъ и Вольке съ девятимѣсячною Эмиліей, дочерью Базедова, употребляя ежедневно полтора часа для воспитательныхъ упражненій.—„Я училъ ее, по опредѣленному выбору и порядку, разнымъ предметамъ, показывая ихъ ей и ясно и раздѣльно называя" и т. д. Увлеченіе знаменитаго Песталоцци въ томъ же отношеніи извѣстно.—По истеченіи трехъ лѣтъ, царевичу привили оспу, послѣ чего еще болѣе усилилась его любознательность: „самъ собою, безъ принужденія, выучился читать, писать и цифры". Таковы убѣжденія императрицы о первоначальномъ воспитаніи, вполнѣ согласныя съ современными ей педагогическими убѣжденіями; только что высказались послѣднія, какъ и были усвоены ею и примѣнены къ дѣлу.

Что касается до нравственнаго воспитанія, то оно въ сущности тоже, какое императрица высказала въ Инструкціи Салтыкову. Вотъ идеалъ благовоспитаннаго царевича, предложенный въ примѣръ в. князьямъ. „Царевичъ имѣлъ доброе сердце, былъ жалостливъ, щедръ, послушливъ, благодаренъ, почтителенъ къ родителямъ и приставникамъ своимъ; онъ былъ учтивъ, привѣтливъ и съ доброхотствомъ ко всѣмъ людямъ, не спорливъ, не упрямъ, не боязливъ, повиновался всегда и вездѣ истинѣ и здравому разсудку, любилъ говорить и слушать правду, лжи же гнушался, даже и въ шутку не употреблялъ". Если мы присоединимъ сюда слова Рѣшемысла о томъ же царевичѣ, то будемъ имѣть довольно полное понятіе о томъ, что императрица почитала главнымъ содержаніемъ нравственнаго воспитанія: „наипаче Февей имѣетъ достохвальный даръ, говоритъ Рѣшемыслъ, разговаривая съ

кѣмъ, вести рѣчь такъ, будто ищетъ онъ твоего благоволенія и не даетъ тебѣ малѣйшаго знака, чтобъ говорилъ съ тобою изъ одной милости; въ царевичѣ нѣтъ надменности, онъ любитъ ближняго какъ самого себя, и бывъ самъ человѣкъ, когда съ кѣмъ говоритъ, то помнитъ, что говоритъ съ человѣкомъ; всякъ же изъ насъ, говоря съ нимъ и впервые, чувствуетъ въ своей душѣ нѣкое ободреніе и довѣренность, кои Февей возбуждаетъ снисхожденіемъ и учтивостью, душѣ его природною". Изъ отдѣльныхъ нравственныхъ положеній, высказываемыхъ императрицею въ обѣихъ сказкахъ, и изъ отдѣльныхъ нравственныхъ дѣйствій, приписываемыхъ обоимъ царевичамъ, мы приведемъ наиболѣе замѣчательныя: въ свѣтѣ нѣтъ совершеннаго счастья; разсудокъ долженъ господствовать надъ страстями; жизнь должна быть дѣятельная; трудъ преодолѣвается терпѣніемъ; истинная добродѣтель прямодушна, не изгибается, не ласкательствуетъ; истинная добродѣтель идетъ прямою дорогой и руководится честностью и правдою и т. д. Послѣднее положеніе составляетъ основную мысль всей сказки о царевичѣ Хлорѣ и развито съ большимъ искусствомъ, особенно примѣнительно къ дѣтскому возрасту. Вообще если простота разсказа, совершенно доступная самому слабому разумѣнію, и непосредственное положительное правоученіе, хотя и въ примѣрѣ, составляютъ отличительныя свойства первой сказки, то картинность, изобразительность, живописность, съ одной стороны, и иносказательность правоученія, съ другой—преимущественныя свойства второй. Изобразительность нерѣдко такъ жива, что предметы, такъ сказать, сами выступаютъ предъ глаза дѣтей и требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія. Такъ изображена жизнь, представляющая безчисленныя пути каждому; лѣнивая и безпечная жизнь и, въ противоположность ей, полная дѣятельности и трудолюбія жизнь поселянъ. Естественно, что такая нравственная среда, въ которую поставлены императрицею ея образцы для подражанія, оба царевича, должна была проникать все ихъ существо. И дѣйствительно, всѣ

ихъ поступки—отраженіе совершеннѣйшей добродѣтели: оба они отличаются терпѣніемъ и твердостью во всѣхъ обстоятельствахъ, смиреніемъ, почтеніемъ къ старшимъ, повиновеніемъ, не искушающимися никакими соблазнами, безкорыстіемъ, человѣколюбіемъ и незлобіемъ, храбростью и неустрашимостью. Даже мысли императрицы касательно частныхъ явленій воспитанія, напр. ложнаго страха дѣтей, тѣ же, что и въ Инструкціи,—доказательство, что, еще задолго до составленія послѣдней, она усвоила опредѣленный взглядъ на ходъ воспитанія и оставалась вѣрною однажды составленнымъ педагогическимъ убѣжденіямъ. Такъ, царевича Хлора стращаютъ оборотить летучею мышью, коршуномъ, волкомъ, лягушкою, но „царевичъ небоязливъ былъ, посреди слезъ расхохотался такой нелѣпости“. Въ Инструкціи же читаемъ: „приставники ни въ какомъ случаѣ да не оказываютъ пустыхъ опасеній и страха, какъ-то напримѣръ: отъ грома, молніи, вѣтра, дождя или иной чрезвычайности, и чтобъ повадили дѣтей не опасаться пауковъ, мышей, собачья воя, качки кареты или лодки; также чтобъ видѣли, какъ лошади лягаютъ, топаютъ ногами и ржатъ, и чтобъ ко всему подходили“. Наконецъ, въ одной изъ сказокъ, нельзя не замѣтить намека на упомянутый нами выше недостатокъ общества того времени, именно на страсть къ путешествіямъ заграницу, безъ опредѣленной цѣли, по одному подражанію. Царевичъ Февей, лѣтъ пятнадцати, „сталъ скучать тихою, спокойною и одинокою жизнью отцовскаго дома, желалъ, чего самъ не зналъ, хотѣлъ видѣть пространный свѣтъ, что водится въ иной странѣ“. Рѣшемыслъ, по этому поводу, высказываетъ въ сущности ту же мысль о времени, пользѣ и цѣли путешествій, какую мы уже слышали изъ устъ Собрина, въ комедіи: „Разстроенная семья“. „Надежда Государь, призови царевича и скажи, что, любя его молодость, отпустить не можешь въ чужіе люди, пока опытами не докажетъ, сколько послушенъ онъ тебѣ, въ душѣ имѣетъ твердости, въ несчастіи терпѣнія, въ счастіи умѣренности, что онъ непрерывно

смѣлъ и щедръ, великодушенъ и кротокъ, да будетъ ему въ людяхъ честь и тебѣ хвала". Царевичъ остался дома.

Изъ предложеннаго обзора сказокъ видно, что нравственныя наставленія составляютъ все ихъ содержаніе, а нравоученіе—всю ихъ цѣль. Императрица и здѣсь осталась неизмѣнно вѣрною главному своему убѣжденію, положенному ею впослѣдствіи въ основаніи всей Инструкціи, что „кто отъ природы къ доброму и лучшему стремится, тотъ родился счастливъ, и что надлежитъ приступить къ основанію добродѣтелей полезныхъ душѣ отъ самаго младенчества". Нравоучительный характеръ до того господствуетъ въ сказкахъ, что заслоняетъ собою разсказъ, служащій только средствомъ, и тѣмъ самымъ ослабляетъ успѣхъ своего образовательнаго влiянія. Если императрица сознавала потребность облечь нравственныя правила въ форму сказокъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующую степени духовнаго развитія дѣтей, то въ то же время сознавала, разумѣется, и справедливость мысли, что неприкрытое, такъ сказать, правоученіе не способно возбуждать интереса дѣтей, а, слѣдовательно, и не способно съ успѣхомъ дѣйствовать на ихъ нравственность. Сказка должна заключать въ себѣ всѣ условія сказки, должна быть дѣйствительной сказкой, и по формѣ и по содержанію, а не по одному заглавію,—и тогда только она не замедлитъ обнаружить свое вліяніе на возбужденіе дѣтскаго вниманія.

Также господствующимъ является правоучительный характеръ и въ Продолженіи начальнаго ученія, хотя послѣднее, въ этомъ отношеніи, значительно отличается отъ Гражданскаго начальнаго ученія, не только по объему статей, но отчасти и по формѣ самого правоученія. Отличіе, главнымъ образомъ, состоитъ въ разсказахъ, заимствованныхъ изъ древней исторіи, не находящихся въ начальномъ ученіи, и въ опредѣленіяхъ, также съ назидательною цѣлью, различныхъ свойствъ и качествъ человѣка. Сюда относятся: съ одной стороны, извѣстный разсказъ о Кирѣ изъ Ксенофонтовой Киропедіи, разсказъ объ Александрѣ Македонскомъ,

Юліи Кесарѣ, о лакедемонцахъ; съ другой стороны, опредѣленія доброхотства, краснорѣчія, героя, остроумія, великодушія, бодрости духа. Все остальное — нравственныя положенія, изреченія того же содержанія великихъ мужей древности, общеполезныя свѣдѣнія — обще съ начальнымъ гражданскимъ ученіемъ. Относительно разсказовъ должно замѣтить, что выборъ ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ предположенной цѣли, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они заимствованы изъ царственнаго круга. Здѣсь только можно сказать то же, что было сказано выше, то есть, что исключительное господство правоученія въ разсказахъ, наполняющее собою все ихъ содержаніе, способно скорѣе ослабить, чѣмъ возбудить интересъ дѣтей: μηδὲν ἄναν—должно быть девизомъ всѣхъ дѣтскихъ книгъ этого направленія. Можно ли разсчитывать на охоту дѣтей читать разсказы, гдѣ они въ каждой строкѣ должны читать наставленія: „ты долженъ учиться прилежно, потому что ученіе полезно; ты долженъ вести себя благопристойно“ и т. д., а слѣдовательно, можно ли разсчитывать и на образовательность такихъ разсказовъ? Самое однообразіе направленія крайне утомительно для вниманія, и одно можетъ поручиться въ томъ, что ребенокъ по доброй волѣ не станетъ почерпать изъ такой книги разсѣянныхъ для него въ изобиліи правилъ добродѣтели. Между тѣмъ не только разсказы, но вообще и все продолженіе начальнаго ученія страдаетъ вреднымъ недостакомъ излишества правоученія. Приведемъ для образца нѣсколько строкъ изъ разсказа объ Александрѣ Македонскомъ. „Труды онъ сносилъ съ терпѣніемъ; праздность, роскошь и лишнія украшенія онъ презиралъ.—Александръ съ природы былъ уменъ; воспитаніе его сходствовало природнымъ его дарованіямъ; онъ основательно обучался разнымъ наукамъ. Учитель его былъ Аристотель философъ. Отъ различныхъ упражненій Александръ пріобыкъ къ трудолюбію. Самыя его игры и забавы не иныя были, какъ тѣ, кои придаютъ тѣлу силу, проворство и здравіе; прочія забавы мало уважалъ. Началъ

было учиться музыкѣ съ успѣхомъ, но когда отецъ его спросилъ: не стыдно ли ему столь искусно играть? уменьшилъ охоту въ такой наукѣ, на которую много времени для полученія искусства теряется безъ пользы иной, окромѣ забавы. Александръ, любя науки и научась отъ младости, а наипаче какъ владѣть самимъ собою, по мнѣнію многихъ, трудолюбіемъ, краснорѣчіемъ, великодушіемъ, воздержаніемъ, остроуміемъ, бодростью духа и неустрашимостью пріобрѣлъ не менѣе успѣха, нежели силою и орудіемъ однѣми ожидать можно было" и т. д. Здѣсь историческій разсказъ служитъ только канвою, которая по произволу украшается узорами правоученія. Впрочемъ, въ этомъ недостаткѣ можно обвинять только общее направленіе въ то время относительно книгъ этого рода, между тѣмъ какъ важныя достоинства разсказовъ: легкость, простота, ясность, живость и, наконецъ, подборъ мыслей, вполнѣ доступныхъ дѣтскому разумѣнію, неотъемлемо принадлежатъ императрицѣ. Тѣми же достоинствами отличаются и опредѣленія, что, по нашему мнѣнію, имѣетъ право на особенное вниманіе. Опредѣленіе есть самая трудная для дѣтскихъ понятій форма передачи какихъ-либо свѣдѣній: заключая въ себѣ объясненіе видового понятія чрезъ родовое, оно всегда ведетъ къ опредѣляемому неизвѣстному (видовому понятію) чрезъ неизвѣстное также родовое понятіе, тогда какъ, по общему закону, понятія развиваются путемъ отъ единичнаго, конкретнаго, къ общему и отвлеченному, слѣдовательно путемъ синтеза. А потому, если дѣтямъ неизвѣстно видовое понятіе, послѣднее едва ли когда можетъ быть объяснено при посредствѣ родового; въ ихъ сознаніи вовсе не уясняются понятія мухи, лошади, человѣка, когда говорятъ: муха есть насѣкомое, лошадь есть животное, человѣкъ есть существо разумное и т. д. Отсюда, между прочимъ, видно, какъ ложно и несоотвѣтственно естественному развитію понятій направленіе наибольшей части и наиболѣе употребительныхъ нашихъ руководствъ, начинающихся съ общихъ опредѣленій и раз-

вивающихъ ту или другую отрасль знаній путемъ строгаго анализа. И неужели такъ необходимо это обращеніе къ родовому понятію? Развѣ не легче достигнуть той же цѣли чрезъ перечисленіе и сопоставленіе частныхъ понятій и признаковъ, изъ болѣе или менѣе точной совокупности которыхъ слагается опредѣляемое понятіе? Согласны, что и этотъ путь труденъ для дѣтей, что ихъ умственная способность еще слишкомъ слаба, чтобы держать въ одно и то же время въ памяти всѣ слагаемыя и сводить ихъ въ одну логическую сумму: все же этотъ путь естественнѣе, какъ требующій сложенія извѣстныхъ для открытія искомаго неизвѣстнаго, а не разложенія неизвѣстныхъ для той же цѣли. Вникая въ характеръ опредѣленій, находящихся въ „Продолженіи начальнаго ученія“, мы замѣчаемъ, что они проведены последнимъ путемъ, и только можно опасаться за полноту содержанія такихъ понятій, каковы: великодушіе, остроуміе, бодрость духа, герой,—содержанія, слагающагося изъ частныхъ ихъ проявленій. Вотъ для образца нѣсколько опредѣленій. „Что есть герой? Герой есть тотъ, котораго многочисленныя дарованія естественныя суть совершеннѣе обыкновенныхъ людей, и который изъ всѣхъ оныхъ дарованій учинитъ употребленія столь же добрыя и полезныя, сколь дарованія его отличны суть. Таковые люди суть рѣдки; лучшій же изъ нихъ тотъ есть, котораго добродѣянія числомъ превосходятъ другихъ“. „Что есть остроуміе? Кажется, остроуміе составлено изъ чистаго понятія настоящаго положенія вещи: изъ проницательнаго обнятія какъ начала, такъ и слѣдствій оной, потомъ изъ точнаго, краткаго и сильнаго изъясненія отъ того происходящихъ справедливыхъ мыслей, разсужденій или заключеній“. „Что есть великодушіе? Великодушіе означивается дѣяніями при всякомъ маломъ или великомъ случаѣ; но таковыя дѣянія происходятъ отъ разныхъ качествъ, кои всѣ составляютъ великодушіе“, — и вслѣдъ за тѣмъ, на двухъ страницахъ, перечисляются эти разныя качества. Легко можно себѣ представить, какъ трудно

дѣтямъ изъ всѣхъ поименованныхъ проявленій великодушія составить ясное и раздѣльное понятіе о самомъ великодушіи, и наоборотъ, какъ легко, съ опущеніемъ нѣсколькихъ членовъ, составить сбивчивое и даже неправильное понятіе. Мы уже не говоримъ о томъ, дѣйствительно ли изъ этихъ и только ли изъ этихъ явленій слагается великодушіе; не говоримъ также о томъ, что самая отвлеченность понятій вызывала иногда и выраженія, превышающія дѣтское разумѣніе, напр. „рвеніе чувствъ и наклонность ко всему тому, что носитъ на себѣ красивый образъ добродѣтели или величественный видъ совершенства“. Замѣтна и неточность въ опредѣленіяхъ. Кто, напр., узнаетъ доброхотство въ слѣдующихъ словахъ: „оно веселитъ того, кто его оказываетъ, и того, кто его увидитъ или услышитъ; самая неблагодарность обращается доброхотству въ поощреніе“? Послѣднее опредѣленіе замѣчательно и потому, что изъ него можно извлечь заключеніе и о недостаткѣ углубленія въ предметъ опредѣленія: то же доброхотство вошло въ содержаніе понятія—великодушіе, но оно опредѣлено здѣсь иначе: „доброхотство неутомленно ища случай вездѣ вмѣстить добро и пользу, и ежечасно, хотя само себя не жалѣетъ ради того, но другихъ оберегаетъ и предохраняетъ отъ вреда, гдѣ къ тому способъ найдетъ“. Императрица сама понимала, что подобныя нравственно-отвлеченныя положенія не соотвѣтствуютъ понятіямъ дѣтей и не способны возбуждать ихъ интересъ: это видно изъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ она старалась, сколько было возможно, приблизить къ степени развитія дѣтей, представить ихъ въ болѣе наглядной формѣ посредствомъ сравненій, уподобленій и олицетвореній.

II. „Были и Небылицы“ Екатерины II.

А. Д. Галахова.

Сатирическія статьи, извѣстныя подъ именемъ „Былей и Небылицъ“ и называвшіяся также „Разговорами дѣвушки“, печатались въ „Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова“.

этомъ „Сардамѣ Екатерины II“, по мѣткому выраженію кн. Вяземскаго. Они заслужили своему автору почетное имя „автора Былей и Небылицъ“. По самому названію ихъ видно, что въ нихъ представлялось и дѣйствительно существовавшее, и вымышленное, хотя и возможное. Содержаніе ихъ опредѣленно указано самою императрицею во многихъ мѣстахъ. „Были и Небылицы“, объявляетъ она, „вытащены изъ обширнаго моря естества; они наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится; въ нихъ описывается умоположеніе человѣческое“. Подъ „умоположеніемъ“ разумѣется здѣсь то же самое, что въ „Наказѣ“ разумѣется подъ словомъ „умствованіе“, то-есть духъ, характеръ (ésprit général).

Какую же сторону „умоположенія человѣческаго“ беретъ авторъ „Былей и Небылицъ“? Сторону темную, отрицательную. Въ жизни людей и существованіи предметовъ, этомъ волнующемся „морѣ естества“, останавливаетъ онъ свое вниманіе на ихъ недостаткахъ, важныхъ и неважныхъ, вредныхъ и просто смѣшныхъ: безнравственности, глупости, странностяхъ, недостаткахъ, господствовавшихъ въ средѣ извѣстнаго народа—русскаго, и въ средѣ извѣстной эпохи—современной. Правительственными мѣрами направляя подданныхъ къ гражданскому благоденствію и уничтожая всякое препятствіе къ его достиженію, императрица въ литературныхъ произведеніяхъ также раскрывала основы народнаго счастія и смѣялась надъ тѣмъ, что задерживаетъ общество на пути къ желанной цѣли. Въ послѣдней категоріи сочиненій находятъ себѣ достойное мѣсто и „Были и Небылицы“.

Это сатирическое произведеніе явилось слишкомъ чрезъ двадцать лѣтъ отъ начала царствованія Екатерины Великой и за тринадцать лѣтъ до ея кончины. Оно стоитъ почти на половинѣ пути, предназначеннаго ей Провидѣніемъ. Многое уже было сдѣлано, и законами, и учрежденіями, въ пользу народнаго образованія, для развитія въ немъ идей чести, справедливости, терпимости, человѣколюбія; но многое еще

и оставалось сдѣлать. Императрица уже коротко узнала Россію. Она ясно видѣла и всходы посѣянныхъ сѣмянъ, и принесенные плоды, и безплодность нѣкоторыхъ правительственныхъ заботъ. Она понимала, что какъ ни могущественны данные ею способы къ гражданскому счастью, но они безсильны для совершеннаго осуществленія ея благихъ намѣреній: много еще въ народѣ осталось неразумнаго, недобраго, несправедливаго, несчастнаго. Причины тому заключались какъ въ несовершенствахъ человѣческой природы вообще, такъ и въ недостаткахъ народа, которому стоитъ большихъ трудовъ и усилій взойти съ одной ступени на другую, и который своею косностью замедляетъ ходъ преобразованій, или даже парализируетъ вліяніе лучшаго. „Мое желаніе и удовольствіе (писала Екатерина къ доктору Циммерману 29-го января 1789) состояло въ томъ, чтобъ сдѣлать всѣхъ счастливыми; но какъ всякій хочетъ быть счастливъ по своимъ способностямъ, то желанія мои часто находили въ томъ препятствія, въ коихъ я ничего не понимала. Конечно, не было злости въ моемъ славолюбіи; но можетъ быть, что я слишкомъ много предпринимала, полагая, что люди способны сдѣлаться разсудительными, справедливыми и счастливыми. Родъ человѣческій вообще наклоненъ къ безразсудству и несправедливости, съ коими никакъ не можно быть счастливымъ“.

Такимъ образомъ, временемъ появленія „Былей и Небылицъ“ опредѣляется и мѣсто, занимаемое ими въ ряду однородныхъ съ ними произведеній. На нихъ надобно смотрѣть, какъ на сводъ того, что императрица писала прежде и послѣ 1783 г., какъ на средоточіе, къ которому направляются ея комедіи, оперы и другія сатирическія пьесы. Но такъ какъ эта сатира отрицаетъ все противоположное положительнымъ началамъ, положеннымъ въ „Наказѣ“, „Инструкціи кн. Салтыкову“, „Гражданскомъ начальномъ ученіи“ и другихъ подобныхъ тому сочиненіяхъ, которыя предметомъ своимъ имѣли устройства общественнаго благосостоянія вми, по-крайней

мѣрѣ, раскрытіе истинныхъ о немъ понятій, то слѣдовательно назначеніе и „Былей и Небылицъ“—отрицать все ложное, вредное, смѣшное, идущее наперекоръ началамъ разума, истины, терпимости, пользы. Онѣ—оборотная сторона медали: сторона темнаго общечеловѣческихъ и національныхъ недостатковъ, въ противоположность достоинствамъ человѣка вообще, гражданина въ особенности.

Что же именно отрицаютъ „Были и Небылицы“? противъ чего онѣ вооружаются?—какіе предметы обличаютъ и осмѣиваютъ?

„Наказъ“, вмѣстѣ съ „Духомъ законовъ“ Монтескьё, признаетъ честь необходимымъ, существеннымъ отличіемъ дворянскаго сословія, первенствующаго въ монархическихъ государствахъ. Поэтому всякій обманъ, противный чести, несовмѣстимъ съ достоинствомъ благороднаго званія. Дворянинъ-обманщикъ теряетъ право на имя, данное ему въ знакъ чести, потому что потерялъ основаніе своего права. Къ числу важнѣйшихъ обмановъ, унижавшихъ достоинство дворянское въ эпоху, современную Екатеринѣ, принадлежалъ неплатежъ долговъ, иногда умышленный или злостный—отъ нежеланія платить, иногда невольный—отъ невозможности платить. „Какъ у двора, такъ и въ столицѣ (говоритъ Фонъ-Визинъ въ „Придворной Грамматикѣ“), никто безъ долгу не живетъ, для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ: быть должнымъ. Глаголъ этотъ въ прошедшемъ времени спрягается весьма—рѣдко: ибо никто долговъ своихъ не платитъ. А въ будущемъ спряженіе его употребительно: ибо само собою разумѣется, что всякій непремѣнно въ долгу будетъ, если еще не есть“. Тотъ же Фонъ-Визинъ спрашивалъ императрицу: „отчего всѣ въ долгахъ?“ и такимъ вопросомъ указалъ господствовавшій въ его время недостатокъ одного изъ общественныхъ классовъ, именно дворянскаго. Сочиненія Екатерины часто преслѣдуютъ господъ, изучившихъ искусство обманывать своихъ кредиторовъ или даже обращающихся съ ними безъ всякой церемоніи. Поэтому ни одна ея комедія не

обходится безъ того, чтобъ не обличить вольную или невольную несостоятельность дворянскаго слова. Въ комедіи: „Госпожа Вѣстникова съ семьею“ торговка Терентьевна ѣздила собирать съ разныхъ господъ по счетамъ деньги, да къ кому ни пріѣдетъ, или дома не сказываются, или говорятъ, что денегъ нѣтъ; либо просятъ, пожалуй завтра пріѣзжай. Въ комедіи: „Именины госпожи Ворчалкиной“ Геркуловъ бьетъ палкой Фирлюфюшкова за неплатежъ долга, приговаривая: „не обманывай честныхъ людей; держи данное свое слово; не дозволяй поступать съ собою, какъ съ бездѣльникомъ; вотъ..... плутовъ бьютъ, обманщиковъ бьютъ, бездѣльниковъ бьютъ“. Но Геркуловъ, вмѣстѣ съ другимъ дѣйствующимъ лицомъ, Спесовымъ, не хуже фата-Фирлюфюшкова: они тоже промотали свое имѣніе, тоже жили въ долгъ и не платили долговъ, тоже прибѣгали къ разнымъ обманамъ для поправленія разстроеннаго состоянія. Непозволительныя продѣлки ихъ не мѣшаютъ, однакожъ, Спесову гордиться знатнымъ своимъ родомъ. Онъ, безъ сомнѣнія, забылъ слова „Наказа“, что дворянство есть „нарицавіе къ чести“; а каждый обманщикъ есть уже человѣкъ безчестный и потому лишается права на благородное нарицаніе. „Жаль, поистинѣ жаль“ (говоритъ Непустовъ въ комедіи „О время!“), что нынѣ ничего не стыдятся, и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, мало когда краснѣютъ“.

„Были и Небылицы“, вооружаясь противъ неплатежа долговъ, имѣли, слѣдовательно, въ виду не тѣ или другія лица, а цѣлый классъ людей. Ихъ сатира—характеристика общественнаго круга, обличенія недостатка, господствовавшаго въ дворянскомъ сословіи. Въ этой характеристикѣ встрѣчаемъ мы, напримѣръ, одну госпожу до того бережливую, что и должникамъ не платитъ. Она съѣстные припасы въ долгъ забираетъ, мужнины векселя, когда до ея рукъ дойдутъ, въ лоскутки издираетъ и чрезъ то долгъ безъ платежа уничтожить старается. Вотъ другая барыня, не платившая въ теченіе трехъ лѣтъ разносчику за апельсины какихъ-нибудь

четырехъ рублей съ полтиной. Третья ничего не нашла на биржѣ по своему вкусу, а что и нашла, того не хотѣли ей дать въ долгъ. Одинъ членъ „Общества Незнающихъ“ на вопросъ: откуда и какъ имѣетъ пропитаніе? отвѣчалъ, что живетъ въ долгъ; а на вопросъ: какъ и когда платить намѣренъ? сказалъ, что о томъ нисколько не заботится. Все это-мелкія, характеристическія черты сатиры, согласной, въ выборѣ предмета и во взглядѣ на предметъ, съ сатирическими указаніями другихъ писателей того времени.

Откуда же явился обычай жить въ долгъ и не платить долговъ?—„Оттого (пишетъ Екатерина въ отвѣтъ Фонъ-Визину), что проживаютъ болѣе, нежели доходу имѣютъ. Другими словами: роскошь причиною зла“. Дворяне, въ родѣ Геркулова и Спесова, выведенныхъ императрицею на сцену, жили не по состоянію и тянулись съ тысячью рублей за тѣми, у кого десятки тысячъ. Проживъ все, что отцы наживали, они начали выдумывать всякіе непозволенные къ прокормленію своему способы. Ложь, клевету и все порочное и глупое употребляли они въ дѣйствіе, лишь бы только доставить себѣ тѣмъ богатство, Другіе, болѣе разборчивые на средства, ударились въ безразсудные проекты, которыми довершалось разореніе остального имущества. Они поправляли дѣла свои подобно Тришкѣ Крылова. „Много видалъ я на своемъ вѣку (говоритъ слуга Антипъ въ комедіи „Именины госпожи Ворчалкиной“), какъ господа, ухватившись за проекты, чтобъ скорѣе разбогатѣть, закладываютъ деревни, а потомъ проектъ не удался, деревни пропали и господинъ пошелъ по міру“. Комедія „Недоразумѣнія“ въ лицѣ госпожи Гостяковой, изображаетъ именно это помѣшательство дворянъ на проектахъ, со всѣми его смѣшными и вредными послѣдствіями. У ней двѣ—три фабрики и нѣсколько заводовъ; она заставляетъ крестьянъ своихъ боронить, когда вездѣ пашутъ, и пахать, когда надобно боронить; румяны, приготовляемыя на ея румянномъ заводѣ, нейдутъ съ рукъ, потому что для богатыхъ людей нехороши, а для бѣдныхъ дороги; полотняная фабрика

остается безъ дѣйствія, за неимѣніемъ пряжи; вздумала она разводить ревень и хлопчатую бумагу, но ихъ бьютъ морозы; наконецъ, желая достать денегъ, она велѣла разломать старый домъ свой, близъ Можайска, и кирпичи продать въ Москвѣ. Дворецкій по поводу всѣхъ этихъ проектовъ замѣчаетъ съ неудовольствіемъ: „Затѣи новыя каждый часъ! вчера приказала ленъ и пеньку сѣять на лучшихъ земляхъ... тутъ прежде росла рожь... а на изнуренныхъ десятинахъ безъ удобренія велѣла сѣять рожь... кто слыхалъ подобное!... Ея бы дѣло принимать гостей... На помощь промотавшимся и довѣрчивымъ дворянамъ являлись иногда съ предложеніемъ своихъ услугъ пройдохи или глупцы, увѣряя ихъ въ успѣхѣ предпріятій, въ выгодномъ осуществленіи проектовъ. Одинъ изъ нихъ— Некопейковъ (въ „Имянинахъ госпожи Ворчалкиной"), толкующій объ употребленіи крысьихъ хвостовъ съ пользою, о построеніи секретнаго флота, объ устройствѣ въ Кяхтѣ вольной и безпошлинной морской гавани, и проч.

Сильное развитіе роскоши и мотовства вызвали многія разсужденія объ этихъ предметахъ. Особенно во Франціи, гдѣ и то и другое достигло наибольшихъ размѣровъ, много о нихъ писали. Мнѣнія авторовъ раздѣлились. Одни видѣли въ роскоши источникъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій; другіе, напротивъ, почитали ее знакомъ богатства и благоденствія народнаго; третьи находили безполезными эти споры pro и contra, на томъ основаніи, что если роскошь приноситъ выгоду государству, то апологія ея излишня; а если она влечетъ за собою существенный вредъ, то лучше показать способы къ его отвращенію, нежели тратить время на указаніе вредныхъ послѣдствій.

Правительство и частныя лица не могутъ не разсуждать о роскоши, замѣчая повсемѣстный разливъ ея, производящій безпорядки и въ общественной жизни, и при домашнемъ очагѣ. Особенно тамъ поражаютъ своимъ неразуміемъ ея трагикомическія слѣдствія, гдѣ она заимствована вмѣстѣ съ другими предметами европейской цивилизаціи, гдѣ она не постепенно

распространялась въ большіе и большіе круги, а явилась почти внезапно, въ томъ видѣ и объемѣ, до какихъ заграницею достигала съ теченіемъ извѣстнаго времени. И потому сатирическіе журналы и комедіи Екатерина вѣка полны нападками на мотовство и роскошь, на жизнь свыше состоянія. Въ комедіи „О время!“, узнавъ отъ Мавры, служанки Ханжахиной, что госпожа ея нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши терпѣть не можетъ, а любитъ и хвалитъ старину, Непустовъ замѣчаетъ: „Что касается нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю“. Между недостойными людьми, составляющими общество Дворарода (въ комедіи: „Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями“), трое, своими фамиліями и качествами, указываютъ на мотовство и безумныя издержки. Одинъ изъ нихъ, Тратовъ, получивъ въ наслѣдство множество серебряной столовой посуды, передѣлалъ ее въ хомуты; другой, Прамотъ, закупалъ цѣлыми кораблями привезенныхъ изъ-за моря лошадей; третій, Мотыгинъ, дошелъ до того, что его домашній скарбъ проданъ былъ за долги съ аукціона, и потомъ, перекупленный имъ втридорога, вдесятеро противъ проданнаго, снова заложенъ былъ барышнику. „Были и Небылицы“ также не оставляли безъ вниманія этихъ недостатковъ современнаго общества. Любопытна пропорція промотавшихся къ порядочно-живущимъ, представленная ими въ ревизской сказкѣ „острова Тихоморе, на правой сторонѣ отъ твердой земли“: промотавшихся 450, порядочно-живущихъ—39“. Слѣдовательно, послѣдніе относятся къ первымъ почти какъ 1 къ 12. Съ того времени числа и отношенія, конечно, измѣнились противоположнымъ образомъ, т.-е. первое уменьшилось, второе возросло.

Главнѣйшій предметъ роскоши составляли моды. Вредныя въ этомъ отношеніи, т. е. какъ побужденіе къ мотовству, онѣ были вредны и тѣмъ, что свидѣтельствовали о безсмысленной переимчивости нашей у иностранцевъ, преимущественно у французовъ—переимчивости, доходившей до обезьян-

ства во всемъ, даже въ мелочахъ. Кромѣ того, моды были смѣшны, сами-по-себѣ, своимъ безвкусіемъ. Особенно-обильное употребленіе румянъ и бѣлилъ, высокая головная уборка въ родѣ вавилонской башни и растрепанная прическа, или, вѣрнѣе, неприческа, уподоблявшая голову щеголихи головѣ Медузы, поражали всякаго безобразіемъ и уродливостью. Сами французы начали наконецъ смѣяться надъ дамскимъ туалетомъ ихъ изобрѣтенія и по преимуществу надъ головной уборкой: „J'avoue (говоритъ одинъ изъ нихъ) que les coiffures françaises du jour, qui ont tous les defauts d'un style gigantesque, ampoulé, semblent faites pour ôter la physionomie aux visages qui en ont, ou pour en faire de vrais carricatures". Когда при Маріи Антуанетѣ, введена была въ моду новая, низкая прическа, une coiffure à l'enfant, совершенно противоположная прежней, высокой, то всѣ нашли ее очень милой и граціозной. О прежней же отозвались такимъ образомъ: „On a fait remarquer que les longues épingles, nécessaires pour étayer ces hautes fabriques de cheveux, qui ont été si longtemps à la mode, n'étaient guère moins dangereuses, dans les temps d'orage, que ces pointes de fer dont on garnit fort imprudemment la faîte des maisons et surtout des clochers". Что такой уродливый головной уборъ и безобразная метода прически, соблазнивъ нашихъ соотечественницъ, идутъ изъ Франціи, это мы узнаемъ и отъ самой императрицы, изъ ея замѣчаній на путешествіе въ Сибирь аббата Шаппа.

Аббатъ Шаппъ д'Отрошъ (Chappe d'Auteroche), членъ Парижской Академіи Наукъ, отправленъ былъ въ Сибирь для наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры передъ солнцемъ (1761 г.). Записки своего путешествія и ученыхъ наблюденій издалъ онъ въ 1768 г., подъ названіемъ: „Voyage en Syberie". Въ нихъ, между прочимъ, описываются нравы и обычаи русскихъ и настоящее состояніе нашего отечества — описаніе невѣрное, одностороннее и недобросовѣстное, потому что путешественникъ рѣшительно судитъ о томъ, чего не могъ осмотрѣть порядочно въ торопливой поѣздкѣ своей

отъ Петербурга до Тобольска. Притомъ же онъ, какъ французъ, не въ силахъ былъ отдѣлаться отъ національныхъ предразсудковъ, и по своему тщеславію не находилъ почти ничего хорошаго въ той странѣ, которую почиталъ варварскою. Императрица Екатерина, въ письмѣ къ Вольтеру о пребываніи прусскаго принца Генриха, брата Фридриха Великаго, въ Петербургѣ, замѣчаетъ: „Il a paru se plaire ici plus que l'abbé Chappe, qui, courant la poste dans un traineau bien fermé, a tout vu en Russie". „Путевыя Записки" Шаппа встрѣчены были строгимъ осужденіемъ въ самой Франціи. Гриммъ и Дидро удивлялись способности Шаппа, свойственной только французамъ, все знать не учась, все видѣть не смотря, все отгадывать, не бывъ колдуномъ, все изслѣдовать, скача на почтовыхъ отъ Парижа до Тобольска, и разсѣкать всевозможные гордіевы узлы, не бывши Александромъ Македонскимъ. „Трудно (говорятъ они) соединить въ одномъ сочиненіи и въ такой степени столько невѣжества, дерзости, пошлости, поверхностности, пристрастія къ мелочамъ и безстрастія къ истинѣ". Но болѣе строгая и подробная критика путешествія Шаппа принадлежитъ самой императрицѣ. Она издала въ Амстердамѣ, 1771 г., особой книжкой, подъ заглавіемъ: „Antidote ou examen du mauvais livre superbement imprimé, intitulé: „Voyage en Siberie, fait par ordre du Roi en 1761, par l'abbé Chappe d'Auteroche". Здѣсь-то, обличая французскаго путешественника въ невѣжествѣ и одностороннемъ воззрѣніи, императрица касается и французскихъ модъ. Аббату не понравилась одежда нашихъ женщинъ; императрица отвѣчаетъ ему:

„L'habillement des femmes en France est encore plus laid à mon avis. Elles se voûtent les épaules, s'écrasent le sein. Et leurs têtes encore, comme elles sont faites! ou bien c'est un étalage de cheveux qui ne finit pas, et qui rend le visage la moindre partie de la tête; ou bien aussi elles vous mettent cette tête dans une espèce de corbeille, qu'on appelle grands

bonnets. Et le rouge, le blan, les pommades et les couleurs, les aimez—vous, M. l'Abbé?..."

Описаній подобнаго щегольства высокой уборкой головы и уродливою прическою такъ много въ нашихъ сатирическихъ произведеніяхъ, что выписки изъ нихъ, относительно этого предмета, составили бы нѣсколько книгъ. Еще за пятнадцать лѣтъ до изданія „Собесѣдника", въ „Имянинахъ госпожи Ворчалкиной" (1772) является Олимпіада, которая, желая получше нарядиться въ день ангела своей матери, отмѣнно-высоко убираетъ себѣ голову. Это—образецъ модной барыни тогдашняго времени. Она считаетъ обязанностью окружать себя обожателями. Ея разговоръ испещренъ словами, взятыми изъ лексикона моднаго нарѣчія: „славенъ безпримѣрно", „ужесть", „давать себѣ воздухи" (se donner des airs), „болванчикъ" (обожатель), „маханье" (любезничанье, волокитство) и проч. Въ „Письмѣ щеголихи" (въ „Живописцѣ" Новикова) собраны эти и подобныя имъ выраженія, бывшія тогда въ ходу у модниковъ и модницъ.—„Чтобъ ни говорили (возражаетъ Разсудинъ Гостяковой въ комедіи „Недоразумѣнія"), мнѣ лицо всего милѣе; но настало время, что лицо съ трудомъ отыщешь въ кудряхъ, на которыхъ невѣдомо что наклокочено; сзади головы—четыреугольникъ пребпрокій, спереди—треть лица закрыта; со лбомъ же всѣ поссорились, покрытъ онъ весь волосами; у иной брови къ тому еще размазаны колесомъ, какъ будто мостъ отъ носу къ вискамъ".

„Были и Небылицы" часто задѣваютъ моды своими насмѣшками. Онѣ описываютъ узкіе башмаки одной дочери архангельскаго купца, на высокихъ и тонкихъ каблукахъ, подобныхъ куликовой шейкѣ. Изъ „Записной книжки двоюродной сестры" видно, что она встаетъ съ постели въ первомъ часу пополудни, съ гордостью говоритъ: „у насъ въ Парижѣ", мечтаетъ о балахъ, ужинахъ, любезникахъ. „Парикмахеръ (замѣчаетъ она) сегодня чесалъ мнѣ волосы такъ порядочно, что я принуждена была болѣе часа растрепы-

ваться, чтобъ въ люди можно было показаться". Цѣлое письмо госпожи Передковой къ автору „Былей и Небылицъ" занято разсказомъ о модной одеждѣ ея племянницы:

„Я хотѣла взять племянницу съ собою въ гости и для того велѣла ей почище одѣться. Она пришла ко мнѣ напудрена, но не причесана. Волосы повсюду около головы висѣли, какъ у львицы, а помада клочками видна была; на ней напутано было флеру много и высоко, на флерѣ цвѣты туды и сюды; на цвѣтахъ красныя фольги, на сихъ великое множество крупныхъ бусъ, подобно какъ зимой ледяныя сосульки на кровляхъ висятъ, а сверхъ всего сего голубыя замаранныя, запудренныя ленты приколоты были; ушей и глазъ она не вымыла, а пудра въ нихъ кучами лежала; на лбу и на щекахъ видны были полосами грязь, пудра, румяна и изъ бровей сурмила; флеровое на ней платье надѣто было такъ, что она на одну полу спереди наступала, пока другая на боку вздернута висѣла". Одна молодая дѣвушка, читая упомянутыя „Записки двоюродной сестры", сама писала слѣдующее:

„Когда я жила у матушки, тогда я была бранена, буде одинъ волосокъ на лбу висящій виденъ былъ. Послѣ матушки, когда въ пансіонъ отдана была, тамъ у насъ за красу и щегольство ставили, чтобъ голова казалась нечесана и волосы висѣли отовсюду, иногда и въ кушанье попадали".

Но страсть къ модамъ была только смѣшною стороною галломаніи. За этою страстью стояло другое, болѣе серьезное и вредное послѣдствіе—нравственный безпорядокъ домашней жизни и общественныхъ сношеній. Вотъ пропорція добропорядочныхъ мужей и женъ къ мужьямъ и женамъ дурнымъ, представленная „Былями и Небылицами" въ вышесказанной „Переписи": Мужей любящихъ женъ своихъ—4; женъ любящихъ мужей своихъ—4; мужей, ушедшихъ отъ женъ—26; женъ, ушедшихъ отъ мужей—18; полюбовно разошедшихся—10; судомъ разведенныхъ—6.

Легкомысленнымъ дѣвушкамъ, мечтающимъ о привольномъ замужествѣ, комедіи императрицы противопоставляютъ иногда дѣвушекъ разумныхъ и скромныхъ. „Не увѣришь ты меня никакъ (отвѣчаетъ Мавра Прокофью въ комедіи „Недоразумѣніе“), чтобъ было лучше выйти за природнаго дурака, нежели за разумнаго человѣка. Сбыслава воспитана честно, она по замужествѣ чрезъ нѣсколько недѣль мужа не покинетъ, какъ недавно слышно было, что сотворила таковой соблазнъ дочь нашего сосѣда, дерзко вышедъ съ умысломъ, чтобъ покинуть мужа“.

Отъ роскоши, щегольства и модной жизни супруговъ, какъ слѣдствій внѣшне-европейскаго образованія, преимущественно французскаго, сатира Екатерина вѣка переходитъ къ самому образованію. Въ этомъ случаѣ, она становится строже и серьезнѣе, потому-что передъ нею источникъ многихъ важныхъ недостатковъ, отъ предпочтенія иностранныхъ языковъ отечественному до ослабленія патріотизма и религіознаго чувства.

Знакомство съ европейской цивилизаціей, оставивъ въ сторонѣ внутренній ея смыслъ и существенную важность, обратилось къ усвоенію одного внѣшняго ея лоска. Явилось невѣжество новаго рода въ замѣну невѣжества старинпаго: невѣжество ложнаго образованія. Новое поколѣніе, выходя изъ простоты своихъ предковъ, вмѣстѣ съ нею теряло и благонравіе, почтенное въ каждомъ состояніи человѣка, образованномъ и необразованномъ. Еще Кантеміръ вооружался противъ пороковъ, возникающихъ отъ превратнаго образованія, требуя благородства, честности, гражданскихъ заслугъ. Но преимущественно эти пороки начали обнаруживаться въ царствованіе императрицы Елизаветы, къ которому относится и начало французскаго вліянія на воспитаніе русскаго юношества. Въ городахъ заводились пансіоны нѣмцами или французами, которые приглашались и въ частные дома. Русскіе, побывавшіе за границею, гордились своимъ внѣшнимъ знакомствомъ съ Европой, въ особенности съ Франціею; юноши,

обученные иностранцами, гордились иностраннымъ воспитанiемъ. Такъ какъ вредныя послѣдствiя французскаго влiянiя были замѣчены еще при Елизаветѣ, то она, указомъ 1757 г., предписала экзаменовать всѣхъ иностранцевъ, желающихъ обучать дѣтей. Императрица Екатерина обратила на этотъ предметъ еще большее вниманiе. На представленныхъ ей 26 сентября 1765 г. измѣненiяхъ въ уставѣ Кадетскаго Корпуса, противъ словъ: „Къ отроческому возрасту опредѣлить инспектора изъ чужестранныхъ учителей“ сдѣлала она замѣтку: на нынѣшнiй случай, то есть до возможности замѣнить ихъ наставниками отечественными. Для этой цѣли положено при Кадетскомъ Корпусѣ воспитывать мѣщанскихъ дѣтей. По именному ея указу, 5-го сентября 1784 г., всѣ содержатели частныхъ пансiоновъ и школъ должны были подвергнуться испытанiю. Понятно, что всѣ здравомыслящiе люди вооружились противъ иностраннаго воспитанiя, противъ воспитателей—французовъ и ихъ питомцевъ. Они видѣли здѣсь одну изъ главныхъ причинъ общественнаго зла. Болтинъ, авторъ „Примѣчанiй на исторiю Россiи“ Леклерка, называетъ своихъ соотечественниковъ, зараженныхъ пристрастiемъ къ иностранному, французско-русскими петиметрами.

„Въ царствованiе императрицы Елизаветы (пишетъ онъ) введено было въ языкъ русскiй множество словъ французскихъ не по нуждѣ, а по буйственному пристрастiю ко всему, что называется французскимъ; но лѣтъ съ двадцать странный сей вкусъ началъ выходить изъ употребленiя, тѣмъ съ большею удобностiю, что чуждыя тѣ слова въ писанiе не были введены, понеже употребляли ихъ большею частiю люди безграмотные. Не взирая однакожъ на всеобщее осмѣянiе и укоризну, довольно еще осталося такихъ, кои, будучи воспитаны въ рукахъ французскихъ и научась отъ нихъ отъ юности все русское презирать, не стараются или не хотятъ узнать природнаго своего языка, и по необходимости, не

умѣя на немъ объясняться, мѣшаютъ въ разговорѣ своемъ половину словъ французскихъ".

Незнаніемъ отечественнаго языка и презрѣніемъ ко всему отечественному не ограничивалось дурное вліяніе чужеземнаго воспитанія: къ ослабленію патріотизма надобно еще присовокупить ослабленіе религіознаго чувства. Въ „Примѣчаніяхъ" къ новому изданію (1792) пьесы императрицы Екатерины: „Историческое представленіе изъ жизни Рюрика", по поводу словъ одного дѣйствующаго лица: „Прилично въ семъ случаѣ начать дѣло приношеніемъ жертвы богамъ", Болтинъ говоритъ:

„Обычай начинать каждое дѣло призываніемъ Бога на помощь сохранили наши предки. Недавно сей обычай, посредствомъ французскаго воспитанія, между благородныхъ людей началъ истребляться, или, лучше сказать, истребился, но между невѣжественныя черни и поднесь еще существуетъ. Она всякое дѣло начинаетъ молитвою и возложеніемъ на себя крестнаго знаменія; а просвѣщенные люди, видя ихъ то дѣлающихъ, съ презрѣніемъ надъ нами смѣются, для того, что у французовъ то не въ обычаѣ".

Выпишемъ еще грозную діатрибу противъ гувернеровъ—иностранцевъ, принадлежащую профессору Московскаго Университета Шадену, у котораго въ пансіонѣ воспитывался Карамзинъ. Она находится въ рѣчи его: „О правахъ родителей, касательно воспитанія дѣтей:"

„Мы готовы считать врагами дѣтей своихъ тѣхъ родителей, которые, для прінсканія учителя, разсылаютъ своихъ слугъ по перекресткамъ и площадямъ, какъ будто добрый и образованный наставникъ такая подлая вещь, что ее можно встрѣтить вездѣ! Что удивительнаго, если слуги находятъ людей раболѣпныхъ, негодныхъ тварей, имѣющихъ только образъ человѣческій, заразу воспитанія, скандалъ?"

Убѣжденная въ справедливости началъ, которыми обязано было руководствоваться общественное и частное воспитаніе, могла ли Екатерина Великая, какъ императрица и какъ лите-

раторъ, смотрѣть равнодушно на начала противоположныя, запечатлѣнныя односторонностью и ложью, и вредныя въ приложеніи? Конечно, нѣтъ: она и теоретически раскрываетъ свои идеи въ „Наказѣ“ и посредствомъ докладовъ Бецкаго, и практически осуществляетъ ихъ учрежденіемъ воспитательныхъ училищъ. Какъ литераторъ, она или положительно указываетъ пользу новой системы воспитанія, или отрицательно выставляетъ ея важность, раскрывая дурныя послѣдствія системы противоположной. Она смѣется надъ людьми отсталыми, осуждавшими, такъ-называемыя ими, правительственныя затѣи, то-есть мудрыя учрежденія въ пользу народнаго образованія; смѣется надъ молодыми людьми и дѣвицами, ничему не учившимися въ домѣ родительскомъ, или кое-чему учившимися у гувернеровъ и гувернантокъ, также въ пансіонахъ, открытыхъ иностранцами. Напротивъ, воспитанники и воспитанницы заведеній, ею учрежденныхъ, пользуются ея сочувствіемъ и любовью. Иначе и быть не могло. Заведенія эти устроены были по ея мыслямъ и плану. Изъ нихъ долженствовало выйти много достойныхъ питомцевъ и питомицъ, оправдавшихъ заботливость начальства. Императрица на опытѣ убѣдилась въ успѣхѣ своихъ намѣреній, въ торжествѣ своихъ идей. Она принимала къ сердцу постепенное возрастаніе каждаго воспитательнаго училища. Смольный монастырь былъ вдвое обширнѣе Сен-Сира, по числу воспитанницъ, которыхъ въ 1772 г. считалось уже пятьсотъ. „Фернейскій отшельникъ“ вызвался обрабатывать трагедіи и комедіи для ихъ театральныхъ представленій, то-есть измѣняя и сокращая нѣкоторыя извѣстныя пьесы, приноравливать ихъ къ потребностямъ, возрасту и полу благородныхъ дѣвицъ. Предложеніе Вольтера искренно обрадовало императрицу:

Vous me donnerez par là (писала она ему) une marque bien sensible de cette amitié dont je fais un cas si distingué.... Nous élevons ces demoiselles pour les rendre les delices des familles où elles entreront; nous ne les voulons ni prudes ni

coquettes, mais aimables et en état d'élever leurs enfants, d'avoir soin de leur maison".

Многимъ не нравился подобный образъ воспитанія; они даже находили предосудительнымъ вообще ученіе дѣвицъ. Недовольные этого рода нерѣдко встрѣчаются въ комедіяхъ императрицы Екатерины: „На что дѣвку учить грамотѣ? (спрашиваетъ Чудихина въ комедіи „О время)!"—меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться, что до пятидесяти лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно-что! нынче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ... Быть добру!"

Что касается образчиковъ дурного воспитанія, полученнаго въ домѣ отъ родителей, или въ пансіонѣ у иностранцевъ, ихъ очень много въ сатирическихъ сочиненіяхъ императрицы. Фирлюфюшковъ въ „Именинахъ госпожи Ворчалкиной" то же, что Иванушка въ „Бригадирѣ" фонъ-Визина, то же, что Вѣтромахъ въ „Чудакахъ" Княжнина: это—воспитанный французами дуракъ, по злому выраженію Воейкова. Иготинъ, сынъ (въ комедіи „Недоразумѣніе"), исковерканъ учителемъ иностранцемъ: обхожденіе его сдѣлалось грубымъ и надменнымъ, слова выражаютъ презрѣніе, въ разговорѣ готовъ онъ противорѣчить всѣмъ и каждому. Мадамъ Грибужъ (въ комедіи „Обманщикъ") только что баловала свою воспитанницу Софью: выучила ее бѣлиться, румяниться да волосы растрепывать—и ничему больше. Когда внукъ Вѣстниковой приходитъ, въ сопровожденіи своего учителя, здороваться съ бабушкой и подобно попугаю твердитъ слова: „Bon jour grande maman, bon soir grand papa",—Вѣстникова въ сердцахъ говоритъ: „Да что жъ это значитъ? Я, чаю, больше ничего, право, какъ здравствуй, да добра ночь. Ужасть, какъ мнѣ хочется выгнать эту харю (учителя) изъ дому. Да́ ужъ и обѣщали мнѣ достать какого-то другого учителя, который гдѣ-то былъ прежде скороходомъ, а этотъ пусть себѣ по-прежнему опять пойдетъ въ кучера къ кому-нибудь". Послѣ

этихъ словъ, не покажется вымысломъ и Вральманъ, перешедшій съ козелъ въ наставники Митрофану.

Довольно этихъ выписокъ, чтобъ показать, какъ императрица смотрѣла на иностранное воспитаніе и какъ этотъ взглядъ ея согласенъ со взглядами извѣстнѣйшихъ нашихъ сатирическихъ писателей. Но сюда слѣдуетъ прибавить еще тѣ мѣста „Былей и Небылицей“, которыя, кромѣ мотовства, нарядовъ и дурной жизни супруговъ, имѣли также въ виду и дурное воспитаніе вообще. Дочь архангельскаго купца, уже упомянутая нами, воспитана на иностранный образецъ въ какомъ-то пансіонѣ, гдѣ получила „обвертки съ двѣ ума“ — и только. Другую женщину училъ по-французски гасконецъ: вся глубина ея премудрости заключалась въ умѣньи говорить по-французски и по-итальянски, въ пѣніи, игрѣ на клавикордахъ, чтеніи романовъ и французскихъ театральныхъ сочиненій.

Ложное образованіе, научивъ искусству вести расходы свыше доходовъ, не платить долговъ, думать только о модахъ и удовольствіяхъ, пренебрегать роднымъ языкомъ и отечествомъ, не истребило суевѣрія, понятнаго въ грубой необразованности, но недозволеннаго въ человѣкѣ благовоспитанномъ. Та самая барыня, что бредитъ Парижемъ, въ то же время боится сновъ и примѣтъ. Она объясняетъ неудачу одного изъ своихъ дней тѣмъ, что встала съ постели лѣвой ногой и видѣла во снѣ кошку. Такимъ образомъ суевѣріе, осмѣянное въ разныхъ пьесахъ императрицы, особенно въ комедіи „О время!“, не упущено изъ виду и „Былями и Небылицами“. Да и нельзя имъ было, какъ произведенію сатирическому, пройти молчаніемъ столь важный предметъ, занимавшій видное мѣсто въ числѣ недостатковъ современныхъ.

Осмѣявъ современные недостатки общества, „Были и Небылицы“ видятъ въ нихъ преходящее зло и успокоиваютъ читателя предвѣстіемъ лучшаго устройства дѣлъ. Средство же для улучшеній — воспитаніе. О немъ говоритъ и „Наказъ“, какъ о надежнѣйшей мѣрѣ къ человѣческому совершенство-

ванію; къ нему обращаются и „Были и Небылицы“: „всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе: вода, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе“. Императрица вѣровала въ успѣшное дѣйствіе правительственныхъ мѣръ, совершенныхъ и совершаемыхъ на пользу народнаго образованія въ особенности, на пользу гражданскаго благоустройства вообще. Она убѣждена была, подобно многимъ великимъ умамъ, что корень всякаго добра въ знаніи, равно какъ источникъ всякаго зла въ невѣжествѣ.

„О время!“ комедія.

Н. Щебальскаго.

Екатерина не принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, въ сочиненіяхъ коихъ можно искать законовъ искусства, оригинальности формъ или правилъ языка. Если бъ изслѣдованіе наше касалось этихъ вопросовъ, то намъ пришлось бы сказать очень немного. Но мы постараемся пріурочивать литературную дѣятельность Екатерины къ ея дѣятельности политической, мы попытаемся уловить, какъ отражались, различныя перипетіи ея тревожнаго царствованія въ ея внутреннемъ мірѣ; мы будемъ искать въ ея драматическихъ сочиненіяхъ соотвѣтствій или противорѣчій ея офиціальнымъ провозглашеніямъ; мы будемъ стараться изучать ея воззрѣнія на то общество, во главѣ котораго она стояла тридцать четыре года, которымъ она призвана была руководить; наконецъ мы станемъ искать въ ея сочиненіяхъ матеріала для изученія нравственнаго состоянія этого общества. Поставивъ предъ собою такую задачу, мы придемъ къ довольно любопытнымъ заключеніямъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы придемъ къ выводамъ даже и неожиданно богатымъ. Въ самомъ дѣлѣ, государь находится вообще въ положеніи невыгодномъ, для того чтобы дѣлать наблюденія въ своей землѣ; въ его присутствіи рѣдко кто высказывается; рѣдко

даже кто остается самимъ собою. Государь говоритъ, прочіе слушаютъ, а если и говорятъ, то слѣдя болѣе за его, нежели за собственною мыслію. Притомъ сфера возможныхъ для государя наблюденій ограничивается немногими, говоря относительно, лицами, людьми извѣстнаго класса; внѣ этого избраннаго круга государь лишенъ возможности дѣлать наблюденія надъ отдѣльными человѣческими единицами, надъ ихъ внутреннимъ міромъ, надъ ихъ домашнею жизнію, надъ ихъ индивидуальными чертами. И тѣмъ не менѣе однако мы увидимъ въ нѣкоторыхъ комедіяхъ Екатерины весьма оригинальные, мѣткіе и живые эскизы провинціальныхъ нравовъ людей средняго общества. Мы увидимъ, что ей не незнакомы были глухіе переулки старой Москвы и даже бытъ, взаимныя отношенія и оригинальности людей проживавшихъ въ этихъ переулкахъ, которые она, казалось бы, могла видѣть лишь издали, мелькомъ. Это черта весьма замѣчательная, доказывающая, что Екатерина обладала большою природною наблюдательностью и большимъ природнымъ даромъ улавливать характеристическія черты людей, даромъ, который, можетъ быть, развился бы въ ней до замѣчательныхъ размѣровъ, если бъ она занималась болѣе литературой, чѣмъ управленіемъ.

Одинъ изъ типовъ, которые наиболѣе удались Екатеринѣ, есть типъ старой ханжи, полной причудъ и суевѣрій. Такой типъ находится въ комедіи „О время!“ Пусть читатель представитъ себѣ одинъ изъ переулковъ старинной Москвы,— Москвы, какою она была „до французовъ“,—и въ немъ большой деревянный, значительно осунувшійся домъ, стоящій среди обширнаго, но грязнаго двора, съ обширнымъ же, но запущеннымъ садомъ, съ бревенчатыми людскими и конюшнями, погнувшимися на бокъ отъ времени и небреженія хозяина, съ большими потускнѣвшими окнами. Въ этомъ обширномъ, но осунувшемся домѣ, съ задичалымъ садомъ, въ этой помѣщичьей усадьбѣ среди столицы, живутъ старуха Ханжахина, богатая, но скупая богомолка, съ внучкой

своей Христиной, къ которой нѣкто Непустовъ присватываетъ своего молодого пріятеля. Непустовъ пріѣзжаетъ однимъ утромъ, чтобы потолковать объ этомъ дѣлѣ, но Мавра, горничная Ханжахиной, — условленный типъ субретокъ, мало имѣющій сходства съ дѣйствительностію,—объявляетъ ему, что барыня „на молитвѣ“. „Наша госпожа, говоритъ эта бойкая персона, либо молится, либо поучаетъ домочадцевъ; о постѣ и воздержаніи твердитъ она весьма часто всѣмъ своимъ людямъ, а особливо при раздачѣ мѣсячины или указного“. Но молитва наконецъ совершена, и старуха выходитъ: „въ платьѣ и головномъ уборѣ ея, по словамъ субретки, замѣчается совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ“. Ханжахина не прочь бы отдать внучку свою за Молокососова,—такова фамилія жениха,—да жаль разстаться съ приданымъ, и вотъ начинаются отговорки: до того-ли нынче? Люди не даютъ покоя!... Вотъ какой нынче былъ случай: „я обѣщалась, говоритъ Ханжахина, чтобы до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ предъ образомъ, которымъ покойная моя бабушка благословила покойную мою матушку, помяни ихъ Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ мамкинъ сынъ (лакей) и стоитъ, какъ демонъ въ горницѣ. Я ему говорю: „поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться“; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: „поди ты, сатана, вонъ“, а онъ ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете, что въ этой бумажкѣ написано? О, несмысленная тварь! О, демонское навожденіе! Онъ осмѣлился просить позволенія жениться. Мнѣ, дескать, тридцать ужъ лѣтъ; мать де моя умерла, обшить, обмыть некому,—и для того жениться“!... Нечего дѣлать, заключаетъ старуха, велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ.

Непустовъ старается возвратить разговоръ на предметъ, для котораго онъ пріѣхалъ, а старуха продолжаетъ свое.

„Надлежало бы, говоритъ она, правительству-то сдѣлать такое учрежденіе, чтобъ оно, вмѣсто насъ, людей-то бы нашихъ при женитьбѣ снабжало... Да полно, нынче ничего не смотрятъ“. Между тѣмъ входятъ одна за другой ежедневныя собесѣдницы Ханжахиной; первая является ея сестра — Вѣстникова.

„Вѣстн. Здравствуй, сестрица матушка. Я безъ души къ тебѣ скакала. Знаешь ли ты, какую чудную сложили свадьбу? По всему городу сказываютъ (да ужъ и къ знатнымъ боярамъ дошло), что будто ты за Молокосова внучку свою выдаешь! Статочное ли это дѣло? Выдать дѣвку за такого несноснаго дурака! Да еще и нашей фамиліи дѣвку!... Я его.... вотъ этакого (указываетъ) знала; онъ и тогда и глупъ, и спесивъ былъ. Однажды пріѣхала я... я... къ матери его, хотѣла ей эту милость сдѣлать.... Онъ тогда былъ лѣтъ десяти; вошла въ горницу.... вѣдь мы таки не подлыя... поклонилась я всѣмъ, а онъ стоя, въ углу, играетъ мячикомъ, а на меня и не глядитъ; да и во весь вечеръ, подумай, матка... во весь вечеръ ко мнѣ и не подошелъ, какъ будто я уродъ какой? Съ того времени я терпѣть его не могу. Какая жъ и няпюшка у него была! Да и матушка изрядная! Не у кого, правду сказать, и поучиться-то было. Няня была дѣвчища высокая, худощавая, косая, глупая; а мать, ты сама помнишь, дурища была непомѣрная.

„Кстати, — вдругъ перебиваетъ себя Вѣстникова, — знаешь ли, сестрица, какой сейчасъ былъ со мной случай? Не успѣла я еще со двора съѣхать, какъ кучеръ мой, зашатавшись, упалъ съ козелъ. Я думала... не здѣсь будь сказано (онѣ отплевываются, подергиваютъ себя за ухо и обдуваются)“... Оказалось, что кучеръ пьянъ. „Я кликнула людей, говоритъ Вѣстникова, и велѣла его сѣчь, а на его мѣсто посадила другого; но тотъ плохо справлялся съ лошадьми, ѣхалъ какъ сумасбродный, лошади падали, два раза свалилось колесо“.... „Да полно, въ томъ кучеръ не виноватъ: полиція ничего не смотритъ“! Обѣ сестрицы на-

чинают охать; все де худо, отовсюду недобрыя вѣсти. Письмо изъ Петербурга пришло, говоритъ Вѣстникова, пишутъ, что „вода тамъ прибыла такъ высоко что весь городъ потопила и люди насилу себѣ мѣсто на кровляхъ находили“.

— „Какъ же, сударыня, замѣчаетъ Непустовъ, развѣ водой почта оттуда отправлена“?

Но это замѣчаніе не принимается въ резонъ: „вы де ничему не вѣрите“!

— „Пишутъ, продолжаетъ Вѣстникова, если бы вы знали какія у насъ къ масленицѣ готовятъ крутыя горы, то вы бы удивились и испужались“!... „Замѣчаете, какой обиnякъ? Я разумѣю, что оно значитъ: крутенька-то гора затѣвается“!

Поучительная бесѣда сестрицъ прерывается докладомъ, что пріѣхала г-жа Чудихина, но не рѣшается переступить порогъ, потому что услышала сверчка и проситъ своихъ пріятельницъ выйти къ ней. Онѣ уходятъ. Между тѣмъ является самъ женихъ. Онъ объясняетъ, что ему нравиться Христина, но что опасается, не дура ли она круглая. Я говорилъ съ нею, она ни слова не отвѣчаетъ; заговорилъ просто о постороннихъ вещахъ—и тутъ не лучше! Сватъ успокоиваетъ его: это слѣдствіе дурного воспитанія или, правильнѣе, отсутствіе всякаго воспитанія. „Христина, говоритъ онъ, ничему не учена и грамотѣ украдкой у меня училась, для того, что бабушка ея всегда боялась, чтобъ она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ писемъ. Она до двадцати лѣтъ и платья-то не знала, а бѣгала для легкости въ одной сорочкѣ; когда же пріѣзжали посторонніе къ намъ, то прятали ее въ спальнѣ за печкой“. И точно, Христина сама признается Маврѣ, что при Молокососовѣ чувствовала себя дура-дурой. „Но, говоритъ она, ты вѣдь знаешь, что я съ мужчинами, кромѣ Фалалѣя, бабушкина дурака, ни съ кѣмъ не говорила“.

Между тѣмъ Молокососовъ успѣлъ возстановить противъ себя всѣхъ трехъ пріятельницъ, громко разсмѣявшись, когда

Ханжахина разсказывала, что за годъ предъ кончиной ея мужа пѣтухъ снесъ яйцо. Но разбитная Мавра совѣтуетъ ему не отчаяваться, а расположить къ себѣ Вѣстникову, которая очень любитъ подарки. Молодой человѣкъ принимаетъ этотъ совѣтъ и начинаетъ ухаживать за старухой. Вотъ отрывокъ изъ сцены между Вѣстниковой, Молокососовымъ и Непустовымъ:

Молок. Я помню, сударыня, что милость ваша и къ матери моей была велика; если бъ я могъ ласкаться, чтобы вы....

Вѣстн. Да, мы таки дружненько живали. Да ты, батько мой, спесивымъ казался; а я таки и весь родъ-отъ вашъ знаю.

Непуст. Вы ошибаетесь, сударыня, онъ право не спесивъ; его видъ таковъ. А къ тому еще онъ и молодъ.

Вѣстн. И подлинно еще молодъ; я ребенкомъ его знала, а и я не выстарокъ.... Ха, ха!... (Молокососову:) Батюшка твой не таковъ былъ: онъ, помилуй Богъ, какъ меня любилъ. Бывало какъ привяжется, такъ изъ дому выжить нельзя; ночь всю насквозь, до разсвѣта, сиживали вмѣстѣ; иногда и одинъ на одинъ, а скучно не бывало; а гулянье-то у насъ и подъ Марьиной рощей и въ подмосковныхъ; тамъ-то пляскито, игранья, пѣнья-то!... Ужъ куда покойникъ-отъ какой охотникъ былъ до пѣсенъ, а пуще всего любливалъ мой голосъ; да я изрядненько и пѣвала. Куда какія веселья у насъ бывали! Нынче таки ничего не видно, какъ будто нѣтъ молодыхъ. Они, право, такъ не веселятся, какъ бывало мы забавлялись. Только нынче и слышно: комедіи, да оперы, да наряды; а мы-то бывало какъ съ постели, такъ и поскакали, и на головѣ, право, оправить некогда было. Зимою-то въ саняхъ, бывало, ночь напролетъ прокатаешься: всю Москву-таки съ конца до конца изъѣздишь; того и смотри что попадешь въ полицію; да что намъ до того, бывало? Хотя бы и случилось переночевать тамъ, вѣдь, все знакомые, все друзья! Не сказавъ никому и выпустятъ! Нынѣ такія ли времена! Кажется

людп-то всѣ перемѣнплпсь: кромѣ охъ да охъ! ничего не услышишь. (Увидя на пальцѣ Молокососова перстень) А, мой свѣтъ, да это еще отцовскій на тебѣ перстенекъ-отъ. Тотъ, право, самый; онъ, покойникъ, бывало, шучивалъ, что на помпнъ души своей его мнѣ оставитъ. Я знаю этотъ перстень.

Непуст. И я слыхалъ, что онъ съ вами въ короткой дружбѣ былъ.

Вѣсти. Камешекъ-то не величекъ, да чистехонекъ.

(Мавра мигаетъ Молокососову, чтобъ онъ подарилъ перстень Вѣстниковой).

Вѣсти. Право, свѣтъ мой, чистехонекъ!

Молок. Позвольте, сударыня, чтобъ я слова родителя своего сдержалъ, и примите отъ меня этотъ перстень въ знакъ моего почтенія.

Вѣсти. И... батька мой... вѣдь я не для того говорила (не отдавая)... Никакъ, мой свѣтъ; на что такъ убытчиться.

Молок. Пожалуйте, сударыня, сдѣлайте мнѣ это одолженіе; я должностью почитаю себѣ исполнять обѣщанія родительскія и радоваться стану, исполняя толь пріятное обѣщаніе. Послѣ этого Вѣстникова тотчасъ же становится адвокатомъ молодого человѣка предъ сестрой. Къ несчастію, ей перечитъ Чудихина; но скоро представляется случай припугнуть эту глупую и суевѣрную старуху. Вотъ какъ это происходитъ.

(Чудихина бѣжитъ, а за нею Христина).

Чудих. Ахъ! погибла я! Умереть мнѣ, умереть!... Ахъ! Ужь умираю, чуть жива... чуть дышу... нѣтъ больше мочи...

(Кидается у кулисъ на кресло).

Христина. Что вамъ это сдѣлалось?

Чудих. Проклятая Мавра меня уморила своими разсказами. Подумай, пожалуй, свѣтъ мой: я сижу, да гадаю въ карты, и въ то самое время, какъ у меня вишновой-отъ король съ крестовой кралей предо мной лежали, и я тому порадовалась, а она и сказала, что я на томъ мѣстѣ сижу...

ахъ, тошно мнѣ... на томъ будто мѣстѣ, на которомъ человѣкъ, назадъ тому тридцать лѣтъ, умеръ . . . .

Я вѣдь испорчена, душа моя; злые люди меня смолоду попортили: всего боюсь! Да какъ и не бояться!? Вотъ гдѣ (указываетъ на животъ) у меня порча-то сидитъ и нынѣ...

Христ. Такъ вы животомъ недомогаете?

Чудих. У меня, свѣтъ мой, въ животѣ щука; смолоду впустила ее туда мнѣ, сонной, мачиха моя; она была колдунья и меня не любила; а въ спину засадила мнѣ собаку, и когда онѣ тамъ ссорятся, такъ я чувствую.... таки точнешенько слышу, какъ щука хвостомъ хлестнетъ по собакѣ, а собака отгрызается и ворчитъ. Ужасть, какая у меня тогда боль сдѣлается! Ахъ, ахъ!... Боюсь... умру... Вѣрно умру!...

(Христина, увидѣвъ, что у Чудихиной на концѣ шейнаго платка два маленькіе узелка завязаны).

Христ. Что это за узелки, матушка, у васъ завязаны?

Чудих. И... душа моя, ничего... Въ одномъ четверговая соль, а въ другомъ росной ладанъ отъ уроковъ.

(Въ это время вынимаетъ платокъ изъ кармана и съ нимъ выпадаютъ два корешка, крестъ-на-крестъ волосами перевязанные).

Христ. (поднявъ). А это что такое?

Чудих. А это корешки, свѣтъ мой, на которыхъ нашептано. Я ихъ ношу всегда, чтобъ и меня таки любили.

Входитъ Ханжахина съ сестрой. Потрясенная страхомъ неминуемой смерти, Чудихина снова начинаетъ охать, а Вѣстникова спѣшитъ объяснить ей, что это напущеніе за ея грѣхи.

Вѣстн. Ништо тебѣ! Для чего ты отговариваешь сестрицу выдать внучку за Молокососова? Вотъ Богъ тебѣ за то и наказалъ.

Чудих. Я грѣшна! Что мнѣ дѣлать? Люблю разбивать свадьбы, и признаюсь, что для меня ничего нѣтъ пріятнѣй, какъ видѣть въ сватаньи разладъ. Вѣдаю, что это дурно, да удержаться не могу; какъ-таки не промолвить словца,

а молвится всегда худое. Я ужъ и отцу духовному не одинъ разъ въ этомъ каялась. Всѣхъ амурщиковъ я съ природы ненавижу, и гдѣ только услышу про любовь, такъ тутъ врагъ меня и всунетъ.

Вѣсти. Ну, такъ я тебѣ утѣшу: вѣдь у Пр...ковой разошелся ладъ съ Краткобродомъ. Мужъ свѣдалъ и, сказываютъ, жену-то прибилъ и бросилъ, а никто не знаетъ, какой дьяволъ ему на ухо шепнулъ. . . . .

Какъ бы ему догадаться? Не вѣдаю.

Чудих. А я такъ вѣдаю, да и не дешево мнѣ стало это знать.

Вѣсти. Скажи, пожалуй, какъ?

Чудих. Я согрѣшила, окаянная: научила своего дворецкаго, чтобъ онъ подкупилъ ихъ людей. Онъ это сдѣлалъ; а люди все и проболтали. Высказали, гдѣ у нихъ съѣзды, какъ и долго ли они видятся. А послѣ я сама посылала за ними своего человѣка верхомъ, подсматривать, и знала всегда о ихъ свиданіи. Потомъ удалось мнѣ и письмо ихъ получить въ свои руки, да какъ мнѣ до нихъ нужды нѣтъ, такъ я чрезъ третьи руки приказала ихъ вмѣсто жены отдать мужу. . . . .

А право, мой свѣтъ, сто рублей мнѣ это стало, и жаль денегъ-то, да радуюсь, что удалось. Боялись же они меня очень!

Вѣстниковой удается, наконецъ, спровадить Чудихину и тогда она начинаетъ обрабатывать свою сестру. „Молокососовъ и богатъ и пригожъ, говоритъ она, а Христина родилась въ волосикахъ и въ сорочкѣ, и родясь три раза прокричала. Кормилица тебѣ будетъ на старости"... Ханжахина начинаетъ умиляться. „Изъ пятнадцати человѣкъ дѣтей, вздыхаетъ она, никого не осталось. Правду сказать, было у меня и шестнадцатое дитя, да то не кормилецъ: какъ шестнадцатымъ-то я была брюхата, такъ злые люди выкрали ребенка и вложили камешекъ, и я помню, съ какимъ великимъ болемъ (sic!) его родила, и теперь ношу его у себя за

пазухой: каковъ ли ни на есть, да лишь мнѣ какъ настоящее дитя“. Дѣло оканчивается разумѣется тѣмъ, что старуха благословляетъ молодыхъ людей, но не даетъ всего давно обѣщаннаго приданаго, противъ чего, однако, никто не протестуетъ.

Таково содержаніе одной изъ лучшихъ комедій Екатерины.

Критикъ настоящаго времени замѣтитъ, что въ ней вообще мало драматическаго движенія, что дѣйствующія лица слишкомъ много говорятъ, что въ видѣ разсказовъ сообщается читателю много такого, что можно было бы изобразить въ драматической формѣ; что, кромѣ трехъ старухъ, всѣ прочія лица лишены оригинальности, что даже и эти три старухи суть какъ бы вывѣски качествъ, обозначенныхъ ихъ фамиліями. Но нашъ критикъ долженъ будетъ поставить часть этихъ несовершенствъ на счетъ эстетическихъ понятій XVIII вѣка, а съ другой стороны, онъ всё-таки долженъ будетъ отдать справедливость наблюдательности автора и искусству, съ коимъ онъ усвоилъ языкъ старыхъ московскихъ кумушекъ.

Но гдѣ могла встрѣчать Екатерина женщинъ подобнаго сорта? Новѣйшія изслѣдованія бытовой стороны нашей исторіи XVIII вѣка убѣждаютъ, что даже при дворѣ, особенно при дворѣ Елизаветы, наблюдатель могъ подмѣтить много чертъ, замѣченныхъ нами въ трехъ помянутыхъ старухахъ. Во всякомъ случаѣ Ханжахина, Вѣстникова и Чудихина должны были напоминать современникамъ Екатерины цѣлую категорію обывательницъ Плющихи или прихода Георгія на Всполье. Вотъ почему извѣстный Новиковъ, послѣ представленія разсказанной мною комедіи, говоритъ въ своемъ Живописцѣ, обращаясь къ ея автору: „Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ правахъ; вы первый съ такою благородною смѣлостью напали на пороки въ Россіи господствовавшіе“. Вѣроятно Новикову было извѣстно имя автора комедіи „О Время!“ когда онъ писалъ эти строки, но тѣмъ

болѣе интереса заключается въ тѣхъ его словахъ, въ которыхъ говорится о вліяніи Екатерининой сатиры на общество. „Истребите, говоритъ Новиковъ, изъ сердца своего всякое пристрастіе; не взирайте на лицо; порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣиваемаго себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только единой перомъ вашимъ угнетаются, а превосходительство, удрученное пороками, хотя въ первый разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными".

Реальность есть самая выдающаяся сторона драматическаго таланта Екатерины, когда она давала ему волю. Можно жалѣть только, что она не вполнѣ отдавалась свойственному ей чувству правды и нерѣдко слѣдовала рутинѣ, изображая людей какъ бы по установленнымъ образцамъ. Зато нѣкоторыя черты въ ея комедіяхъ буквально вырваны изъ дѣйствительности. Можно держать пари, что слѣдующее письмо одного старого собачника къ сыну своему не сочинено, а цѣликомъ напечатано съ какого-нибудь подлинника, написаннаго рукой болѣе привычною держать свору и арапникъ чѣмъ перо.

„Другъ мой, Иванъ Филатьевичъ, здравствуй, буди надъ тобою наше родительское благословеніе. О себѣ доношу, что въ суетахъ моихъ еще живъ, только старая моя болѣзнь животомъ весьма расходилась и никакой уже давно пользы нѣтъ; другой мѣсяцъ не встаю съ постели; къ тому жъ, мой другъ, хлопотъ полонъ ротъ. Хлѣбъ дешевъ; травы хотя и хороши были прошлое лѣто, да подмокли; солома плоха. Пріѣзжай, мой другъ, самъ, да привези съ собой Антипку и сѣрую суку; вѣдь не знаешь бѣды: щенята ея всѣ подохли; я чуть съ ума отъ этого не сошелъ: такая сдѣлалась причина! До болѣзни своей, пока она меня не свалила, таскался я на полѣ: хорошо-таки повеселили...

Пріѣзжай, мой другъ, поскорѣе, а впрочемъ остаюсь... атецъ вашъ Филатей Гремухинъ".

Замѣчательно, что всего менѣе художественной правды (если не считать разныхъ Добросердовыхъ, Правдиныхъ, лицъ завѣдомо безцвѣтныхъ) встрѣчается въ слугахъ и служанкахъ, изображаемыхъ Екатериной. Изображая ихъ, она никакъ не могла отдѣлаться отъ типа Криспеновъ и Фаштоновъ, однако и въ этихъ, вообще не удающихся ей, типахъ, читатель нерѣдко встрѣчаетъ черты, несомнѣнно заимствованныя изъ дѣйствительности.

Характеристика Екатерины II.

Я. К. Грота.

Разработка исторіи Екатерины II у насъ только что начинается. До сихъ поръ почти всѣ наши сужденія объ этой государынѣ носили чисто-панегирическій характеръ; немногія попытки исторіи ея царствованія на русскомъ языкѣ, какъ-то: Колотова, Сумарокова, Лефорта, Вейдемейера, отличаются краткостью и отсутствіемъ всякой критики, такъ что нельзя безъ чувства нѣкотораго смиренія, чтобъ не сказать болѣе, взять въ руки изданныя у насъ доселѣ историческія сочиненія о Екатеринѣ II. Въ нашей періодической литературѣ 1860-хъ г.г. явилось относительно ея времени нѣсколько статей съ болѣе серіознымъ направленіемъ; но ихъ авторы, желая стать на новую точку зрѣнія, впадаютъ въ другую крайность: видятъ во всемъ одну темную сторону и стараются доказать, что весь блескъ царствованія Екатерины былъ только внѣшній, что подъ нимъ скрывалась бездна неустройствъ и страданій народа. Будущему историку предстоитъ рѣшить, насколько вѣренъ такой взглядъ. Покуда не слѣдуетъ, однакожъ, забывать, что государство, оставленное Екатеринѣ Анною и Елизаветою, не могло быть пересоздано вдругъ: Екатерина пожинала плоды того, что было посѣяно послѣ Петра I. Нельзя не согласиться, что она понимала

потребности Россіи и старалась удовлетворять ихъ, что она въ предѣлахъ возможности измѣнила, исправила многое и замѣтно подвинула развитіе русскаго народа. Не должно забывать того, что въ началѣ ея царствованія писалъ англійскій посолъ Макартней и что всегда оставалось болѣе или менѣе справедливымъ: „Ей часто противопоставляются съ умысломъ препятствія; ея планы велики и разнообразны, но средства, которыми она располагаетъ, не соотвѣтствуютъ цѣли“.

Въ числѣ русскихъ писателей прежняго времени, высказывавшихъ сужденія объ Екатеринѣ, замѣчательное мѣсто занимаетъ Державинъ: какъ лирикъ онъ съ восторгомъ восхвалялъ ея достоинства, по впослѣдствіи, какъ ея статсъ-секретарь, увидѣвъ ее вблизи, онъ нашелъ въ ней недостатки, на которые указалъ въ своихъ запискахъ. По его мнѣнію, Екатерина стремилась не безусловно къ истинѣ и справедливости, но часто жертвовала ими разнымъ внѣшнимъ соображеніямъ, желая угодить своимъ приближеннымъ.

Неумолимыми обвинителями Екатерины, съ самаго восшествія ея на престолъ, являются иностранные писатели. Рядъ ихъ должно начать съ нѣкоторыхъ лицъ дипломатическаго корпуса при ея дворѣ, не всегда правильно понимавшихъ ее. Прислушиваясь къ отзывамъ о ней иноземцевъ, невольно спрашиваешь себя: дѣйствительно ли она заслуживаетъ той славы, какою пользуется? справедливо ли поступило потомство, поставивъ ей памятникъ? не затемняютъ ли блеска ея побѣдъ и государственныхъ дѣлъ побужденія холодной, черствой и коварной души, какую въ ней видитъ, напримѣръ, профессоръ Германъ?

Вопросы эти, однакожъ, не должны слишкомъ смущать почитателя Екатерины. Надо помнить, что съ самаго пріѣзда ея въ Россію, при дворѣ и въ обществѣ были двѣ партіи, совершенно различно на нее смотрѣвшія. Отголоски той изъ этихъ партій, которая не щадила средствъ очернить и унизить ее, слышатся до сихъ поръ. Въ неблагопріятныхъ

сужденіяхъ объ Екатеринѣ иностранныхъ писателей нельзя не видѣть, по крайней мѣрѣ, очень часто, тайнаго недоброжелательства къ Россіи. Они не могутъ не чувствовать, хотя, конечно, и не сознаются въ томъ, что для интерессовъ ихъ государствъ было бы лучше, если бъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія на престолѣ русскомъ остался Петръ III съ его благоговѣніемъ къ прусскому королю, съ его планомъ датской войны и другими ошибками. Какъ простить Екатеринѣ, что она доставила русской національной политикѣ преобладаніе въ Европѣ, что она старалась сдѣлать русскій народъ соперникомъ западныхъ въ промышленности, торговлѣ и просвѣщеніи, что она понимала необходимость дать въ своемъ государствѣ перевѣсъ русской національности надъ чуждыми элементами и не хотѣла признавать правъ завоеванныхъ областей на самостоятельное существованіе?

Вотъ вины Екатерины предъ иноземными историками, прикрывающими свое неудовольствіе обвиненіемъ ея въ нарушеніи всѣхъ законовъ житейской нравственности. Таковъ приговоръ Шлоссера, который, впрочемъ, отдаетъ справедливость ея уму, способностямъ и познаніямъ, но не можетъ простить ей, что она сдѣлалась предметомъ похвалъ и удивленія всего міра. Онъ упрекаетъ ее въ томъ, что она „по обычаю прославленныхъ свѣтомъ дамъ и мужчинъ, такихъ какъ г-жи Жанлисъ и Сталь, или какъ Талейранъ, усвоила себѣ всѣ блестящія качества своего времени и своего пола“. Онъ обвиняетъ ее въ послѣдованіи политикѣ Макіавелли и философіи Дидро, и не безъ досады упоминаетъ, что, пока Петръ III предавался безпечности и разгулу, она вела дипломатическую переписку и жила вполнѣ русскою жизнью. О Петрѣ III Шлоссеръ говоритъ, что еслибъ онъ царствовалъ гдѣ-нибудь въ Германіи, то для „терпѣливыхъ нѣмцевъ“ былъ-бы не хуже многихъ другихъ владѣтельныхъ принцевъ. Сопоставивъ такимъ образомъ обоихъ супруговъ, Шлоссеръ далѣе развиваетъ, какъ безразсудны были всѣ дѣйствія Петра, не имѣвшаго ни дальновидности, ни такта, ни чув-

ства простого приличія, и какъ напротивъ всѣ планы и поступки Екатерины были согласны съ самою мудрою политикою и благомъ Россіи. При этомъ Шлоссеръ не замѣчаетъ самъ, въ какія странныя противорѣчія онъ впадаетъ, подвергая Екатерину безпощадному обвиненію за все то, чѣмъ она возвеличила и прославила Россію. Неоспоримо, что успѣхъ не оправдываетъ всѣхъ средствъ, употребленныхъ для достиженія цѣли; но нельзя же не сознаться, что многое въ дѣйствіяхъ Екатерины было вынуждено обстоятельствами, поведеніемъ ея супруга, и что она, доставивъ Россіи побѣды надъ всѣми врагами, грозное положеніе и славу, мощно двинувъ русскій народъ на пути къ просвѣщенію и благоустройству, многое въ своей жизни загладила и пріобрѣла право на признательность потомства. Одинъ изъ бывшихъ при дворѣ ея пословъ справедливо замѣтилъ: нельзя не видѣть для русскихъ пользы въ томъ, что у нея есть что заглаживать, потому что иначе она бы не дѣйствовала съ такимъ усердіемъ и энергіею для снисканія любви народа и славы.

Нѣтъ сомнѣнія, что слава Екатерины не безъ пятенъ, что передъ судомъ Божіимъ и человѣческимъ она не можетъ быть оправдана во многихъ изъ своихъ дѣлъ; но въ ея дѣятельности надобно отличать двѣ стороны: человѣческую и государственную, и ошибки ея въ первомъ отношеніи не могутъ заслонять передъ нами незабвенныхъ ея заслугъ въ послѣднемъ, а притомъ Екатерина и какъ человѣкъ является, по большей части, мудрою, благою, великою. Въ сердцѣ ея не было ни холодности, ни жестокости; ея поступки въ домашнемъ, какъ и въ царственномъ быту представляютъ множество примѣровъ великодушія, милости и сострадапія. Она цѣнила сопряженное съ положеніемъ монарха счастіе дѣлать добро и обильно пользовалась этимъ счастіемъ. Но Екатерина была человѣкъ: если для виновнаго подданнаго предъ судомъ правды и закона бываютъ смягчающія обстоятельства, то не должны ли таковыя существовать и для мо-

нарха предъ судилищемъ исторіи? Недавно одинъ француз-скій писатель, г. Рамбо, съ рѣдкимъ безпристрастіемъ замѣтилъ: „Екатерина II можетъ только выиграть отъ ближайшаго съ нею знакомства; настоящая исторія всегда будетъ къ ней снисходительнѣе памфлетовъ, долго заступавшихъ ея мѣсто“. Судя по этому отзыву можно ожидать, что наконецъ и западно-европейская литература будетъ отдавать справедливость безсмертной императрицѣ. Съ другой стороны, будемъ надѣяться, что сами русскіе станутъ болѣе прежняго относиться къ ней съ осмотрительною критикою.

Послѣдовавшее въ 1873 году открытіе памятника Екатеринѣ II представляется знаменательнымъ событіемъ въ отношеніи къ разработкѣ ея исторіи. Со всенароднымъ признаніемъ ея заслугъ передъ цѣлымъ міромъ, съ торжественнымъ заявленіемъ общаго уваженія къ ея памяти долженъ наступить у насъ новый періодъ въ оцѣнкѣ разныхъ сторонъ ея царствованія. Теперь величіе ея утверждено несомнѣнно: разнообразныя сужденія о частностяхъ ея дѣлъ и характера уже не могутъ быть опасны для ея славы. Конечно, полной, совершенно удовлетворительной исторіи Екатерины еще нельзя ожидать въ скоромъ времени, но мы можемъ уже стремиться къ такой исторіи. Мы обязаны теперь, съ обильными источниками въ рукахъ, безпристрастно изслѣдовать разныя отрасли ея дѣятельности, отдѣльныя событія ея царствованія, взвѣшивать различныя стороны ея характера, и такимъ образомъ готовить предварительные труды для обширнаго историческаго зданія. Имѣть памятникъ Екатерины и не имѣть ея исторіи, написанной русскимъ и въ Россіи, служило бы не къ чести нашего образованія и нашей науки.

Какъ ни разнообразны сужденія писателей о нравственномъ достоинствѣ и душевныхъ качествахъ Екатерины, но въ одномъ всѣ согласны: въ признаніи силы ея воли, величія ея ума и многосторонности познаній. Не многія историческія лица такъ поражаютъ воображеніе своею пе-

*

обыкновенною судьбою и блестящими успѣхами, какъ Екатерина. Но въ этой судьбѣ еще не столько замѣчательно самое возвышеніе Екатерины, сколько удивительное соотвѣтствіе между потребностями новаго положенія и способностями ея, совершенная подготовка, которая въ ней оказалась для выпавшаго на долю ея великаго призванія. Тридцати трехъ лѣтъ отъ роду она является на престолѣ уже въ полномъ развитіи своей государственной мудрости и мощнаго характера. Но ключъ къ ея энергической дѣятельности скрывается въ предшествовавшихъ обстоятельствахъ, въ тѣхъ восемнадцати годахъ, которые она передъ тѣмъ прожила при русскомъ дворѣ; не безъ значенія для ея будущаго и ранняя молодость, проведенная ею въ Германіи. Одну изъ самыхъ интересныхъ задачъ для историка составляетъ изслѣдованіе вопроса: какъ образовался постепенно этотъ характеръ, какъ скопились тѣ сокровища опытности и знанія, которыми обладала Екатерина; какъ могло въ слабой женщинѣ развиться такое изумительное могущество духа, такая твердость и послѣдовательность воли; откуда могла принцесса, вступившая на политическое поприще уже пятнадцати лѣтъ отъ роду, взять такое глубокое политическое образованіе, такія разнообразныя и обширныя свѣдѣнія.

Личность Екатерины II.

А. Брикнеръ.

Личность императрицы была какъ бы создана для престола: въ исторіи мы не встрѣчаемъ другой женщины, столь способной къ управленію дѣлами. На всѣхъ и каждаго она производила глубокое впечатлѣніе. Едва ли кто болѣе рѣзко и невыгодно отзывался о качествахъ императрицы, какъ Массонъ; однако и этотъ писатель-памфлетистъ замѣчаетъ, что въ продолженіе десяти лѣтъ, имѣя случай видѣть Екатерину разъ или два въ недѣлю, онъ всегда былъ пораженъ необычайно привлекательною личностью ея, достоинствомъ,

съ которымъ она держала себя, любезностью ея обращенія со всѣми и пр.

Въ своихъ запискахъ Екатерина сама сообщила подробно о ходѣ своего развитія, о своемъ стремленіи къ власти, о томъ, что она не была разборчива въ средствахъ для достиженія этой цѣли. Въ зрѣломъ возрастѣ она сдѣлалась самодержицею. Послѣ страшнаго униженія, горькихъ испытаній, перенесенныхъ въ молодости, она тѣмъ болѣе наслаждалась находившеюся въ ея распоряженіи неограниченною властью. То обстоятельство, что коренная перемѣна обстановки, быстрый переходъ отъ полной зависимости къ полному могуществу нисколько не возбуждали въ ней наклонности къ деспотизму, свидѣтельствуетъ о добромъ нравѣ императрицы, тогда какъ сынъ ея, подвергнувшись подобному перелому въ внѣшней обстановкѣ, не зналъ мѣры порывамъ деспотизма. Мы видѣли, что неблагопріятныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Екатерина до 1762 года, оказали вредное вліяніе на ея характеръ; за то власть и перевѣсъ, полученные ею послѣ удачнаго государственнаго переворота, оказали облагораживающее вліяніе на нравъ императрицы. До того она встрѣчала необходимость весьма часто прибѣгать къ мелочнымъ мѣрамъ для улучшенія своего положенія, для того, чтобы отомстить своимъ противникамъ; располагая полною властью, наслаждаясь выгодами своего положенія, пользуясь уваженіемъ современниковъ, обожаемая лицами, окружавшими ее, императрица не нуждалась болѣе въ тѣхъ средствахъ, которыми обыкновенно пользуются слабые въ борьбѣ съ сильными. Въ то время, когда надъ нею зорко наблюдали, когда ей не довѣряли ни Елизавета Петровна, ни Петръ, она умѣла притворяться, лицемѣрить, показывать видъ смиренія и скромности, между тѣмъ какъ въ душѣ она была исполнена высокомѣрія и презрѣнія къ людямъ. Теперь же, окружая себя всецѣло преданными ей лицами, она могла дѣйствовать открыто, благородно. Великая княгиня, находясь въ уединеніи, отличалась холодностью въ обраще-

ніи, недовѣріемъ къ людямъ, подозрительностью; императрица, напротивъ, давала просторъ развитію чувства благоволенія, снисходительности, сердечнаго вниманія къ интересамъ окружавшихъ ее лицъ. Не даромъ Петръ и Елизавета не довѣряли Екатеринѣ, порицали ея характеръ; не даромъ, впослѣдствіи, многіе ставили высоко добродушіе Екатерины.

Исторія двора при Петрѣ I, при императрицѣ Аннѣ, при Елизаветѣ, изобилуетъ чертами тираніи, жестокости и произвола; всѣ современники Екатерининскаго царствованія удивлялись кротости ея обращенія съ окружавшими ее лицами, радовались совершенному устраненію жесткихъ формъ и крутыхъ мѣръ въ отношеніи къ подчиненнымъ. Екатерина, несмотря на живой темпераментъ, на нѣкоторую склонность къ увлеченію—стоитъ только вспомнить о ея рѣзкихъ отзывахъ о короляхъ Швеціи и Пруссіи—вполнѣ владѣла собою, и въ обращеніи съ людьми руководствовалась правилами человѣколюбія. „Я люблю хвалить и награждать громко, порицать тихо", справедливо замѣтила она однажды въ бесѣдѣ съ Сегюромъ; она любила избѣгать случаевъ оскорбить кого-нибудь; особенно внимательна была она въ обращеніи съ прислугою; „доживу ли я до того, чтобы меня не боялись", сказала она однажды, замѣтивъ, что истопникъ, заслужившій за какую-то неисправность выговоръ, избѣгалъ встрѣчи съ нею. Часто Екатерина, давая какое-нибудь порученіе, извинялась за причиняемый трудъ и хлопоты. Храповицкій сообщаетъ нѣкоторыя черты такого вниманія Екатерины къ окружавшимъ ее лицамъ; неоднократно императрица, въ нетерпѣніи или раздраженіи, употребивъ нѣсколько рѣзкое выраженіе, сознавалась въ горячности и старалась исправить свою ошибку. Разсказывали, что императрица, просыпаясь, обыкновенно, рано утромъ, въ 6 часовъ, и дорожа спокойствіемъ своихъ служителей, не требовала чужой помощи, одѣвалась, зажигала свѣчу, затапливала каминъ и, никого не тревожа, садилась за книги и бумаги. Разныя анекдотическія черты, передаваемыя современниками, свидѣтельствуютъ о снисходительности

Екатерины къ прислугѣ, о недостаточной строгости ея въ обращеніи съ служащими, о ея добротѣ и кротости. Когда она приходила въ гнѣвъ, то засучивала рукава, расхаживала по комнатѣ, пила воду и никогда ничего не рѣшала подъ первымъ впечатлѣніемъ. Особенно замѣчательною оказывается способность императрицы устранять недоразумѣнія, возникшія почему-либо между нею и другими лицами; въ ея запискахъ къ разнымъ вельможамъ встрѣчаются внушенія не предаваться мнительности, не быть чрезмѣрно обидчивымъ, не унывать, а ободриться, вѣрить въ свои способности, надѣяться на успѣхъ и пр. Въ минуту опасности, она умѣла поднимать духъ въ лицахъ, ее окружавшихъ, вселяя въ нихъ твердость и мужество. Болѣе чѣмъ многія другія высокопоставленныя лица, Екатерина была доступна чувству состраданія. Хотя нельзя не сожалѣть о чрезмѣрной щедрости императрицы, дорого обходившейся казнѣ и обогатившей, главнымъ образомъ, фаворитовъ, нельзя не признать, въ то же время, что желаніе ея обрадовать другихъ, содѣйствовать ихъ счастію соотвѣтствуетъ глубоко-нравственному настроенію. Этимъ же объясняется любезность въ обращеніи Екатерины съ дѣтьми. Воспитанницы благороднаго института называли ее „нѣжною и снисходительною матерью"; изъ писемъ Екатерины къ княгинѣ Черкасовой (Левшиной), которую она обыкновенно называла „черномазою Левушкой", видно, какъ она умѣла входить въ положеніе молодыхъ дѣвицъ, давать имъ совѣты, руководить ихъ воспитаніемъ и пр.

Отличительными чертами характера Екатерины были веселость, юморъ, склонность къ шуткамъ и забавамъ. Однажды она замѣтила: „Относительно веселости Фридриха (Великаго) надо замѣтить, что она проистекаетъ отъ его превосходства. Былъ ли когда великій человѣкъ, который бы не отличался веселостью и не имѣлъ въ себѣ неистощимый запасъ ея? Вотъ вопросъ!" Екатеринѣ доставляло большое удовольствіе посѣщать маскарады и, сохраняя глубокое инкогнито, бесѣдовать съ разными лицами; она сама разсказывала подробно,

какъ однажды въ мужскомъ платьѣ сдѣлала объясненіе въ любви одной дѣвушкѣ, не подозрѣвавшей, что съ нею говоритъ императрица. Княгиня Дашкова, въ своихъ „Запискахъ", сообщаетъ, какъ императрица, въ первое время своего царствованія, посѣщая Дашковыхъ, разыгрывала роль пѣвицы и вмѣстѣ съ княземъ Дашковымъ, столь же неспособнымъ къ музыкѣ, какъ и сама Екатерина, устроила что-то въ родѣ кошачьяго концерта, импровизируя при этомъ текстъ и проч. Усмотрѣвъ изъ счетовъ одного придворнаго служителя, что пудры для ея головы ежедневно расходовался цѣлый пудъ, она вышла въ пріемную молча и поддерживая свою голову рукою; на вопросъ объ ея здоровьѣ, она жаловалась, что ей высыпали цѣлый пудъ пудры на голову. Веселость императрицы высказывалась особенно часто и удачно въ разныхъ литературныхъ забавахъ. То она сочиняла какую-нибудь шуточную надгробную надпись для собачки, то придумывала какой-нибудь комическій девизъ для дачи князя Нарышкина; стихи, сочиненные императрицею въ честь Потемкина, во время пребыванія въ Бахчисараѣ, въ 1787 году, доставили большое удовольствіе ея спутникамъ; она постоянно придумывала новыя стихотворныя сочиненія, напр. записку о разныхъ видахъ смѣха, „Sentences chinoises", въ которыхъ заключалась сатира на академію, изслѣдованіе вопроса о томъ, какою смертью долженъ будетъ умереть каждый изъ лицъ, ее окружающихъ, и проч.

О нравѣ и личности Екатерины, такъ сказать въ частной жизни, мы особенно подробно узнаемъ при изученіи дневника Храповицкаго. Онъ, въ продолженіи цѣлаго десятилѣтія, ежедневно видѣлъ императрицу и почти ежедневно, а иногда и по нѣскольку разъ въ день, записывалъ то, что происходило при дворѣ, чѣмъ занималась Екатерина, какъ она разсуждала о томъ или другомъ предметѣ. Изъ этого источника можно составить себѣ понятіе о занятіяхъ Екатерины политическими вопросами, искусствомъ, литературою, науками, о настроеніи ума императрицы, о впечатлѣніи, произведенномъ на нее тѣмъ

или другимъ событіемъ, о томъ, какъ она судила о томъ или другомъ лицѣ и пр. Такого рода источники гораздо болѣе непосредственно, чѣмъ дѣловыя бумаги или записки, или письма, воспроизводятъ для насъ всѣ частности прошедшаго времени, всѣ мелочи обыденной жизни, всѣ оттѣнки душевнаго и умственнаго настроенія историческихъ лицъ. Благодаря такимъ источникамъ, лишеннымъ литературнаго значенія, но допускающимъ, нѣкоторымъ образомъ, сравненія съ фотографическимъ приборомъ, мы имѣемъ возможность заглядывать, такъ сказать, въ закулисную сторону жизни великихъ дѣятелей. Знакомя насъ короче съ личностью Екатерины, сообщая множество данныхъ объ ея характерѣ, рабочей силѣ, образованіи, умственномъ и нравственномъ кругозорѣ, дневникъ Храповицкаго оказывается ничѣмъ незамѣнимымъ для историка источникомъ. Руководствуясь этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ, можно бы составить перечень важнѣйшимъ письмамъ, писаннымъ императрицею въ то время, когда Храповицкій былъ чуть ли не ежедневнымъ ея собесѣдникомъ. Нерѣдко она прочитывала ему кое-какія выдержки изъ своей корреспонденціи. Храповицкій принималъ иногда дѣятельное участіе въ литературныхъ занятіяхъ императрицы. Нигдѣ въ этомъ дневникѣ не встрѣчается прямого отзыва о личности ея. Храповицкій не хвалитъ и не порицаетъ Екатерины. Каждая строка дневника, однако, свидѣльствуетъ о безусловной преданности автора, посвященнаго во всѣ интересы императрицы, узнававшаго обо всѣхъ случаяхъ, вліявшихъ на ея воззрѣнія, на ея темпераментъ. Ловкій и услужливый царедворецъ, Храповицкій никогда не противорѣчилъ Екатеринѣ; онъ хорошо зналъ о томъ, что ее занимало главнымъ образомъ въ данную минуту, что было предметомъ ея заботъ, ея горя, ея веселости и пр. и умѣлъ бесѣдовать съ нею, входя въ ея положеніе, вдумываясь въ ея мысли, дополняя то, что она говорила, дѣльными замѣчаніями, иногда успокаивая ее. Императрица любила шутить съ Храповицкимъ, иногда журила его, впрочемъ, самымъ не-

виннымъ образомъ, смѣясь, напр., надъ его тучностью, или разспрашивая его о здоровьѣ и пр. Бесѣды Екатерины съ Храповицкимъ отличались совершенною безцеремонностью; порою въ нихъ затрогивались болѣе или менѣе щекотливыя темы, разсказывались случаи изъ петербургской скандалезной хроники, иногда императрица разсуждала о характерѣ царствованія ея предшественниковъ, о Петрѣ I, объ Аннѣ, Елизаветѣ; встрѣчается множество, отчасти довольно рѣзкихъ, отзывовъ о разныхъ сановникахъ и фаворитахъ, о неспособности или нерадѣніи того или другого чиновника и пр. Мѣстами въ дневникѣ Храповицкаго заключаются разсужденія о характерѣ и значеніи важнѣйшихъ событій исторіи Россіи. Изъ дневника Храповицкаго мы узнаемъ о безчисленныхъ порывахъ страсти, раздраженія, горя у Екатерины. Весьма часто упоминается о слезахъ ея. По случаю отъѣзда Павла Петровича въ Финляндію, въ 1788 году, Храповицкій пишетъ: „Прощались съ цесаревичемъ, плакали“. „Чувствительность и слезы“, сказано по поводу кончины Грейга. По случаю болѣзни и кончины Потемкина: „Слезы“, „слезы и отчаяніе“, „проснулись въ огорченіи и въ слезахъ“, „продолженіе слезъ“ и пр. Иногда императрица жаловалась на усталость, на чрезмѣрную сложность дѣлъ, на наступающую старость. Бывало множество поводовъ къ разстройству и раздраженію. То она узнавала о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, то о голодѣ, то о какой-нибудь продѣлкѣ того или другого корыстолюбиваго чиновника, то о ссорахъ между разными вельможами. Весьма часто она теряла терпѣніе, употребляла сильныя выраженія. Храповицкій пишетъ однажды (въ 1788 г.): „Назвали короля шведскаго бестіей и предо мною извинились тѣмъ, что стоитъ онъ того названія“. Когда грозила шведская война и нѣкоторые вельможи недостаточно ревностно исполняли свою обязанность, она сказала: „Я не знаю, кто дѣлаетъ каверзы, но могу назвать канальею, потому что вредятъ пользѣ государства“ и пр. Вслѣдствіе волненій, причиняемыхъ Екатеринѣ политическими событіями,

она иногда заболѣвала. О всѣхъ случаяхъ нездоровья императрицы Храповицкій сообщаетъ подробныя данныя. Общее впечатлѣніе, производимое личностью Екатерины при чтеніи и разборѣ дневника Храповицкаго, нисколько не соотвѣтствуетъ той характеристикѣ, которая встрѣчается въ сочиненіяхъ историковъ-памфлетистовъ, въ родѣ Массона, Гельбиха, Сальдерна, Кастера. Она выигрываетъ въ нашихъ глазахъ; мы можемъ составить себѣ весьма благопріятное мнѣніе не только объ умственныхъ, но также и душевныхъ качествахъ императрицы.

Не должно считать дѣломъ случая или дѣйствіемъ угодничества то обстоятельство, что сохранилось множество анекдотовъ, свидѣтельствующихъ о великодушіи Екатерины. Многіе современники, далеко не безусловно восхвалявшіе ее, утверждали, что она была въ состояніи выслушивать неправившуюся ей истину, что она умѣла сдерживать свой гнѣвъ, что она была способна сознавать свои ошибки и недостатки. Таковы отзывы Разумовскаго, Державина, Мусина-Пушкина, Теплова и др. Разумѣется, нѣтъ недостатка и въ другихъ чертахъ, свидѣтельствующихъ о нѣкоторомъ упрямствѣ, своеправіи и высокомѣріи императрицы. Державинъ приводитъ нѣсколько случаевъ въ доказательство, что Екатерина въ своихъ дѣйствіяхъ часто руководствовалась разными, скорѣе личными соображеніями, желаніемъ угодить тому или другому изъ своихъ приближенныхъ, нежели попеченіемъ объ истинномъ благѣ государства и строгимъ правосудіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однакожъ, онъ отдаетъ справедливость милосердію Екатерины, ея снисходительности къ людскимъ слабостямъ, ея заботливости о страдающихъ и угнетенныхъ, ея умѣнью привлекать къ себѣ сердца и удивительному самообладанію. Не даромъ упрекали Екатерину въ томъ, что она, протестуя противъ употребленія пытки и тѣлеснаго наказанія, давала просторъ жестокостямъ Шешковскаго, весьма часто собственноручно мучившаго подсудимыхъ самымъ неистовымъ образомъ; однако мы не можемъ опредѣлить, на сколько былъ извѣстенъ им-

ператрицѣ варварскій образъ дѣйствій этого слѣдователя. Указывая на нѣкоторыя случаи произвола и нарушенія закона, случившіеся при Екатеринѣ, князь Щербатовъ замѣчаетъ, что императрица считала свою волю выше закона и этимъ самымъ давала пагубный примѣръ вельможамъ и сановникамъ, подражавшимъ ей въ этомъ отношеніи, и пр. Не даромъ современники рѣзко порицали тщеславіе Екатерины. Іосифъ II однажды писалъ къ князю Кауницу: „Не должно забывать, что мы имѣемъ дѣло съ женщиною, которая столь же мало, какъ и я самъ, печется о благѣ Россіи: нужно льстить ей. Тщеславіе—ея идолъ; успѣхъ и угодничество испортили ее". Екатеринѣ нравилось, когда ее называли Минервою. Оды Державина, въ которыхъ была восхваляема императрица, вполнѣ соотвѣтствовали ея вкусу: она постоянно и сильно нуждалась въ похвалѣ. Въ то время, когда финансы Россіи находились въ крайнемъ разстройствѣ, Екатерина называла государственное хозяйство имперіи образцомъ порядка и правильнаго устройства. Мысль о неудачѣ была для нея самою тяжелою; она, какъ мы знаемъ, не была разборчивою въ средствахъ для достиженія цѣли; искренность ея во многихъ случаяхъ подлежитъ сильному сомнѣнію. Что касается религіозности Екатерины, то Фридрихъ II прямо обвинялъ ее въ лицемѣріи и ханжествѣ. Мы помнимъ, что ей было нелегко рѣшиться на принятіе православія, но что затѣмъ она употребляла внѣшнее благочестіе, какъ средство для упроченія своего положенія въ Россіи. Строго соблюдая правила церкви, исполняя добросовѣстно религіозныя обязанности, императрица старалась произвести нѣкоторое впечатлѣніе на своихъ подданныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, она оставалась вѣрною началамъ терпимости, проповѣдуемымъ въ литературѣ просвѣщенія. Когда Вольтеръ упрекалъ ее въ томъ, что она унижаетъ себя, цѣлуя руку священника, она оправдывалась тѣмъ, что это лишь внѣшній обычай, который мало-по малу выходитъ изъ употребленія. Нѣтъ сомнѣнія, что религіозность Екатерины не вытекала изъ особенно глубокаго чувства.

Въ письмахъ Екатерины къ барону Гримму встрѣчаются неоднократно выходки противъ Лютера и лютеранъ. Она порицала лютеранъ за недостатокъ вѣротерпимости. Неоднократно она восхваляла православную вѣру, называла ее лучшею въ мірѣ. Въ раздраженіи по поводу французской революціи, она однажды заявила, что всѣ протестантскія правительства хорошо бы сдѣлали, рѣшившись принять православіе, потому что это исповѣданіе должно считаться оплотомъ противъ „непріязненной всякой религіи, безнравственной, анархической, преступной, воровской, богохульской и опрокидывающей престолы заразы"; она сравнивала греческую церковь съ дубомъ, имѣющимъ глубокіе корни. Рядомъ съ этими замѣчаніями, встрѣчаются, въ устныхъ замѣткахъ и въ письмахъ императрицы, смѣлыя выходки противъ чрезмѣрной набожности и изувѣрства. Таковы нѣкоторыя колкія замѣчанія, относившіяся къ Маріи Терезіи, къ королевѣ Португальской и др. Въ нѣкоторыхъ шуткахъ, которыя императрица позволяла себѣ о вопросахъ церкви и религіи въ письмахъ къ Гримму, проглядываетъ тотъ самый раціонализмъ, которымъ отличались корифеи французской литературы. Екатерина хвалила сочиненіе Николаи „Sebaldus Nothanker" особенно потому, что въ немъ осуждалось лицемѣріе. Она не любила углубляться въ частности религіозно-философскихъ вопросовъ. Главною чертою ея характера была нѣкоторая свѣтскость. Ея міросозерцаніемъ былъ оптимизмъ, а главнымъ правиломъ житейской мудрости—веселость. Она не любила размышлять о печальныхъ событіяхъ, предаваться горю, останавливаться на какомъ-либо мрачномъ предметѣ. Этимъ самымъ отчасти и объяснялось ея уваженіе къ Вольтеру, котораго она называла „божествомъ веселости". И эту игривость и живучесть, эту свѣжесть и веселость она сохранила до конца своихъ дней.

Не даромъ князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ" рѣзко порицалъ неслыханную расточительность, которою отличался пышный дворъ Екатерины.

Онъ справедливо замѣтилъ, что чрезмѣрная роскошь во время этого царствованія не вяжется съ строгимъ отзывомъ Екатерины о баснословно богатомъ гардеробѣ императрицы Елизаветы Петровны. Не безъ основанія онъ находилъ, что примѣръ Екатерины подѣйствовалъ весьма вредно на подражавшихъ ей въ этомъ отношеніи царедворцевъ, фаворитовъ, вельможъ и сановниковъ. Зато Щербатовъ хвалитъ императрицу за чрезвычайную умѣренность въ пищѣ и питьѣ, между тѣмъ какъ лица, окружавшія ее, и въ этомъ отношеніи не знали мѣры, отличаясь всякаго рода сибаритствомъ.

Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію въ это время, удивлялись баснословной пышности русскаго двора. Коксъ замѣтилъ, что въ ней представляется соединеніе азіатской роскоши съ чрезмѣрною европейскою утонченностью. Его поразило, между прочимъ, и то, что не только женщины, но и мужчины являлись въ уборахъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Сегюръ говорилъ, что нигдѣ и никогда не видѣлъ столь цѣнныхъ столовыхъ приборовъ и украшеній, какъ по случаю празднества, устроеннаго въ Москвѣ графомъ Шереметевымъ въ честь Екатерины, въ 1787 году. Необычайною роскошью отличались также и празднества, устроенныя въ честь императрицы Безбородкою, Потемкинымъ и др. Самымъ замѣчательнымъ эпизодомъ такого рода былъ праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ въ 1791 году.

Въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ Екатерина любила описывать всю прелесть и сказочный блескъ придворныхъ празднествъ. Къ описанію Потемкинскаго празднества въ 1791 г., въ письмѣ къ Гримму, приложенъ собственноручный рисунокъ, изображающій великолѣпное помѣщеніе, въ которомъ происходилъ пиръ, и т. п.

Екатерина наслаждалась роскошью, комфортомъ и красивымъ мѣстоположеніемъ своихъ дворцовъ, дачъ, оранжерей, садовъ и пр. Обо всемъ этомъ говорится часто и подробно въ письмахъ къ разнымъ лицамъ. Екатерина была чрезвычайно довольна, когда иностранные путешественники,

архитекторы, художники, специалисты въ устройствѣ садовъ и парковъ хвалили ея вкусъ и восхищались прелестью Петергофа, Царскаго Села и пр.; она любила описывать роскошь и изящество зеркалъ и колоннадъ, картинъ и статуй, пышность и уютность покоевъ въ Эрмитажѣ, импозантную архитектуру зданій, построенныхъ итальянскимъ архитекторомъ Гваренги. Свою страсть къ разведенію садовъ и къ постройкѣ дворцовъ она называла „plantomanie“ и „bâtissomanie“; всѣмъ этимъ она охотно занималась еще въ то время, когда была великою княгинею; располагая гораздо большими средствами послѣ воцаренія, Екатерина не знала мѣры своей склонности къ роскоши и великолѣпію.

Все это, какъ извѣстно, доходило до баснословія во время знаменитой поѣздки императрицы въ южную Россію, въ 1787 году. Разсказывали, что для этого путешествія была назначена сумма 10 милліоновъ рублей, но что она оказалась впослѣдствіи недостаточною. Къ этому должно причислить еще расходы Потемкина по приготовленіямъ къ встрѣчѣ императрицы въ различныхъ областяхъ и городахъ, по постройкѣ многихъ домовъ, разведенію садовъ, устройству базаровъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проѣзжала Екатерина. На 25-ти станціяхъ отъ Кайдакъ до Херсона (около 350 верстъ, седьмая часть всего путешествія) было приготовлено 10480 лошадей, 5040 извозчиковъ и 9636 сѣделъ. На станціяхъ, гдѣ не положено было дворцовъ, устраивались галлереи; въ городахъ нужно было отводить или устраивать 25 квартиръ для лицъ свиты императрицы; на Днѣпрѣ была запрещена переправа, дабы не сдѣлалось остановки въ плаваніи. Всѣ вновь построенные дворцы и помѣщенія, въ которыхъ императрица останавливалась, были снабжены новою мебелью. Каждый разъ за столомъ употреблялось совершенно новое столовое бѣлье. Въ Кіевѣ, гдѣ путешественники оставались около трехъ мѣсяцевъ, Екатерина не хотѣла дозволить, чтобы посланники иностранныхъ державъ жили на свой счетъ. Каждому изъ

нихъ отвели цѣлый домъ, въ которомъ былъ дворецкій, множество лакеевъ, поваровъ, кучеровъ, экипажей, полный серебряный и фарфоровый приборы, большое количество бѣлья и запасы рѣдкихъ винъ и пр.

Все это производитъ тяжелое впечатлѣніе. Съ другой стороны, нельзя не признать, что именно во время такихъ путешествій въ особенно яркомъ блескѣ обнаруживались необычайныя способности императрицы и ея рабочая сила. Правда, она сама придавала слишкомъ большое значеніе своимъ поѣздкамъ, имѣвшимъ, нѣкоторымъ образомъ, характеръ инспекцій или ревизій, потому что все это являлось поверхностнымъ и лишь формальнымъ контролемъ дѣятельности органовъ правительства; однако для нея самой такія путешествія обыкновенно оказывались далеко не безполезными. Она узнавала, все-таки, кое-что о нуждахъ мѣстнаго населенія, своею личностью, умѣніемъ обращаться съ людьми, производила на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, становилась все болѣе и болѣе популярною, знакомилась съ особенностями различныхъ частей имперіи и пр. Во время такихъ поѣздокъ, императрица почти вовсе не прерывала своихъ обычныхъ занятій дѣлами. На станціяхъ, во время сухопутныхъ путешествій, на великолѣпныхъ галерахъ, во время плаванія по Волгѣ, въ 1767 году, или по Днѣпру, въ 1787 году, Екатерина просматривала и снабжала разными примѣчаніями многіе законопроекты, читала серьезныя сочиненія, переписывалась со множествомъ лицъ и бесѣдовала о дѣлахъ съ сановниками. Путешествуя по Волгѣ, въ 1767 году, она въ одно и то же время была занята изученіемъ края и переводомъ, съ помощію спутниковъ, Мармонтелева сочиненія „Bèlisaire“. То она, въ Ярославлѣ, посѣщала фабрики, то вела переговоры съ иностранными дипломатами по важнымъ вопросамъ международныхъ сношеній, то забавлялась въ обществѣ спутниковъ остроумными „jeux d'ésprit“, то старалась составить себѣ точное понятіе объ условіяхъ коммерческаго быта Нижняго-Новгорода. Во-

просъ о раскольникахъ на берегахъ Волги ее интересовалъ не менѣе, какъ то или другое сочиненіе французской литературы просвѣщенія. Осмотръ развалинъ Болгаръ въ окрестностяхъ Казани, изученіе недостатковъ администраціи въ приволжскихъ городахъ, шутки и забавы въ средѣ царедворцевъ, сановниковъ и иностранныхъ дипломатовъ—все это равнымъ образомъ занимало Екатерину. То же самое происходило и въ поѣздку, въ 1785 году, съ цѣлью осмотра Вышневолоцкаго канала. Во время этого путешествія, велись переговоры, имѣвшіе цѣлью заключеніе торговаго договора съ Франціею, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не было конца разнымъ шуткамъ и забавамъ, о характерѣ которыхъ можно судить по сохранившейся шутливой дипломатической перепискѣ, происходившей между Екатериною и Сегюромъ.

Всѣ современники иностранцы, посѣщавшіе русскій дворъ въ царствованіе Екатерины, восхищались прелестью общества, которое собирала около себя императрица и которое она оживляла остроумною бесѣдою, устройствомъ разныхъ праздниковъ, драматическихъ представленій и пр. Утонченность забавъ при дворѣ Екатерины II могла служить мѣркою вліянія западной Европы на нравы высшихъ слоевъ общества въ Россіи. Разница между грубыми шутками и потѣхами Петра Великаго и изысканными бесѣдами и вечерами въ Эрмитажѣ при Екатеринѣ II бросается въ глаза. Попойки, скоморохи, шумныя увеселенія исчезли; вмѣсто того давались на сценѣ театра въ Эрмитажѣ опера Екатерины, драма Сегюра и пр. Весельчакъ Левъ Нарышкинъ при Екатеринѣ не походилъ на какого-нибудь Балакирева временъ Петра Великаго или на придворныхъ шутовъ эпохи Анны Іоанновны. Подъ страхомъ строгаго наказанія, представители лучшаго общества при Петрѣ должны были посѣщать устраиваемыя царемъ „ассамблеи“; еще при Елизаветѣ посѣщеніе театра для многихъ лицъ было обязательнымъ; при Екатеринѣ предоставлено волѣ и желанію каждаго являться или нѣтъ, участвовать или не участвовать въ увеселеніяхъ и пр. Од-

нажды графу Сегюру показалась скучною и далеко не остроумною игра въ лото, которую любила императрица, и онъ, нисколько не стѣсняясь, произнесъ сатирическій экспромтъ, въ которомъ былъ осмѣянъ этотъ способъ развлеченія. Въ собраніяхъ „малаго Эрмитажа" придворный этикетъ не игралъ почти никакой роли; было постановлено правиломъ не вставать передъ императрицею. Де-Линь разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Во время путешествія по Днѣпру, въ 1787 году, Екатерина предложила замѣнить вѣжливое „вы" простымъ „ты"; де-Линь тотчасъ же согласился на эту шутку и нѣсколько разъ съ особеннымъ эффектомъ употребилъ „твое величество"; дозволяя такія шутки, императрица всегда оставалась, по словамъ де-Линя, величавою и сохраняла все внѣшнее достоинство самодержицы всероссійской и „чуть ли не цѣлаго міра". Нельзя не признать, что императрица умѣла выбирать себѣ общество: де-Линь, Сегюръ, Кобенцль, Бибиковъ, Нарышкинъ, Андрей Разумовскій и др. соединяли въ себѣ всѣ достоинства для того, чтобы участвовать въ увеселеніяхъ, устраиваемыхъ Екатериною. Многіе русскіе, представители лучшаго общества, по цѣлымъ годамъ проживали за границею и особенно охотно стекались въ Парижъ. Взамѣнъ того, изъ Франціи пріѣзжали въ Петербургъ знаменитости, въ родѣ Мерсье-де-ля-Ривьера, Дидро, Гримма, Фальконета и др. Никогда до этого русскій дворъ не находился столь непосредственно подъ вліяніемъ умственнаго и литературнаго развитія западной Европы. Въ сношеніяхъ Екатерины съ пользовавшимися громкими именами писателями и учеными замѣтна, правда, нѣкоторая доля тщеславія и хвастовства, но едва ли когда меценатство было лишено такой примѣси. Къ тому же, въ этихъ сношеніяхъ, видно также истинное добродушіе Екатерины, искреннее благоговѣніе предъ талантомъ и геніальностію замѣчательныхъ лицъ. Покупка библіотекъ Вольтера и Дидро, щедрые подарки Гримму и многимъ художникамъ и литераторамъ, пенсіи, выплачиваемыя императрицею разнымъ за-

служепнымъ дѣятелямъ въ западной Европѣ — все это свидѣтельствуетъ о способности оцѣнивать заслуги въ области умствепнаго труда, о добротѣ и человѣколюбіи Екатерины. Каковъ былъ характеръ бесѣды Екатерины, мы узнаемъ подробно изъ записки Гримма, составленной послѣ кончины Екатерины. Здѣсь онъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Петербургѣ, въ 1773—74 и 1776—77 годахъ, между прочимъ, слѣдующее: „Талантъ императрицы заключался въ томъ, что она всегда вѣрно схватывала мысль своего собесѣдника, такъ что неточное или смѣлое выраженіе никогда не вводило ее въ заблужденіе... Я видѣлъ ее ежедневно, съ утра до вечера, при публикѣ, и ежедневно, иногда два или три раза, но по крайней мѣрѣ, одинъ разъ, неофиціально; обыкновенно бесѣда наша, съ глазу на глазъ, продолжалась часа два или три, иной разъ четыре, а, однажды, семь часовъ, не прерываясь ни минуты". Описывая затѣмъ характеръ этихъ разговоровъ, отличавшихся многосторонностью предметовъ и обнаруживавшихъ умъ, познанія и способности Екатерины, Гриммъ продолжаетъ: „Надо было видѣть въ такія минуты эту необычайную голову, эту смѣсь генія съ граціею, чтобы понять увлекавшую ее жизненность; какъ она своеобразно схватывала, какія остроты, проницательныя замѣчанія падали въ изобиліи, одно за другимъ, какъ свѣтлыя блестки природнаго водопада. Отчего не въ силахъ моихъ воспроизвести на письмѣ эти бесѣды! Свѣту досталась бы драгоцѣнная, можетъ быть, единственная страница исторіи ума человѣческаго! Воображеніе и разумъ были одинаково поражаемы этимъ орлинымъ взглядомъ, обширность, быстрота коего могли быть уподоблены молніи. Да и возможно ли было уловить на лету ту толпу свѣтлыхъ движеній ума, движеній гибкихъ, мимолетныхъ! Какъ перевести ихъ на бумагу? Разставаясь съ императрицею, я бывалъ, обыкновенно, до того взволнованъ, наэлектризованъ, что половину ночи, большими шагами, разгуливалъ по комнатѣ" и пр.

*

Рабочая сила императрицы выходила далеко за предѣлы обыкновеннаго. Она вполнѣ обладала искусствомъ употреблять время. Вставая рано утромъ, въ 6 часовъ, она около двухъ часовъ занималась чтеніемъ, писала и пр. Затѣмъ начинались занятія государственными дѣлами, слушаніе докладовъ, совѣщанія съ сановниками. Послѣ обѣда императрица приказывала читать вслухъ, а сама, обыкновенно, занималась рукодѣльемъ. Затѣмъ опять слѣдовали занятія текущими государственными дѣлами. По вечерамъ происходила игра въ карты, драматическія представленія и пр. Екатерина, обыкновенно, рано ложилась спать, вообще она придерживалась регулярности въ обыденной жизни; ей доставляла удовольствіе игра въ бильярдъ; она точила, гравировала, занималась живописью, страстно любила осматривать предметы искусства и пр.

